

ВТОРОЙ ПЕТЕРБУРГ

№ 1 (59) Январь – апрель

Литературный фонд
«Дорога жизни»

Санкт-Петербург
2026

ВТОРОЙ ПЕТЕРБУРГ № 1 (59)
Литературно-публицистический журнал

Редакторат:

Дмитрий Мизгулин (Санкт-Петербург) – председатель
Валентина Рыбакова (Санкт-Петербург) – главный редактор
Андрей Шацков (Москва) – креативный редактор
Анастасия Евменова – художественный редактор

Редакционная коллегия:

Юрий Козлов (Санкт-Петербург) – председатель
Марианна Дударева (Иваново)
Мария Инге-Вечтомова (Санкт-Петербург)
Кирилл Козлов (Санкт-Петербург)
Елена Крюкова (Нижний Новгород)
Николай Рачков (Санкт-Петербург)

В проекте принимают участие:

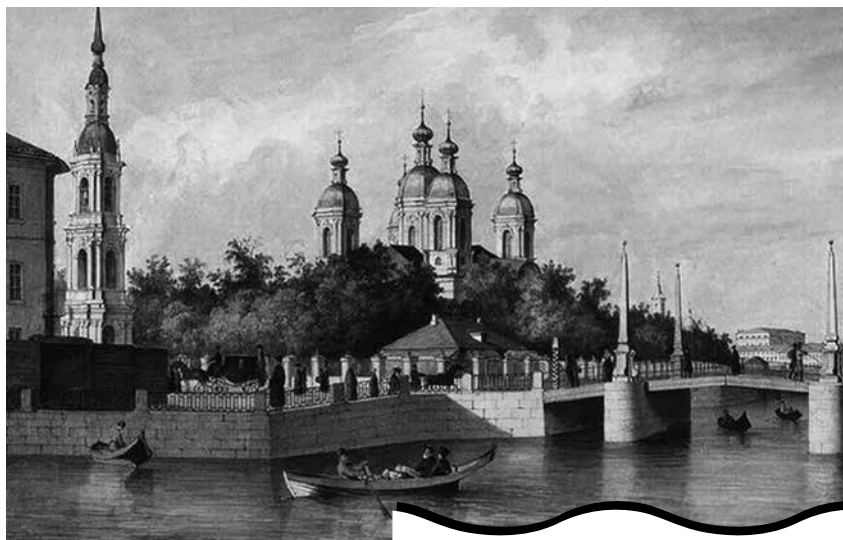
Рената Платэ (Санкт-Петербург)
Нина Симонова (Санкт-Петербург)
Оксана Шейкина (Овстуг, Брянская обл.)
Светлана Этигон (Санкт-Петербург)

ISBN

Некоммерческое благотворительное издание выпущено при поддержке литературного фонда «Дорога жизни». Авторский коллектив благодарит Президента фонда Мизгулина Дмитрия Александровича за поддержку творчества членов Союза писателей России и молодых литераторов Санкт-Петербурга и России.

Внимание: редакция не всегда и не во всём разделяет точку зрения авторов опубликованных произведений. Приносим извинения всем, посчитавшим себя обиженными, униженными или оскорблёнными.

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Типография «Эталон»
Санкт-Петербург
2026

Борис СЕРГУНЕНКОВ6

ПОЭЗИЯ

Людмила БАНЦЕРОВА..... 25

Василий КОВПЕР 133

Елена КОЛЕСНИКОВА..... 71

Борис ЛУКИН 44

Андрей РОМАНОВ 51

Олег СЕЛЕДЦОВ..... 74

Михаил ФЕДОСЕЕНКОВ 130

Андрей ШАЦКОВ 114

ПОЭЗИЯ XX ВЕКА

Сергей МАКАРОВ 15

ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА

Геннадий АЛЕКСАНДРОВ

Тыквенная каша

Рассказ..... 30

Дмитрий ДАРИН

Подарок

Рассказ..... 57

Кирилл КОЗЛОВ

Слово о Сергее Макарове

Эссе 22

Дмитрий МИЗГУЛИН

Предсказатель

Очерк.....8

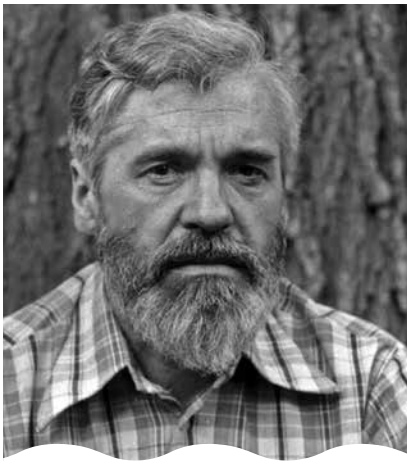
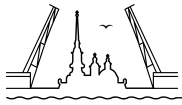
Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ

Король фурнитуры

Роман 82

Владимир РОМАНОВ Русский перепляс Рассказ.....	48
Николай ТРОПНИКОВ Илиотропион Рассказ.....	137
КРИТИКА БЕЗЗУБЦЕВ-КОНДАКОВ Игра Ходасевича	121
Марианна ДУДАРЕВА Апология русской жизни.....	77
ПЕРЕВОДЫ Елена СЕМЕНЧЕНКО Легенда.....	162
КУЛЬТУРА Даниил МАРКИН История Благовещенского, Литейного и Троицкого мостов: неожиданные детали	142
КРАЕВЕДЕНИЕ Рената ПЛАТЭ Стояла Купчинская церковь	147
Нина СИМОНОВА Второй директор трудовой школы-колонии «Красные Зори»	154
СОБЫТИЯ	166

Борис **СЕРГУНЕНКОВ***

* * *

Беда славянофилов не в том, что они объявили соборность главной особенностью русского народа, возможно, в этом они и правы, возможно, и нет, а в том, что своё открытие они сделали не из сути России, русского народа, а по реакции на Запад, мол, на Западе силён индивидуализм, а у нас соборность. Их открытие оказалось не откровением, не взглядом из себя, из своего сердца, не голосом души, а мнением со стороны. У вас – так, у нас – эдак. Русские оказались неспособными перейти из духовной сферы в мирскую, минуя философию, познание. На них сильно влиял Запад, и они с лёгкостью отказывались от своего и чужого. Они, славянофилы, имели тысячелетие, запас русского духа, мощь его, но не имели перекидных мостков соединить две материи: духовное и мирское. (Это удалось в литературе). Совершив огромный рывок вперёд, Россия обрела прекрасное новое, но утратила пре-

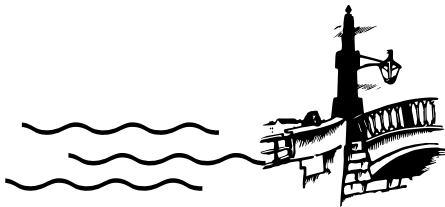
* Сергуненков, Борис Николаевич (08.02. 1931) – детский писатель-сказочник, прозаик, эссеист. Окончил факультет журналистики Киевского государственного университета (1955). Работал в газете, затем скотогоном, буровым рабочим, матросом, лесником. Первый рассказ опубликован в 1956 г. Член Союза писателей России с 1962 г.

красное старое. И это вечный результат насильственных потрясений. Но у неё есть возможность всё наверстать. Её потери не существенны и терпимы. Мощи духа она не потеряла. Он жив.

* * *

Я ощущал в себе причастность к русскому народу, свою русскость не оттого что мой отец и моя мать русские, как и мои деды и бабы, не оттого что я родился в русском городе, жил с русскими, говорил на родном русском языке, читал книги русских писателей, учил русскую историю и т. д. – хотя всё это значило для меня очень много. Я ощутил свою русскость, свою связь с народом, став его защитником, оттого что мне открылось молчание. В лесу произошло это великое для меня событие, и оно продолжается до сего дня. Смерть и возрождение открыли мне не только молчание, они открыли мне связь с народом, я почувствовал его великое для меня значение, в меня словно сила миллиардов моих предков влилась, я открыл свою личность, её общечеловеческие нравственные и духовные ценности: добро, любовь, красоту, мудрость. С тех пор личность, Бог, всечеловечность, народность – те опоры, на которых стоит для меня храм жизни и творчества. Убери одну из них – он рухнет. А между тем сколько вранья написано на этот счёт, чудовищного, злодейского, изощрённейшего! Как всё напутано, перевернуто, передёрнуто и о личности, и о человечестве, и о народности, и о Боге.

Шантилиха. 2006

ПУБЛИЦИСТИКА

Дмитрий МИЗГУЛИН*

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ

Нет человечески истинного
без истинно народного.

А. С. Хомяков

Для А. С. Хомякова как для философа и литературного критика вопрос о народности литературы решён раз и навсегда: «Нет человечески истинного без истинного народного».

В статье «Письмо в Петербург о выставке» (1845) он, рассуждая о греческой статуе, выполненной германским скульптором, так выстраивает свои рассуждения: «Германия говорит своему художнику: «Слепи мне фигуру в греческом вкусе», и художник принимает за дело. Ему следовало бы сказать, что он не эллин, что он не поклоняется богам олимпийским, что он родился не под тем небом, воспитан не той жизнью – а он себе лепит да лепит. Грек, вследствие своего исторического развития обоготворивший вещественную красоту и силу, поклонявшийся с рели-

* Мизгулин, Дмитрий Александрович – русский поэт, прозаик, публицист. Президент литературного фонда «Дорога жизни», общественный деятель. Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры.

гиозным трепетом своим пластическим идеалам, создал формы, одушевлённые чудною гармонией... Это сделал эллин, и никто, кроме эллина, не сделал, и сделать не может».

Однако вопрос о «народности» литературы (как художественной культуры, так и общественной жизни вообще) поставлен Хомяковым более глубоко. Вопрос о народности у Хомякова – это вопрос о взаимоотношении народа и высших слоёв общества, тех, что впоследствии стали именоваться интеллигенцией.

Вопрос о взаимоотношениях интеллигенции и народа – центральный вопрос русской философской мысли XIX–XX веков. В произведениях Н. Бердяева, В. Розанова, Г. Федотова дан глубокий анализ всё более расширяющейся пропасти между народом и интеллигенцией. Г. Федотов вообще определил процесс таким образом: «Результат получился приблизительно такой же, как если бы Россия подверглась польскому или немецкому завоеванию, которое, обратив в рабство туземное население, поставило бы над ним класс иноземцев-феодалов, лишь постепенно, с каждым поколением поддающихся неизбежному обрусению».

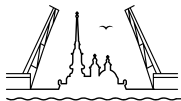
Одним из первых, кто указал на губительность такого разрыва, был Хомяков. Более того, вопрос о спорах между славянофилами и западниками у него стоит иначе – как вопрос о народном начале и иноземном. «Система просвещения, принятая извне, приносила с собой свои умственные плоды в гордости, которая пренебрегала всем родным, и свои жизненные плоды – в оскудении всех самых естественных сочувствий...»

«По мере того как высшие слои общества отрывались от условий исторического развития, погружались всё более и более в образованность, истекающую из иноземного начала, по мере того как их отторжение становилось всё резче и резче, умственная деятельность слабела в низших слоях... Художеству истинному, живому, свободно творящему, а не подражательному, не было места».

Таким образом, Хомяков считал, что развитие искусства под знаком «западного» просвещения лишает творчество истинной свободы духа (которая, заметим, впоследствии была хитро подменена свободой формы).

Что же подразумевает Хомяков под «народностью»?

«Принадлежать народу – значит с полною и разумною волею сознать и любить нравственный и духовный закон, проявляю-

щийся... в его историческом развитии. Неуважение к этому закону унижает неизбежно народ в глазах других народов. Нам случается впадать в эту крайность, но в то же время ошибка наша простибельна, это не грех злой воли, а грех неведения...»

«Самобытность (народность) мысли и суждений невозможна без твёрдых основ, без данных, сознанных и созданных самобытной деятельностью духа, без таких данных, в которые он верит твёрдою верой разума, тёплой верой сердца». Удивительно, как это всё-таки в России умеют не понимать друг друга. В. Розанов не любил Хомякова и весьма язвительно писал о нём. Так, в статье «Памяти А. С. Хомякова» он назвал его рассуждения «гнусно-ханжескими», считал, что идеи его не представляют «высотного и стройного здания». В другом месте Розанов восклицает, вспоминая Хомякова: «Как он ошибался!» – отмечает, что его слово не выдержало проверки делом, что его забыли «посолить».

Хотя, наверное, в своё время Булгарин был более «солёный», чем Пушкин, барон Розенгейм – чем Лермонтов. Действительно, Хомяков не оставил блестящих разборов – он в полном смысле не был художественным критиком, но он дал направление критической мысли, которое упорно не замечал В. Розанов. Хомяков, если хотите, предсказал будущее русской литературы как литературы народной, почувствовав невозможность существования её как достояния постепенно вырождающейся аристократии и дегенерирующего интеллигентского быдла. Так впоследствии и стало – литература прошлого была физически уничтожена – уничтожены были её носители, писатели из «правлящих классов», наиболее близкие к народным кругам.

Продолжателями народных традиций в литературе стали дети вчерашних крестьян, и они, как носители «чуждой» идеологии, подвергались обстрелу из «народно-демократически-интернациональных» окопов.

И славянофилы, и Хомяков чувствовали, что до настоящего русского просвещения, до появления настоящей русской философско-исторической мысли, способной сплотить и собрать воедино державу и нацию как геополитическое и философско-историческое целое, ещё далеко. Но они угадали, что «поэзия обогнала тугой рост русского просвещения» [см.: Аксаков И. С. Речь о А. Пушкине].

Поэтому так чётко прислушивались к ней.

Действительно, книги Хомякова не были настольными книгами читающей России. Идеи славянофилов тоже не воплотились в жизнь.

Но беда России вовсе не в том, что Хомяков не был самым читаемым её автором. Беда в том, что таковым не был в России и сам Пушкин.

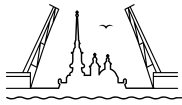
Беда России в том, что народная линия в литературе (как и в культуре, вообще) затухала и постепенно сошла на «нет».

Вся народная литература, внимательная к самому широкому кругу проблем человека, любящая русского человека в его естественном развитии, была объявлена в «передовой» прессе реакционной и даже вредной.

Критики «народного» направления практически не существовало, художественная критика постепенно была подменена общественно-политической полемикой. Под видом «свободы» борьбы с деспотией шла кампания преклонения перед «наукой» и «просвещением» (западным), которое не шло дальше рассуждений о парламентской системе и восхищениям механической машинкой для чистки ботинок.

Развивался процесс восхваления инородных традиций и духовных начал. Нападкам подверглись и все видные русские литераторы – Пушкин, например. Белинский, которого Розанов считал зачинателем «эстетического» направления русской критики, не только делал глубокие «реверансы» в сторону «западного просвещения», но уже и грешил социальным анализом. Представители «этического» направления и были зачинателями советской школы «критики», занимавшейся объяснением исторического материализма на литературных примерах, а сегодня – наоборот, с помощью той же литературы, доказывающей абсурдность этой теории. Поэтому, в сущности, разговор не меняется – идёт ли он о Кочетове и Бабаевском или о Войновиче и Бродском.

Третье направление, «научное», постепенно сужалось и превратилось в литературоведение, зачастую – историческое. Странно, что Розанов не нашел места в своей классификации славянофилам – Хомякову, И. Аксакову, Киреевскому, не заметил их близости к Григорьеву, Страхову. Итак, постепенно, литература сдавала в XIX веке позицию за позицией, журнал за журналом...

Против настоящих писателей была развязана прямо-таки травля. Вспомним, например, Лескова. Причина одна – Лесков осмелился (!) показать «положительный тип русского человека». Герои Лескова – праведники, и несть им числа, и они – лучшие представители России, её духовная опора.

«Либералы» и «нигилисты» открыли по Лескову в своих журналах прямо-таки залповый огонь. «Интернационалистов» «трясло» от патриотизма Лескова, от его «положительных» типов.

Ведь у Лескова русский человек (причём отнюдь не идеализированный) – не тунеядец, не пьяница, не дебил, не скотина – словом, не сырой материал для строительства нового общества (по Чаадаеву), а личность со своим мировоззрением и местом в историческом мировом развитии.

Кстати, о Чаадаеве и декабристах. Хомяков, будучи офицером, был вхож во многие московские гостиные и был близко знаком со многими участниками мятежа 1825 года. Однако с ними не был. Как объясняется сегодня, точнее, вчера – в силу своей ограниченности. Но, точнее сказать, в силу своей органичной связи с интересами России, и её народов. Не мог не понимать, какие ветры закружили декабрьскую позёмку, и чувствовал, какие бури грянут за ней...

Розанов, читая либеральные журналы, был убеждён, «что их издают пьяные семинаристы, которые пишут свои статьи при сальных огарках, после чего напиваются пьяны и спят на кроватях со своими курсистками...» Каково же было его удивление, когда он узнал, что в кабинет «неумытого нигилиста» Н. Благовсветлова «вела дверь из чёрного дерева с золотой инкрустацией, перед которой стоял слуга-негр...» Это у того самого пламенного «интернационал-демократа» Благовсветлова, который писал о Лескове: «И журналов и писателей таких оказалось в изобилии. Чего другого, а равнодушия самого возмутительного у нас не занимать». Тогда, конечно, «пресечь» действия Лескова не удалось.

Но с 1865 по 1917 год удалось буквально разгромить, смешать с грязью всю русскую литературу и культуру, почти полностью уничтожить художественную критику.

Полупьяные челкаши, воры, проститутки, дегенераты из ночлежки стали «яркими» представителями народа, положительным героями.

Всё это выдавалось едва ли не за социальный протест, «несчастные» пьяницы представлялись «жертвами» несовершенной политической системы. Писатели-демократы и обслуживающая их критика сделали всё возможное, чтобы доказать, что эта выгребная яма и есть незамутнённый российский исток. Сами же хлебали оттуда (воздадим им должное), да ещё и причмокивали, приговаривая: «Ай, как вкусно...» И не морщились. Словом, в результате длительной работы вся почти литература к началу XX века стала поистине антинародной. Общество, точнее сказать «интеллектуально-аристократические» круги, было охвачено эйфорией «полной свободы безродного сиротства».

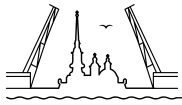
Внутренняя целостность такого сложного организма, как Россия, была нарушена. Культура и наука продолжали выполнять свои разрушительные, антинародные функции. Интеллигенция сложилась в разрушительный отряд, заряженный мощной энергией разрушения существующего уклада жизни. Как и предсказывал Хомяков: «Разъединённость же есть полное оскудение нравственных начал, и заметь, что оскудение нравственных начал есть в то же время оскудение сил умственных».

Сегодняшний день как нельзя более подтверждает эти слова.

Ничем иным, как «помутнением» рассудка, не назовёшь сегодняшние решения государственных мужей, да и реакцию народа на эти решения тоже. Ничем иным как «оскудением» ума не назовёшь всю нашу нынешнюю прессу, вышедшую из «несвоевременных мыслей» великого Горького, которые были ещё более «своевременны», чем самый «своевременный» роман в мире. По Горькому же, «оскудение ума и нравов» – естественный ход событий, объясняемый только качеством характера русского человека. Русские у Горького и «тупые», и «ленивые», и «развратные», и «звери» только потому, что они – русские. Вот уж, действительно, с большой головы – на здоровую! Присущие «передовой интеллигенции» качества нравственного и умственного вырождения переложены на нацию в целом. Горький все вышеперечисленные упреки мог бы адресовать себе лично, кроме разве что того, что «евреи любят труд больше и работают лучше, чем русские».

Написал он раз в пять больше, чем Шолом-Алейхем.

Хомяков ещё в 1856 году определил симптомы будущей болезни, переходящей, пожалуй, уже в агонию: «Да, мы больны

своей искусственной безнародностью, и если бы не были больны, то и толковать бы не стоило о необходимости народности... ни в Англии, ни во Франции не думали о народности, потому что там нет чужих стихий, а у нас думают, потому что они есть...»

Чужая стихия, «западническое» просвещение, захлестнула-таки всю нашу словесность, превратив, как и предполагал Достоевский, её в прессу. Эпоха прессы сделала своё дело: вместо литературы – репортаж, вместо критики – полемика.

Пресса занялась последовательным разложением общества, растлением, насаждением ненависти к Отечеству, презрения к своему народу. Результатом этого процесса и стала революция.

И только «умственно оскудевшая» профессорско-адвокатская прослойка объясняла происходящее то «звериной сущностью русского мужика», то «жидомасонским» заговором.

Розанов верно описал ситуацию тех лет: «Я понял, что в России «быть в оппозиции» – значит любить и уважать Государя, что «быть бунтовщиком» в России – значит пойти и отстоять обедню...» Розанов писал Леонтьеву: «...в XX веке политика пойдёт по Вашим указаниям – всюду, и в Европе...» Однако почему-то считал, что мысли Хомякова; пусть «несолёные», – не стоят внимания. По сути, единомышленник, Розанов пишет о Хомякове: «Гнусность и ханжество».

И это тоже признак вырождения – непонимание задач искусства. Силам разрушения потворствует и Розанов, и правительство, которое дважды закрывало журналы славянофилов – «Парус» и «День».

А Благодетлов всё благоденствовал со своим «Делом», и негр запускал всё новые и новые партии «пьяных семинаристов» в его роскошный кабинет. У России был печальный финал.

Россию погубила борьба классов – но не по Марксу, а по Хомякову. Поэтому не парадокс, что «белую гвардию» возглавили генералы – потомок сибирских казаков Л. Г. Корнилов, внук крепостного А. И.

Деникин, солдатский сын М. В. Алексеев.

А по петроградским улицам, в феврале, гордо шествовал великий князь Кирилл, троюродный брат императора, с алым бантом революции на груди.

ПОЭЗИЯ XX ВЕКА

Сергей МАКАРОВ*

ПЕНЬЕ

Впротяг заclubился тумана забел,
 Спеша обволакивать Ладоги ширь...
 Вот хор валаамских монахов запел –
 Мощнее органа звучал монастырь,
 Гремел, с тишины собирая оброк!
 А вечер, считающий тына кольё,
 Луну-осветлиху на мраки обрёл
 И – тучей-гасихой пришлёпнул её.
 Листву объедал жеребёнок с куста,
 Созрелым укропом пропах огород.
 И нищий совсем не за ради куска
 Монашьему хору подпел у ворот,
 И пенье скользило, как плот, по волнам...
 Туман был повязче и рясок, и тин,
 И в Ладогу каменным лбом Валаам
 Уперся, как бык в неуступчивый тын.

* Сергей Георгиевич Макаров (25.02.1941 — 25.10.2017) — советский и российский поэт, переводчик, общественный деятель. Автор более 30 книг стихотворений и поэм. В 1998–1999 годах в издательстве «Околица» вышел трёхтомник избранных произведений поэта.

РОДИТЕЛЯМ

Дети нам – кровиночки, не гости!
Им прощайте шалости да игры,
Бросьте-ка выёживаться в злости,
Уберите-спрячьте гнева иглы!

Солнце прёт в оконце, в блёстках – рама,
Вот малыш с утра проснулся снова,
И – с улыбкой молвил слово «Мама!»,
«Папа!» – зов любви второго слова.

Мама с папой, вам в секунды эти
Радостнее даже, чем от солнца! –
Коронуют нас улыбкой дети
Счастье материнства и отцовства...

ВЗЫВАЮ

Под зарёю избоченилась изба,
Распахнулась дверь зазывно, как судьба.
Дескать, снова нам свидание дано,
Мы не виделись-не слышались давно!
В этой горенке степнячка-свет жила,
Прервалась моя стезя к ней, тяжела...
Степь цветёт, и воздух – приторно-медов,
Пчёлы – в тёплых парашютиках цветов.
Солнце встало, поразвеело слегка
Кочевые кочевые облака...
На пороге – дочь Ивана-степняка,
Два зрачка черны, как два истопника, –
Непрощённого меня испепелят!
Заслужил я, заслужил я этот взгляд.
Но – взываю: стань же сладкою, не злой,
Тяжба каждого цветка с любой пчелой!

ВСПОМИНАЯ ИГРЫ

Перепалки ярые,
 Дерзкие!
 Хохлились, как вороны
 Вороги:
 Сердцу игры старые
 Детские,
 Две враждебных стороны –
 Дороги!
 «Юг вам ближе, север ли,
 Север ли?»
 «Хвастаетесь вы-то чем,
 Вы-то чем?»
 «А мы просо сеяли,
 Сеяли!»
 «А мы просо вытопчем,
 Вытопчем!»
 «Что ж пришли вы с латками
 Солода? –
 Ваши зубы шаркали
 Голодно...
 Вам сегодня сладко ли»
 «Солоно!»
 «Вам сегодня жарко ли?»
 «Холодно!»
 «День был белым, серым ли,
 Серым ли?»
 «Действам рады вы-то чьим,
 Вы-то чьим?»
 «А мы просо сеяли,
 Сеяли!»
 «А мы просо вытопчем,
 Вытопчем!»

РЫДАНЬЕ

Над Славянским Полем – синь-туман
Выжал скороспелых рос капели...
На границе сопредельных стран
Соловьи славянские запели.
Их нетерпеливая луна
Торопила: «Ну когда ж начнёте?»
Побледнев, осунулась она, –
Песня взмыла на высокой ноте.
Я из ноты сей стихи совью,
Выпущу в небесное безбрежье...
С каждой стороны – по соловью,
И за каждой птахой – зарубежье.
Три таможни застыт взорам близь...
Вряд ли, здесь живущие, уснёте:
Соловьи славянские зашлись
Во рыданье на высокой ноте.
Порасцвел в трёх странах сводный сад,
Провода промеж столбов провисли,
Соловьи бесстрашно голосают,
За славян озвучивая мысли:
«Петь-стенать при утренней звезде...»
«В чём же наши грешные оплошки?»
«Братство, ты запропастилось где,
Где ж вы разминулись, наши стёжки?»
...Оттеснило неразрыв-село
Порубежный столб в саду не гиблом,
А рыданье – гибко проросло
Хоровым общеславянским гимном!

ВДРУГ ДА...

Не совершив никчёмных поступков,
Ладоги нравная дочь Нева,
Солнцем по гром-ледолому постукав,
Выпусти лебедя из рукава!

Небо с лучами вплети полнокровно
 В толстые косы бликующих струй...
 Льдины последние лопнули, словно
 Сколки драконовых крупных чешуй.
 Вот, солонья от страсти великой,
 Финский залив женихаться готов, –
 Выйди невестой к нему вешнеликой
 С гулким кокошником дружных мостов!
 У наречённых-то встреча какая!
 Быть я свидетелем этого рад,
 В пляшущих пенных волнах кувыркая
 Свой навесененный радостью взгляд.
 Вешней невесте Неве несравненной
 Чайки бросают букет голоса...
 С этой вот песней, навзлёт вдохновенной,
 Вдруг да на свадьбе понадоблюсь я?

СПОРЩИКИ

Свисли сосульки густо
 С крыш, с козырьков карнизов,
 Словно предвешний город
 Свесил под солнцем волосы...
 Спорили два поэта –
 Решетов и Корнилов,
 Шли вдоль Невы, курили,
 Хлётко сшибались возгласы.
 Строчкам стихов и спору
 Чутко внимала Охта,
 Набережную вяло
 Снегом намоклым кутая...
 Корюшкой, голубцами
 Кухонь дышали окна,
 За длиннохвостой кошкой
 Мчалась дворняга куцая.
 Чайки на льду сидели
 В зябких и кротких позах,

Целился из рогатки
В птиц пацанёнок-пакостник...
Был коренаст Корнилов,
Твёрд, как надёжный посох,
Решетов же – порывист,
Будто балтийский парусник.
Разные, молодые,
Косностью не зажаты,
Спорили оба друга
Яростно, как мятежники!
Тридцатипятилетним
Шествовал век двадцатый,
Сквозь скорлупу сугробов
Выклюнулись подснежники.

ВОЗДУШНЫЙ ШАРИК

«... дед мой – Корнилов Тарас...»

Борис Корнилов

Шёл с рассвета дед Тарас
В Нижний Новгород пешком, –
Одуванчики как раз
Обрастали бел-пушком!

Дед, расторгнув полutiшь,
Шутки плёл, прогнав печаль:
«Не орёл – не полетишь,
Так что к ярмарке причаль!»

В глуховатый свой смешок
Окуная острый нос,
На горбу тащил мешок, –
На продажу лапти нёс.

Вечной бедностью влеком,
Торговался что есть сил!

Возвращался – под хмельком,
Но – гостинец приносил,

И слова порхали с губ
Веселей синичьих стай:
«Я, внучок, не серопуп, –
Пряник жуй и подрастай!»

Хохотал во весь-то пыл:
«Жизнь – взаправду хороша!»
И воздушный шарик плыл,
Как на цыпочках душа...

ПУБЛИЦИСТИКА

Кирилл КОЗЛОВ*

СЛОВО О ПОЭТЕ

Эссе

Сергей Георгиевич Макаров – советский и российский поэт, переводчик, редактор. Он родился 25 февраля 1941 года в городе Горьком (в настоящее время Нижний Новгород), поэтому публикация его стихов может быть приурочена к этой важной дате. Сергей Макаров стал писать стихи ещё в школе, их публиковала детская и молодёжная пресса. Затем в жизни поэта обозначились два события, к которым он пришёл осознанно, пожелав стать профессиональным писателем. С 30 марта 1976 года он стал членом Союза писателей СССР, далее с 1977 по 1979 годы учился на Высших литературных курсах в Москве. С тех пор состоялось множество публикаций в журналах «Огонёк», «Смена», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Нева», «Звезда», «Аврора», «Север», «Второй Петербург» и других. Также начались публикации в ежегодном альманахе «День поэзии».

* Козлов, Кирилл Сергеевич – российский поэт, литературовед. Член Союза писателей России.

Ленинград», составителем которого был известный поэт и фронтовик Семён Ботвинник.

Сергей Макаров был опытным поэтом, работавшим дополнительно в жанре художественного перевода. Эта дружественная традиция позволяла советскому читателю узнать имена авторов всех республик, входивших в СССР, отдалённых уголков нашей необъятной Родины. В общем количестве Сергей Макаров выпустил более 30 сборников и книг стихотворений! Меня всегда поражала его продуктивность. Мы познакомились в самом конце двадцатого столетия в великолепном Аничковом дворце, в литературном клубе «Дерзание», где поэт некоторое время преподавал юным авторам основы литературного мастерства. Я был одним из начинающих. И вот уже тогда, в 1998–1999 годах, у Макарова в издательстве «Околица» вышло трёхтомное собрание сочинений, что ещё раз подтверждало его высокий статус. Эти книги он подарить не мог – вероятно, тираж был крайне мал, зато другие дарил с щедростью. В моем архиве сохранилось не менее десятка сборников Сергея Макарова.

Подборка стихотворений, представленная сегодня уважаемому читателю, составлена мной из произведений, вошедших в книгу «Развиднелось» 2003 года издания. Поэт продолжал активно работать, выступать, работать с молодёжью. Писал он очень много. Достаточно вспомнить о том, что в книгу «Развиднелось» вошли стихи, написанные с 2000 года, а страниц в книге... за три сотни! Впоследствии Сергей Георгиевич переехал из Санкт-Петербурга в Великий Новгород, после чего мы с ним не встречались. Он продолжал работать в писательской организации Великого Новгорода вместе с А. Молокановым и другими деятелями. Жизненный путь поэта Сергея Макарова завершился в 2017 году. Мы простились с ним здесь, в Санкт-Петербурге, а потом он был упокоен на территории Покрово-Тервенического православного женского монастыря.

По моему твёрдому убеждению, поэзия Сергея Макарова жизненно необходима сегодня и всегда, поскольку отсылает она к нашему прошлому, к сложной истории, к далёким предкам славянам, их традициям, верованиям и устремлениям. Все это, к сожалению, остаётся зачастую невостребованным, непонятым, не оценённым по достоинству. Наша задача – как можно

чаще вспоминать Сергея Макарова и его богатейшее литературное наследие. Как мы можем заметить, в подборке есть отсылки и к другим поэтам, в частности, к Борису Петровичу Корнилову (1907–1938). Кстати говоря, это объединяло его с основателем журнала «Второй Петербург», поэтом и общественным деятелем Андреем Владимировичем Романовым, который приложил немало усилий для того, чтобы имя Корнилова звучало в современном Санкт-Петербурге.

ПОЭЗИЯ

Людмила **БАНЦЕРОВА***

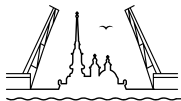
* * *

И Бог помогал им предвидеть прохладу,
дорожные хляби и стук молотка...
Биение сердца скользило по саду
в движеньях беспомощного мотылька.

И Он утешал их в означенном лете –
привиться пчелиной усмешкой с утра,
пока ещё горестный свет не заметен,
незыблем в древесном изгибе ребра...

И падали листья, и скорбную щёку
призывно, как семя, клевал воробей...
И Бог приносил эти яблоки к сроку –
притихших по миру великих скорбей.

* Банцеров, Людмила Васильевна – поэт. Автор семи поэтических книг. Лауреат городских, российских, международных литературных премий и конкурсов. Победитель XII Международного литературного тючевского конкурса «МЫСЛЯЩИЙ ТРОСТНИК» 2024 г. Член Союза российских писателей. Живёт в Рязани.

И вновь возвращался к стремительным птицам,
к частицам сознания природы скупой,
к домам восковым – ледяным черепицам,
взмолившись страдальческой, детской рукой...

А был ли младенец в мерцающих ливнях,
где старые лодки его берегли?..
Хватило бы силы, замешанной глины,
каменьев прибрежных вдали...

* * *

Я признаю – ответственю, что сердце будет раной!
В саду непроницаемом, до одури глухом
шмеля услышу зов – непредсказуемый, гортанный –
вонзится в небеса, как прокажённый, за окном.
Шаги неспешные мои, каких земель созвучие,
каких немых травинки пожелтевший горизонт?..
А где-то там, среди дерев восстанет новомученик,
мучительно презрев победного оврага стон.

Шаги мои – из всех земных болей подслушано,
из всех гнездовий вдовьих – обречённость-попынька.
Мне этот мир запомнится зияющими лужами,
кривыми досками, гвоздём нездешнего жилья.
И проплывут пичуги колыбельные, ведомые,
во мне завяжут коконом, провидческим зерном.
Не воспросить теперь богов, не отойти от дома мне,
молящих мирных рук не увидеть и не сказать «шалом»!..

Я вам ответственю! Я голос слушаю безвременья –
латунный звон его и озабоченность крюков.
Вот так бликуют тополя зелёно-горьким семенем,
не замечая прорези смолёных битых чердаков.
Шаги мои – всего лишь судороги тленных веток,
смешного очага, печной трубы погрешность – скол.

И что припомню я: невинный говор малолеток,
и огненный терновый куст, что так смертельно цвёл...

РЕКА

В этих грустных окраинах стихну в мучительном слове.
Поживу. Я в начале полей, ожидающих смерч.
Не рыбаку пока, но отцовская сеть наготове –
только лодку в дорогу собрать и гомеровский меч.
Я давно залегла в берегах водянистой прохлады,
не подмочена снедь, лишь прострелена небом рука.
Перелётные птицы поют у могильной ограды,
вынимая из стремени память и нерв позвонка...

Слышишь, реки звучат не во мне, а в библейских прихожих?
Не дарована мне переливов речных кутерьма.
Эх, река! Я давно на тебя безутешно похожа.
Хочешь жизнь на «блошином» базаре отдам задарма?
В этих стылых окраинах время забилось в скворечни,
подытожилось в ливнях скрипучим ознобом дверей.
Бьётся быстрая речка во мне – мы теперь бесконечны,
мы ещё остроносее будем пиратских твоих кораблей.

Только всхлипы речные и слышу да поступь земную,
да вдогонку дрожанье предместий, хорал тростника.
Эту водную взвесь к рыбакам и моллюскам ревную,
превращаясь в полоску не спящего в ночь маяка...
Вот река сохранит мою боль, приумножив моление.
И, река, за поводья меня не тяни – я иду за тобой...
Твои воды во мне. Всё подвержено столпотворенью:
адреса берегов и мелькание рыб за спиной...

Сяду в лодку твою, ни мытарств не приму, ни капризов.
Глубочайшие речи твои признаю, высоту берегов.
Вот и в путь собралась – всей рыбёшкой давно ли пронизан
мой медлительный век, мой ускоренный час – крысолов?..
Вот и время пришло собирать этих рыб одичание.

Постою у воды, у продрогшей земли на виду.
Не забуду дыхание волн, их святое молчание,
человечью, а может речную свою маету...

* * *

Друг мой, вот выстроишь дом на просвет одинокий,
камень на камень тяжёлый, клади на весы.
Чёрные земли вонзятся в летящие строки.
Нет, я не вижу лачуг, лишь гуденье осы.
Стены возводишь – привычными стульями скрасишь.
Где-то в пролёте окна недосказана мысль,
в детство твоё убегает – погибла на трассе,
вот где безмолвно таится пророческий смысл...

Друг мой, вся бездна твоя – наскребла на полслова.
Слёзы свои не вывешивай мокрым бельём.
Вот возведёшь свой очаг – этим всем арестован.
Дождь из стакана в стакан не спеша перельём.
Ах, эти стены – огромные тихие идолы,
всеми грехами набитые, всею молвой.
Вот ведь и реки мальками прорежутся гиблыми,
ты их в лавине белесых туманов сокрой.

Друг мой, вот выстроишь дом, а ведь камни, как души,
чуют предместья – неровный заброшенный круг,
сад навсегда опустевший во время удущья,
талые воды предзимья неспешных округ.
Горестно руки положишь свои на колени,
точно эоловы арфы – вращут в позвонок.
Слышится тихое эхо твоих появлений
в доме, где льётся по каменным стенам вьюнок...

* * *

А я сегодня слышу, снег опять пошёл –
и так неистово, неимоверно, гибло.
Вот так, наверное, в раю бывает хорошо
до сотворенья мира – нервного изгиба.
Иду легко по саду. Брошенный теперь –
за всю мою неверность и злословье.
Я приоткрою тишину, открою дверь
в назначенное кем-то мне зимовье...

А снег идёт. Он кажется вовсю живым –
таким иным, без причитаний и уловок.
И только, может, мой надмерный мирный дым
спасёт меня от скудных, мёртвых зарисовок.
Шагнуть в просвет и встретиться живьём
с продрогшею травой, которая под снегом.
И тяготы не различать – окна проём –
на этой частоте остаться человеком...

Сейчас со мною только снег... Мой долгий день –
штрихом в гравюре Дюрера теперь отмечен.
И мнится, снежится прицеленной картечью
пространство сельское застывших деревень...
Здесь время холодов течёт, и мне не приподнять,
не осознать доверчивость того, кто умер,
кто, в предрассветном сотрясаясь трюме,
уже не смог весны дождаться и понять...

ПРОЗА

Геннадий АЛЕКСАНДРОВ*

ТЫКВЕННАЯ КАША

1

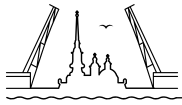
И в этот раз «престола» в Золотом не получилось. Ещё, казалось бы, недавно, до войны, к ним в середине осени шли в гости добрые знакомые и родственники из посёлков Звезда и Большой Дуб, где всех их, переселенцев из села Разветья, сближала церковь Покрова Пресвятой Богородицы. И пусть само здание храма было теперь без купола и колокольни, остались лишь его приделы и алтарь, приспособленные под школу, но было что-то неизъяснимое, сближавшее всех в эти октябрьские дни. Посёлки всего в часе ходьбы от Золотого, и одно удовольствие пройтись по первопутку с легеньким пушистым снегом. Некоторые гости прибывали на два, а то и на три дня, но после воскресенья оставались только со стариками, потому что председатель артели «Золотой» Иван Николаевич Жуков – человек строгий, коммунист, читаю-

* Александров, Геннадий Николаевич (род. 18.04.1956) – поэт, прозаик, краевед. Член Союза писателей России с 2001 года.

щий газеты, он не потерпит, если кто-то работающий сидит дома. Да, урожай убрали, ссыпали, но есть коровы, их надо кормить, поить, доить, чистить навоз, а ещё есть лошади и овцы... Рабочих рук в артели мало, каких-то сорок человек, и кто-то хвор, а кто в отъезде, или баба на сносях, а надо планы выполнять любыми средствами... Какие тут «престолы»! И всё же во второй и в третий дни столы ещё ломились снедью, чтобы все знали: «золотые» – люди щедрые.

Все в посёлке старались к празднику сварить гусиный холодец с пупочками и печенью, напечь румяных с позолотой пирогов с грибами и калиной, чтобы от них шёл дух по всей округе, до Звезды и Большого Дуба. А утром, после молитв перед образами, хозяева спускались в погреба, вздымали оттуда тазики с квашеной капустой и мочёными яблоками, шипевшими от сока, с бочковыми чёрными груздями, в укропных зёрнышках, мясисто-белыми в разломах. В пузатых глиняных кувшинах с кислым молоком снимали жирную сметану, и ложка в ней стояла, как стожар в ржаном стогу. Из печи вынимали томившуюся в чугушке картошку со свиной, и она, красноватая, с поджарками сала, исходила духмяностью. Из-под наугольника в святом углу подавалось на стол вино, самодельное, из хлеба или яблок, а где-то в закроме, в запасе, для мужиков был припасённый самогон из бурака... Для особо дорогих гостей приберегали взятые в сельповском магазине «красненькую» с яркой этикеткой и «беленькую» монопольку с пробкой в сургуче. Ну, как уйти от этого богатства! Так что, придя с работы, «золотые» продолжали праздновать. «Наш престол – от слова «стол», – ходила у них поговорка.

Принимали здесь и гостей из Михайловки – старинной слободы, недавно ставшей райцентром. В ней пять тысяч жителей, два десятка каменных домов, отнятых у купцов и богатых крестьян, и даже Никольская церковь работает, одна-единственная на район, – в других устроили склады и клубы. От Михайловки до Золотого рукой подать: пройти даже от дальних, нижних, улиц, что около реки Свапы, два километра к пенькозаводу, от заводской трепальни пару вёрст через лес, потом лог с родником – и вот он, посёлок – какой-то час ходьбы. Заглядывали на Покров из райцентра любители попить, поесть, попеть, потопать под гармонь: какие-то чиновники на рессорных телегах и даже в автомашинах,

а ещё милиция с чекистами – как будто за порядком посмотреть, да и простые люди, званые или незваные, бывали здесь в эти три дня.

Однако ни прошлой осенью, ни в этом октябре «престола» в Золотом по-настоящему не вышло. В Михайловку вошли германцы. Вкатились на танкетках, выстрелили в каменного Ленина на площади и оторвали ему голову и руку. А следом, через день, в самый Покров затарахтели мотоциклы, завывли моторы машин, и разнеслась гортанная чужая речь, похожая с гусачьим криком. Районные начальники с милицией, кто были в день праздника в посёлке, заспешили через лог, лесок, пенькозавод в свои дома, чтоб затаиться там или уйти куда подальше от расправы.

В первую неделю немцы в Золотой не заявили – ковали свой порядок в слободе. По слухам, принесённым кем-то из старух, они в купеческих домах, где были службы райисполкома, разместили свои службы. Собрав на базарной площади народ, пообещали сделать всех богатыми. Потом установили виселицу, начали искать партийных и кого-то там нашли, повесили... Михайловцы закрылись, сидят дома, не показываются – жутко! Бывает, только по большой необходимости придут куда-то: в магазин или к родне за чем-нибудь, и – нырь опять домой... Немцы назначили бургомистром Козлова, бывшего счетовода, а в переводчиках его дочь. А ещё неподалеку от церкви, в большом дворе с многоквартирным домом для районного начальства, открыли полицейский участок. По улицам Михайловки теперь расхаживают с ружьями, с повязками на рукавах знакомые и неизвестные люди. У них одинаковые пальто, сапоги и шапки – видимо, немцы выдали. Из тех, кого в Золотом хорошо знали, – Арюпа, грубый мужик с увесистыми кулаками; с ним всегда рядом маленький, тщедушный, как говорили люди, «чезлый» Карапурка, карапуз, и, то ли верить в это, то ли нет, с повязкой видели и Гаврика Медякина, их мужика, посёльского. Но верить в это не хотелось. Как же так? Гаврила – коммунист, с образованием, был партийным вожаком в артели, в первые дни войны ушёл на фронт, там, говорят, стал офицером... В посёлок он к родне не заявлялся. Значит, жил в Михайловке или его с кем-то спутали. И всё же Гаврика потом видали и другие золотовцы – да, с повязкой на пальто, здоровался с земляками весело, с почтением, как будто так и надо...

А ещё посельские рассказали, что немцы с полициями отбирают по дворам коров и лошадей, забивают свиней, овец и птицу – в общем, сплошь грабёж. Встревоженные золотовцы собрались на просторном дворе председателя Жукова, где за длинными самодельными столами из струганых досок они ещё недавно собирались праздновать артелью праздник первого валка, зажинки, в день Петра с Февронией. Тогда, в начале июля, ещё не знали и не думали, что так произойдёт, что немцы будут здесь хозяйничать. Косили травы, жали рожь, пшеницу и ячмень, вязали жёлтые снопы и составляли в копны. Но уже через месяц уполномоченные угоняли из артели лошадей, коров – подальше, на восток, чтоб не достались алчному германцу. Остались нынче только своиские коровки и три стареньких коня, и тех, наверно, отберут проклятые грабители...

– Что будем делать, председатель? – обратилась к Ивану Жукову спокойная с виду, уставшая от забот и тревог, Прасковья Кондрашова. Из её восьми детей трое сыновей вместе с отцом призвались на войну, остальные с матерью и бабушкой ютились в небольшом домишке.

– Живите себе тихо и не бойтесь, – ответил Иван Николаевич. – Куда вы нынче денетесь? Везде война. Не уйдёшь, не уедешь: поймают – побьют или вовсе пристрелят. Терпите и помогайте друг дружке – мы же артель!

-- А у кого мужья воюют или сыновья – нас не побьют? – с вызовом спросила председателя востроглазая, худая, как плеть, сорокалетняя Антошиха – как будто Жуков был виноват во всех бедах. – Куды ты нас денешь от жуткой расправы? А, председатель?

– У тебя одной, что ли? – тихо сказал её сосед, беспальный Алексей Терешкин. – Ивану Николаевичу самому грозит, как коммунисту... Если кто продаст – его сразу казнят.

Тут все посмотрели на председателя, вдруг поняв: он рискует жизнью больше всех.

Жукова в артели уважали. Вот уже десять лет он был здесь вожаком во всех делах. С ним советовались даже по вопросам личной жизни. Он защитил семью Терешкиных, когда хозяина забрали в «чёрном воронке» в Михайловку: три дня ездил туда на лошади и обивал пороги, и Алексей на четвёртый день пришёл к себе на Золотой.

– Мы его не продадим, – сказал колхозный пасечник Никита Агафонов, по прозвищу Микишка, дымящий непрерывно само-садом, будто защищаясь от укусов пчёл. – У меня есть предложение: давайте откупаться от германца. Передадим через Гаврилу ихнему начальству: так, мол, и так, мы вам подарочки от каждого двора, а вы нас не волнуйте...

– Какой подарочек я дам этим чертям? Три курки бегают без петуха да в сенцах бураки вместо конфет. А деточек кормить чем буду? – возмутилась Прасковья Кондрашова. – Можя, мне саму себя подарить? Да не возьмут, стара... А ты что дашь, Микишка?

– Я ... Мёду есть чуток, – помявшись, ответил пасечник, искоса взглянув на Жукова. – Из своих колод, товарищ председатель, из своих...

– Никаких даров германцу! – отрезал Жуков. – Это враг! Прячьте всё, что можно, дальше, глубже. Лес, вон, рядом, делать схроны... И не распускайте языки!

Он строго взглянул на пасечника. С тем и разошлись, недовольные, что ничего по сути не решили, но возбуждённые общением. Сход, как и толока, – дело задушевное.

А через два дня в дом к председателю вбежала Алёнка, девочка Прасковьи Кондрашовой, лет десяти, перепуганная, с мокрыми глазами:

– Дядя Ваня! Микишку убили! – крикнула она и разрыдалась, размазывая слёзы.

Жуков наскоро оделся, взял зачем-то вилы и направился к омшанику с краю посёлка, где, по словам Алёнки, и нашли убитого. Туда уже сходились золотовцы. Бабы стояли поодаль, боясь подойти, да и мужики не торопились к телу: ждали председателя, дымя чаще обычного самокрутками. Микишка висел на крюке возле входа в омшаник. Лица не было видно, спина в окровавленной исподней рубахе. Видно, расправились с ним ночью.

Председатель, опираясь на вилы, приблизился и рассмотрел, что сквозь рубаху тёмно-бурым пятном проступает пятиконечная звезда. На пороге омшаника под камешком лежала записка, где химическим карандашом было написано: «Фашистский медоносок».

– Кто из наших был в Михайловке и рассказал про сход? – хрипло спросил председатель у собравшихся.

Золотовцы молчали. И вдруг беспалый Алексей Терешкин вспомнил:

– Сам Микишка из посёлка уходил, хотел найти Гаврилу-полицая... Потом я его вечером видал подвыпившим, он хвастался, что власть его не тронет...

– Значит, это не германцы его, а партизаны, – сказал тихо Жуков. Но люди услышали.

О народных мстителях на Золотом, конечно, знали, но говорили о них тайком, чуть ли не шёпотом, и то не с кем попало. А вдруг чего-нибудь сморозишь, и появятся они, начнут допытываться, что да как... Пусть даже и свои, советские, но в памяти остались канувшие в бездну перед войной люди из Разветья и Михайловки.

2

То было в первую неделю оккупации. И минул год. За это время страх и мрак соткали в золотовцах чувство тяжести. Никто не верил никому, и стали закрываться в хатах на засовы, чего не делалось с рождения посёлка. Открыто не держали ни зерна, ни овощей – всё прятали от лишних глаз по схронам. Ходили по соседям лишь за огнём с жестянками под угольки, когда кончались спички, и то старались посылать детей – они без подозрений. И всё же дух артельный оживал в посёлке каждый раз, когда кому-то требовалась помощь. Еле живой Антошихе, вдруг заболевшей жуткою простудой, оглядываясь, приносили кто барсучий жир, кто взвары – разве бросишь! И стало ей, болезной, лучше, может, не из-за лечения, а от людского сердоболия.

А по ночам в посёлок стали заявляться партизаны. Конечно, к первому – к Ивану Николаевичу Жукову. Тут всё поставили, как говорится, на поток: должны собрать яиц, напечь краюшек хлеба, и сало нужно тоже, и табак, и овощей не прочь... С одеждой надо тоже пособить и с обувью...

Мужик продуманный и трезвый, председатель осадил ночных гостей: мол, грабить не позволю, но что можно – отдадим. Договорились, где и как забрать. Три дня в посёлке собирали снедь и вещи и догадались схоронить их в брошенных пчелиныхдоми-

как в омшанике убитого Микишки. Поодаль, на краю посёлка, если что – и лес под боком, в двух шагах: бери и убегай. А тут и полицаи оживились: Гаврил Медякин со товарищи. Приехали зимой на козырях, как паны, и лошади лощёные, как будто купанные в молоке.

– Так, председатель Жуков... – сказал Гаврила, усмехаясь. – Ты помнишь наши битвы за колхозный урожай? Ну, вот: теперь другие битвы наступили. Мои соратники с повязками нуждаются в еде, в одежде, в выпивке – без этого нельзя, товарищ дорогой. Или ты хочешь, чтоб узнали про товарища в комендатуре?

Когда Ивану Николаевичу стало вдруг невмочь в присутствии предателя, недавно возглавлявшего партийную ячейку, Гаврила сразу это понял по его презрению в глазах.

– И даже не пытайся возражать, товарищ Жуков, – сказал он. – Я видел много зла от партии, от Сталина, от всех, кто нас давил, уничтожал тайком и явно... Я – отрёкса! Ты про Микишку с резаной звездой что скажешь? Только за то, что мёда посулил? Вот так и все пойдут в расход, когда вдруг скажут, даже не смысла, против политики векепебе...

– Ну, что ты блеешь, Гаврик? – усмехнулся Жуков. – Как будто та векепебе тебя не приняла! Ты прежде говорил уверенно, с нажимом: ВКП(б)! В каждую букву наливал свинца. А помнишь, как ты написал донос на Лёшку Терешкина в НКВД?

Тут полицай чуть вздрогнул, оглянулся: не слышал ли кто? – и предложил, переходя на «вы»:

– Давайте мы забудем довоенное, товарищ председатель Жуков. И я вас не затрону ни с какой позиции. Но план поставок продовольствия и прочего добра извольте выполнять. В противном случае произойдёт грабёж. Я говорю понятно? Что? Вопросы есть?

– Вопросы все потом... – сказал двусмысленно Жуков.

– Ну, вот и я о том же... – двусмысленно ответил Гавриил.

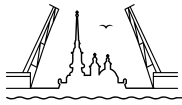
И настала для золотовцев тягчайшая жизнь. И не жизнь даже – существование. Днём в посёлок заявлялись полицаи и ходили по домам, чтобы хоть что-то отобрать из пищи и вещей. А ночью появлялись партизаны – взять припасённое по схранам. Ну-ка, угадай, кто там стучится в дверь или в окно, и сколько их, непрошенных гостей, явилось и в каком «душевном настроении»... Уже давно в посёлке Золотом не стало слышно пенья петухов,

квохтанья кур и хрюканья свиней. Остались три коровы, которых увели недавно в лес, где в байраке, в логу, по приказанию Жукова соорудили стойло, набросали в него травы и тряпок для подстилки, накрыли наскоро жердями и корой. Артельщики не выдали ни коммуниста Жукова, ни тех, кто выпекал для партизан хлеба и собирал продукты. Не только из боязни мщениа: на фронте воевали сыновья, мужья и братья.

Прошедшим летом и пол-осени «гости» в Золотом бывали редко: знать, еды им пока что доставало. Овощей и фруктов вышло изобилие: ведь говорят, что в лихолетье и погода, и природа радуют достатком. И рожь с пшеницей дали урожаи. А тут ещё случилось, что из Михайловки пропали немцы: их сняли на передовую. Остались два-три фрица с полицаями. Так вот, все эти пьяницы, Арюпа с Карапуркой и другие сволочи, совсем уж распоясались и стали грабить всех подряд, тащить всё, что попало. Ну, тут им партизаны показали, где зимуют раки. Совершили налёт на полицейский участок, нескольких иуд лишили жизни, а другие разбежались. И в деревнях предатели снимали белые повязки с рукавов – благо, что летом пиджаки носить не нужно, куда-то расплозились и притаились, словно тараканы. Почти три месяца в Михайловском районе не слышали немецкую гортань! Ожившие крестьяне понесли и повезли в райцентр продукты с огородов и садов, достали спрятанные вещи. А тут ещё по-над Свапой, близ знаменитой мельницы, поставленной когда-то графом Шереметевым, открылись лабазы, полные муки, и партизаны разрешили всем, кому не лень, забрать её домой – под запись, что придётся выпечь для отряда столько-то хлебов. Не зевай, Фомка, пока ярмонка! Народ тащил муку в мешках, бадьях и вёдрах – сколько унесут. За несколько часов склады опустели. И даже на посёлок Золотой в обмен на самогон прибыло несколько мешков – вот радость-то: свобода и халява! Но всё время людей будоражила мысль, что такое не продлится долго...

В начале октября всё повторилось, как и год назад: танкетки и машины с немцами, и вылезшие из подполья полицаи... Михайловка опять в солнечный день покрылась мраком, и люди спрятались, затихли...

Как-то золотовцы услышали красивую песню: её в три голоса с подголоском выводили мужские голоса откуда-то с до-

роги. От ближних хат на песню потянулись женщины. На сытых лошадях, в красивых формах ехали казаки и спевали: «Ой, ти, Галю, Галю молодая...» Да так пели, что можно было заслушаться, открыть рот в восхищении и только созерцать. За конниками что-то волочилось на верёвках по дороге. Бабы присмотрелись и увидели: дак это ж люди! Все в крови, в пыли, бесчувственные! Тут, как говорится, песня вся, песня кончилась...

В тот же день полицаи вновь согнали на базарную площадь михайловцев. Показали им казачьи «трофеи» и тут же повесили ещё дышавших красноармейцев и партизан. Всё началось заново, но ещё страшнее. К местным полицаям в помощь прибыли бойцы «народной армии» Каминского из Локотя и пол-эскадрона казаков. И немцев прибыло немало, не простых, а сплошь эсэсовцев, в землисто-серой форме, с нашивками из знака молний на тугих воротниках. Всех жителей райцентра и посёлков по округе гнобила мысль: случится что-то страшное... И что б ни делал человек, эта тревога исподволь мешала ему говорить простые вещи, улыбаться и трудиться – просто жить.

3

На этот раз отпраздновать «престол» на Золотой на третий день пришли только Воронина Настюра из Большого Дуба – к Кондрашовым, да и к Медякиным, родне Гаврюшки-полицая, – Дугинова Шура из Звезды. Они порывались вечером уйти домой, но задержал плаксивый дождик, так что ночевали. Ни песен, ни гармонии, ни какого-либо смеха – так, не праздник, а больше похоже на поминны.

Наутро вдруг запылало зарево пожара, слышались неистовые вопли, смешанные с буханьем и треском. Горели и Звезда, и Большой Дуб. Настюра билась убежать туда, где мать и двое деточек, её держали за руки и ноги... А Шура Дугинова только охнула, упала без сознания...

– Ратуйте, люди, смерть пришла! – орала тощая Антошиха на весь посёлок, вздымая в багровоющее небо острые пальцы. Все от мала до велика собрались у крайних от дороги хат, стонали, плакали – у каждого родня или друзья в Звезде и Большом

Дубе. Оцепенение от ужаса настигло всех, никто не думал о себе, наполнив зрение и душу чужими криками и пламенем.

Вдруг на дороге от горящего посёлка показался всадник. Он что-то орал, но что – никто не мог понять. А может, слов и не было – сплошной звериный крик, того гляди с ним вырвется огонь из раскрытого рта.

– Дак это ж Гаврик наш, племянничек, – признали первыми Медякины. – Он тоже, что ли, палит Дуб?

Председатель смачно сплюнул и растоптал плевков ударом сапога. «Воистину подлец!» – сказал он, выругавшись матом, чего никто прежде не слышал от него.

Через минуту всадник осадил коня, и тот затанцевал под ним, выкатывая переполненные жутью сливовые глаза. От формы Гаврика шёл пар, а может, дым, лицо Медякина горело, глаза и рот перекосило так, как будто они сдвинулись куда-то в сторону.

– Не стойте! – прохрипел он. – Жуков! Уводи людей...

Закашлялся, но, не дождавшись, когда кашель ляжет, сквозь скрип во рту хрипел:

– Я слышал: ихний командир сказал убийцам: «Гольд» – на ихнем «Золотой» и показал рукой сюда. «Цвай штунде» – значит, два часа. Скорей идите в лес!

– Гаврила, что там? Всех побили? – спросила тихо бедная Настюра.

– Всех...

И страшный вопль пронзил толпу.

– А наших, на Звезде?...

– Не знаю, там я не был, там из Локотя... А здесь казаки с немцами...

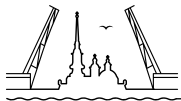
– А ты что ж, не убийца, сукин сын? – воскликнул гневно председатель.

– Потом, товарищ Жуков, всё потом поймёшь, после войны, – ответил полицай. – Сейчас мне некогда... Скорее уходите!

И умчался.

Все, наконец, очнулись, поняли: к ним смертушка идёт, генна огненная, только не от Бога, а от извергов, и надо убежать скорей, скорей, скорей...

Почти одновременно все заторопились, но председатель крикнул: «Стой! Полчаса даю на сборы! Сходить за омашаником

Микишки, возле леса! Брать тёплую одежду и еду, как сможете нести! Бегом по хатам! И не забыть детей и стариков!»

Вмиг толпа развеялась. Растерявшиеся бабы хватались за всё сразу, ругали стариков за их медлительность, шлепками гнали деточек скорей одеться и стаскивали с печек древних бабок. Тот, у кого ни кыски и ни гыски, уже давно сбежал к омшанику. А следом те, кто расторопней и с двумя-тремя детьми. А у Прасковьи Кондрашовой – пятеро да ещё мать болезная, да гостья полумёртвая Настюра, чёрная от горя...

– Всё! Дети, убегайте к лесу! – крикнула Прасковья: им бы спастись скорей, а сами хоть пожили, пусть и мучились...

Вдвоём с Настюрой ухватили под руки старуху, потащили из избы. И только у ворот хозяйка вдруг опомнилась.

– Еда! – вскричала так отчаянно, что слово прозвучало как «беда!».

– Сейчас, я мигом, что-либо возьму...

Забегала в сенцы, растерялась... За картохой лезть в погреб – некогда. И муки насыпать из напота – когда? Схватила, что попало первым в тёмных сенцах: краюху хлеба, низку лука и зачем-то тыкву, тяжеленную, большую – в мешок еле залезла. Всё! Уйдут люди в лес без них, одни они пропадут...

Снова взяли бабушку под руки, поволокли, и вдруг им стало легче: казавшаяся неподвижной старушка засемила ножками, как будто обрела былую силу.

– Давай, мамуля, помогай, – обрадованно крикнула Прасковья. – Вот жить как хочется: скоро побежишь сама...

У бабушки, и впрямь, глаза горели истовым огнём, и щёки жёлтые порозовели.

– Давай, давай, Прасковья! И ты, Настюра, поспевай! – теперь уже командовала она окрепшим голосом, седые космы выскочили из платка, торчали в стороны, как букли у Суворова.

– Наши придут – побьют иуд проклятых! – клокотали в ней слова.

Они успели. Их дождалось. И председатель, всех собрав, повёл артель в тот лог, где прятали коров.

Ещё не видя людей, не слыша их голосов, коровы почуяли хозьяк, поднялись с пригретых лежищ, замычали.

– Зорька! Галка! Милка! – закричали их хозяйки, стали гладить дрожащие не то от холода, не то от возбуждения бока, совать кормилицам в губы кусочки свеклы. Коровы всё сжевали, что им оставляли пару дней назад, и председатель послал мужиков к спрятанной в глущи леса копёшке за сеном и хвоей.

– Ну, давайте оглядимся и подумаем, что делать дальше, – сказал Жуков. – Пока что коротко: здесь долго оставаться невозможно: замёрзнем, особенно дети. Будем подаваться в Михайловку, в Каменец, в Ратманово – у кого есть там друзья-знакомые. Пока не сменится обстановка...

Он говорил негромко, чётко, словно вычерчивал каждое слово: недаром газеты в кармане носил, и не только для куруева.

– Потом кого-либо пошлём в разведку: узнать, что с посёлком сделали, с нашими хатами... Всех ли собак постреляли...

От душевного волнения кадык на его шее обострился, задёргался, и председатель, казалось, вот-вот и заплачет. Но он взял себя в руки.

– Уходить будем отсюда не толпой, как пришли, а постепенно. Первыми пойдут, кто с малыми детьми и древними старухами... – Он посмотрел на сбившийся в кучку выводок Прасковьи Кондрашовой. – Понятно?

Все закивали, соглашаясь.

– Иван Николаевич, давайте поснедаем, – предложил Алексей Терешкин. – Когда это все разойдутся! А еда сугрев даёт – больше продержимся в холоде.

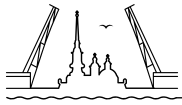
– Согласен, – сказал Жуков. – Есть возражения?

– Нету... Правильно... Время обеденное... – раздался голоса.

Хозяйки подоили коров, напоили молоком детей. Все развязали мешочки-платочки и стали вытаскивать кусочки хлеба, сала, солёные огурцы и прочую нехитрую еду.

Прасковья Кондрашова с тоской наблюдала за всем этим. Развязав платок, дала детям по куску хлеба, очистила пару луковиц – вот и всё. Правда, молочка ребятишкам немного досталось, но это так – чуть-чуть голод унять. Особенно страдала старшая, десятилетняя Алёнка: она росла быстро, есть всегда хотела, а тут...

– Не жалей добра, Прасковья, – подначил беспалый Алёша. – Я чего предложил снедать: у тебя мешок еле волочится от тяжести, наверно, там еды навалом – и не только еды, а и крепенькая есть...

Все золотовцы взглянули на Алёшку, на многодетную мать и, пристально, на громоздкий мешок.

- Небось, ведра два муки насыпала или картохи...
- Муки, муки... Картоха выпирала бы...

Услышав эти пересуды, Прасковья подняла мешок за рогожные «ушки» и оттуда натужно, медленно выпросталась здоровенная тыква. Все посельские ахнули от неожиданности: как будто солнце появилось рядом с ними на серой пожухлой листве. Даже коровы отвернулись от сена и выпятили изумлённые глаза на это чудо.

Тыква бесстыже красовалась своим розово-жёлтым телом, напоминая о тепле бабьего лета, когда на огородах стало пусто, крестьяне палили сухую ботву, и только такие, как эта, красавицы возлежали под сентябрьским солнцем. И даже дымно сегодня... Тут многие очнулись: это же страшный дым горящих посёлков, а они не на своих подворьях, а в лесу, и смерть, возможно, затаилась где-то рядом!

– И что ты с ней будешь делать, Прасковья? – спросил председатель. – Грызть сырьём? Печки тут нету, чтоб запарить...

– А давайте мы каши с нею сварим – и все наедемся, – сказала Антошиха. – Как, Прасковья, согласна?

– Да где же я пшена найду? – удивилась та.

– А это не твоя забота. Эй, бабы, кто с собой взял пшена? Не жадничайте, мы же одна артель.

И полезли золотовские хозяйки по мешочкам и кулёчкам, стали доставать оттуда кто стакан, кто два пшена. Тут же нашёлся котёл: мудрый Иван Николаевич предусмотрел. И родник бил неподалёку, иначе где бы поили коров! Развели костерок, такой, чтобы он не очень дымил: не выдать бы себя зверям-извергам. Стали подбрасывать в огонь кору, сухие ветви, да потолще, чтоб не полыхали... Нашлись две рогатюлины покрепче и железный штырь – держать котёл... И тыквенная каша заварилась.

– Надо сначала проварить пшено, не то сухое будет... – советовала тощая Антошиха. – А когда будет доходить, кусочки тыквы бросить.

– Ага, прям в ресторане будем есть, – сказал беспальный Алексей. – Под утро выспеет...

Тут председатель проявил своё главенство.

– Нас много, больше трёх десятков человек, – сказал, – нам некогда рецепты соблюдать. Бросай в котёл все сразу: и крупу, и тыкву, если можно, мякоть... Но выньте семечки, отдайте ребятишкам. Каши всем должно достаться, главное – горячей...

Он поднял над собой, как солнце, жёлто-розовый огромный плод и грохнул его с силой в землю. Тыква с треском раскрыла нутро, развалясь на две стороны. В ней на красной сочащейся мякоти зубоскалили белые семечки. В сахаристых волокнах дрожала румяная плоть... Прасковья запустила в неё руку, её грубые от трудов пальцы выуживали семена из мякоти, и посёлские матери клевали их и скармливали ребятишкам. А потом Алёша с председателем содрали твёрдый панцирь, и дети острыми зубами выгрызли его. Раскромсанные жёлтые кусочки с красной мякотью забились в кипятке, танцую в пшённом танце. Когда примерно через час каша стала ароматной, мягкой, Настюра, не успевшая отдать родне на Большом Дубе гостинцы от Прасковьи, достала из кармана фуфайки два жёлтых куска дерюгинского колотого сахара и бросила их в варево: вкуснее будет.

Каша не успела загустеть, как её, горячую, пахучую, разлили в миски, в кружки, а кто забыл посуду, тот ел сразу из котла: хватило всем.

– Ну, что, Прасковья, ступайте, – сказал Жуков. – Куда направитесь?

– В Михайловку. Там есть родня.

– Ну, с Богом, – произнёс председатель. И никто не удивился такому напутствию от коммуниста.

Когда первые восемь человек тронулись в путь по низине глубокого лога, оставшиеся у костерка золотовцы крестили их в спины.

2023 г.

ПОЭЗИЯ

Борис ЛУКИН*

ЛЮБИТЕ МАЛЬЧИКОВ ПОКА ОНИ ЖИВУТ...

Стихи из новой книги

* * *

Милльоны звёзд в зрачках застывших
Не говорят уж ни о чём,
Ну разве то, что вечность – выше,
И что бессмыслен звёздам счёт.
Причём здесь счёт? И это верно.
При чём вселенной бездна вся?

* Лукин, Борис Иванович – Поэт, критик, переводчик, издатель. Член СП России. В разные годы был редактором «Литературной газеты», завлитом МХАТ им. М. Горького, преподавал в школе и театральном институте. Главный редактор и составитель антологий: Современная литература России «Наше время» (5 томов) и «Война и Мир: Великая Отечественная война в русской поэзии XX–XXI вв.» (издано 12 томов; <https://stih1941-1945.ru>). Постоянный автор ведущих журналов России. Лауреат Большой литературной премии России, награждён высшей наградой и золотым дипломом XIV и XV Международных форумов «Золотой Витязь». Живёт в Подмосковье.

Убит солдат – бессмертный смертный, –
В свой звёздный час Россию спас.

23.04.2025 21:28

* * *

Мы заявили перемирие к генштабным снам.
А лучше б траур объявили хотя бы раз.
И белгородчина и курщина в слезах.
Да только боль эта чужая не про вас.
Молчат ребята на работе. Не до меня.
Успеть бы вытащить «трёхсотых» из огня.
Им до политики на «вышем» дела нет,
Пока к «земле» одна лишь рифма – «смерть».

29.04.2025 20:39

* * *

На груди крестом не сложат руки,
Скотчем перетянут, так грузить
Проще... Мы с приятелем от пули
На войне уснули, чтобы жить
Вам в тылу. Весна лишь входит в силу.
Дождь частит. И грязи невпролаз.
Мы у Господа про разное просили,
А итог: один про нас рассказ.

01.05.2025 13:54

* * *

Обычный день в начале мая.
И снег с дождём. И солнца рай.

Вновь звуки требуют вниманья
И призывают понимать,
Что краток миг любви и счастья;
Но он украсит песней мир,
День вечности, что вновь в начале
Обычной в общем-то весны.

02.05.2025 22:22

* * *

Нынче тебя опознали. Я помню звонок:
«Ванька нашёлся!» Отвечу, сквозь слёзы: «Я счастлив».
Больше я вымолвить слова сквозь слёзы не смог.
Букве самой вопреки человеческих правил.
Думал о нём я и медленно землю пахал.
Землю, которую скоро сыночек мой станет.
Над головой, в голове, подо мной – облака.
Дышит земля, дышит небо. Мир больше, чем тайна.

04.05.2025 21:12

* * *

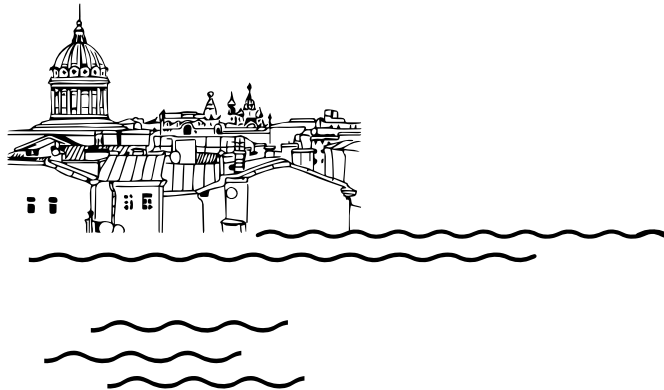
Любите мальчиков пока они живут...
Любите, девушки, век на земле не долог.
Не ставьте им их эгоизм в вину,
Они его считают чувством долга.
Который год они идут на фронт,
И возвращаются туда после ранений.
Бойтесь стать вдовой, и год не быв женой?
Любите мальчиков, что смертны так мгновенно...

06.05.2025 21:37

* * *

Убит в жестоком настоящем,
Сам выбравший свою судьбу
Мой сын; уже не станет старше...
Про возраст в вечности забудь.
У нас – война, весна, цветенье...
У них – обычный райский сад.
Для ангелов стихотворенья
Свои прочтёт он в сотый раз...

09.05.2025 21:20

ПАМЯТЬ. БЛОКАДА

Владимир **РОМАНОВ***

РУССКИЙ ПЕРЕПЛЯС

К началу 1944 года вопрос «кто кого» был однозначно решён. И пускай немцы по-прежнему стояли у Пушкина, Пулкова и старательно продолжали обстреливать город, привычно затемнённый по ночам, ленинградцы обживали трамвай, сажали огородики по берегам Обводного канала, приводили в порядок дворы и восстанавливали подорванные голодом силы.

– Чёрт знает что, – возмущалась по утрам дворничиха Клава, разгребая снег у парадного... – и чего это не гонят фрица от нас. Другие-то фронты глянь, – во-о-н где! Пора и отсюда их попереть... Ох, пора!

Сменный электрик Запасов, с начала войны состоящий в штате Ленэнерго и поэтому имеющий бронь от призыва, возвращался с дневного дежурства и заглянул как обычно в клуб железнодорожников на Тамбовской... Здесь библиотекой заведовала Ольга Юн, которую он стал замечать вскоре после увеличения блокадного пайка и когда не без оснований мог считать, что выжил.

* Романов, Владимир Андреевич (1907–1996) – профессор Политехнического института, блокадник.

Благосклонно принимая проглоченные им книги, товарищ Ольга доверительно сообщила ему:

– Товарищ Запасов! Пётр Андреевич! А ведь у нас, можете себе представить, сегодня танцы! В малом зале. Как до войны... Чудо какое-то!! Не хотите ли остаться?

– Да, да, – растерянно пробормотал Запасов, – конечно.... Это ведь очень интересно. Совсем забыли, с чем их и едят, танцы-то, а кто, позвольте спросить, танцевать-то будет?

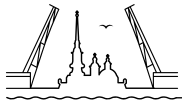
– Понимаете, с неделю назад у нас в доме отдыха, что в подвале здания, появились офицеры, много молодых офицеров. Боюсь только, что достойных партнёрш среди нас не найдётся...

И пока Запасов подбирал себе книги, в малый зал понемногу стали подниматься из подвала отдыхающие. Среди них были и кадровые железнодорожники, и вновь прибывшие офицеры, в большинстве своём лейтенанты. А вскоре появился знакомый Запасову довоенный баянист-затейник, небольшого роста, пожилой; и когда он расчехлил инструмент, и уселся на приготовленный для него стул, его так же стало не видно из-за баяна, как и в те времена, когда Запасов ходил на мирные танцы в этот же самый клуб...

Ольга опечатала библиотеку, и они перешли в зал, где золото новеньких жарко сверкавших погон придавало ему, обшарпанному за время блокады, какой-то удивительно особенный блеск.

Баянист, пробежав по ладам отвыкшими от музыки пальцами, вдруг лихо скинул голову, – дескать, знай наших! – не забыли, не разучились играть, и опрокинул на зал широкие аккорды вступительного вальса. Присутствующие зашевелились, стали придвигаться поближе к центру, но закружиться под музыку никто не рискнул. И тогда, резко оборвав мелодию старинного вальса, баянист, припав щекой к инструменту, разворачивал меха, как бы прислушиваясь к первым тактам лихой русской пляски, не получившей признания на довоенных танцплощадках.

Звуки следовали друг за другом неторопливо, но ощущалась в них какая-то невероятная сила, подобная той, которая сокрыта в тетиве натянутого лука. Казалось, эта сила вот-вот вырвется наружу, и звуки, освободившись от чего-то, доселе сковывающего их, рассыпятся на свободе вольной, неугомонной, огневой пляской.

Это напряжение постепенно овладевало стоящими людьми, ноги у Запосова против его воли стали поддёргиваться в такт завлекающей музыке... И вот один из молодых офицеров не выдержал, медленно скользя по каменному под мрамор полу до блеска начищенными сапогами, он пошёл по кругу, покачивая корпусом и вызывая партнёров величавыми движениями окунувшихся в музыку рук. Лейтенант был так красив своей молодостью и удалью, и так бойко взглядывал на женщин, у которых, несмотря на голод, загорелись глаза при первых звуках почти забытого за годы блокады танца, что никто не решался выйти к нему.

Но вот в круг ворвался второй, третий... Музыка подхватывала людей и уносила их с собой, заставляя забыть и отдать ей всё своё существо. Уже и Запасов оказался в кругу, и Ольга, выразительно шаркая подшитыми валенками по скользкому полу, смеялась, молодеда на глазах и, поводя руками в такт убыстряющейся музыке, как будто кричала Запасову: ну, давай же, давай, пляши! И если подорванные блокадой силы, оставляли танцующего, он всё равно оставался в кругу, всё равно пытался шевелить ногами и отчаянно поводил плечами, всем своим видом показывая, что пляшет, что не устал. Казалось, что в этом танце воплощена вся сила и мощь русского народа, неукротимого и в пляске, и в труде, и в бою...

А на следующий день мощная канонада застала Запосова на Лиговке, и он вдоль морозной улицы помчался в клуб. Звенели стёкла, необычно пусто было и в зале, и в библиотеке, и в комнатах отдыха...

– Ночью уехали, – вздрагивала Ольга при каждом новом всплеске орудийных залпов, – вернутся ли?

Через пару часов гул ожившего фронта стал откатываться от города, исчезая на западе, пока не наступила полная и окончательная тишина....

В этот день войска ленинградского фронта, полностью освободили Ленинград от вражеской блокады...

ПОЭЗИЯ

Андрей РОМАНОВ*

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВАГОНОВОЖАТАЯ

Зажёгся сигнал отправленья,
в вагоне толпится народ.
Как тягостно в эти мгновенья
трамвай тебе двинуть вперёд.

И снова блокадный трамвайчик
ты станешь в пути вспоминать,
где тот необстрелянный мальчик
свиданье назначит опять.

Три кубика в синих петлицах
и глянец хрустящих ремней...
Стираются в памяти лица
ушедших на битву парней.

* Романов, Андрей Владимирович (1945–2014) – поэт, прозаик, публицист, просветитель, общественный деятель.

Но фразы признаний неловких
пророческий смысл обретут:
— Мы встретимся?
Я к остановке
девятого мая приду.

...Победным салютом расцвечен
давно завоёванный май,
и к месту несбыточной встречи
ты снова торопишь трамвай,

и снова считаешь минуты
с тоской на усталом лице
в кольце городского маршрута –
в своём обручальном кольце.

НОВОГОДНЯЯ ЁЛКА

В пальто довоенного толка,
старательно глядя вперёд,
свою новогоднюю ёлку
старуха соседка несёт.
Туда, где в квартире охрипшей
предпраздничный гомон людей
соседствует с будничным скрипом
щербатых шести этажей.

В то время, как мамы-стряпухи
готовят салаты и торт,
их дети в гостях у старухи
под ёлкой ведут хоровод:
то лебедь мелькнёт на макушке,
то дождик срывается с плеч, –
бумажную прелесть игрушек
она умудрилась сберечь.

И снова старуха, вздыхая,
 бормочет сквозь щебет и писк:
 «А может, ошиблась тогда я?
 Спаслись мои дети? Спаслись?..»
 И долго ей ночью не спится:
 опять возвращаются к ней
 худые глазастые лица
 погибших в бомбёжку детей.
 Июль сорок первого года.
 На станцию сброшен фугас.
 В пылающей клетке вагона
 её воспитательский класс...

«Спаслась.
 А детей – не сумела...»
 И это нельзя позабыть.
 Суровой,
 чем высшая мера,
 жестокая милость судьбы.

И снова ей память приносит
 бывшего пожарища свет.
 И дети спасения просят
 сквозь тридцать непрожитых лет.
 Она их спасёт поименно,
 и каждому песню споёт,
 и с ними под ёлкой зелёной
 опять поведёт хоровод.

* * *

Он сойдёт с электрички на Мгу
 в эту майскую красную дату.
 Слыша ровный берёзовый гул,
 снова станет тем юным солдатом.
 Вспомнит вдруг, как военной весной
 здесь колонна на фронт проходила

и девчонка студёной водой
из колодца его напоила.

В синем небе, подобно костру,
гаснет свет заходящего солнца,
и мелькает на влажном ветру
незнакомый платок у колодца.
Папиросный струится дымок...

Он шагнет –
ничего не изменишь:
впереди –
незнакомый платок.
Тридцать лет позади...
Не поверишь!

* * *

Гудками аукался город
в июньский
безоблачный час,
когда на армейские сборы
призвали повестками вас.
Шутили:
– Понюхаем порох,
вояки,
и – «здравствуй, жена!» –
Никто не предвидел,
что скоро
реальная грянет война,
что звуки учебной тревоги
покажутся ласковым сном
в кювете рокадной дороги,
что станет для вас
рубежом.
Где вам
перед схваткой суровой

припомнится мирный перрон
и ваши счастливые...
вдовы,
что вас провожали
на фронт.

* * *

Был прочный мир подписан под Берлином,
когда пришло последнее письмо.
Ждала к зиме, как в строчках говорил он,
да вот вернуться, видимо, не смог...

И снова тучи атакуют небо,
светло кружится в воздухе снежок, –
и снова, обнадёженная снегом,
та женщина выходит за порог.

Глядит, ладонью заслонясь от ветра,
туда, где тропы белые лежат.
А время с треугольного конверта
стирает его имя не спеша.

Он не вернётся к ней, –
он мир хранит,
одетый вечной славою в гранит.

ВЫПУСКНАЯ БАЛЛАДА

В разгар соловьиного лета
прощальной июньской порой
я, памятью школьной согретый,
приеду на встречу с тобой,

чтоб снова, руками слепыми
коснувшись начала пути,

твоё невозвратное имя
на мраморных досках найти.

И вновь
выпускные оркестры
слезу вышибают из глаз,
и школьницы, словно невесты,
волнуясь,
выходят на вальс.

Тебя среди них разглядеть мне
мешает кружение лет.
В твоей половине столетья
клубится фугасный рассвет.

Но снова светло и безгласно,
как в первое утро войны,
солдаты
из нашего класса
до гроба в тебя влюблены.

АВГУСТ

Прислушиваясь к поздним поездам,
у изголовья прожитого дня
стояли мы.
И падала звезда,
над головой сгорая,
как ракета.
Её судьба –
миллионы лет лететь,
чтоб в некой точке
своего движенья,
войдя в тиски земного притяженья,
у двух влюблённых
на глазах сгореть.

ПРОЗА

Дмитрий ДАРИН*

ПОДАРОК

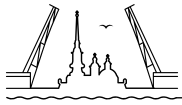
Рассказ

1

– А почему тебя зовут Шура, если ты Саша? Ну, Александра? – спросила крупная девочка из старшей группы неожиданно писклявым голосом. Рядом с ней стояли ещё две её подруги и, не стесняясь, осматривали Шуру с ног до головы.

Та, что звалась Шурой, стояла, прижавшись к стене. Вернее, прижатой. Она была новенькой, а новеньких в детдоме сразу испытывали на достоинство. Но она этого не знала, только чувствовала какую-то несправедливость, ведь она никому ничего плохого не сделала. Сами собой стали наворачиваться слёзы, а плакать

* Дарин, Дмитрий Александрович – поэт, писатель, публицист. Родился в Ленинграде в 1964 году в семье капитана дальнего плавания и учительницы русского языка. Член Союза писателей России, ДНР и ЛНР, член Союза журналистов России, член песенной комиссии Союза московских композиторов. Член Российского военно-исторического общества (РВИО). Доктор экономических наук. Активный участник фронтовых агитбригад СВО.

было нельзя. Она хотела съесть апельсин, данный вместе с напутствием от бабушки, но, может, нужно было сразу им поделиться? Друзей, которые могли бы помочь и подсказать, Александра завести ещё не успела, а враги, кажется, завелись сами и сразу. Полуочищенный апельсин стал сочиться из-под пальцев.

– Потому... потому что это так... ласково звать, – пролепетала Саша.

Девочки засмеялись, даже загоготали.

– Ты гляди, – снова записклявила крупная, – она ласку любит! А ну-ка, дай сюда!

Саша покорно протянула мокрую ладошку.

– Фу! – фыркнула одна из наседавших девочек и ударила Сашу по руке. Апельсин вылетел из ладони и с неприятным чмоканьем приземлился у двери комнаты.

– Да ты неряха пачканная, – нахмурилась крупная, – быстро на колени и ешь свой апельсин с пола. Я кому сказала?!

Саша переводила недоумённый взгляд с одной девочки на другую. От ужаса и унижения её и без того большие синие глаза расширились и вдруг потемнели. Потёкшие было слёзы, испарились. Саша отошла от стены, под довольные усмешки нагнулась и подняла злосчастный апельсин.

– Я сказала – с пола жрать! – нахмурилась писклявая и сделал шаг вперёд с очевидным намерением ударить. Остальные тоже шагнули, но чуть позади. Саша размахнулась и вlepила апельсиновой мякотью прямо ей в рот. Все трое опешили и встали, как вкопанные. Саша отвернулась и вышла из комнаты. Только на улице на неё напала какая-то нервная дрожь. Её трясло, но слёз почему-то не было. Саша не узнавала себя – всегда кроткая, любимица родителей и двух бабушек, она даже нашалившую кошку не могла обидеть, а тут... Саша также понимала, что за такой поступок ей придётся плохо, может быть уже этой ночью, ну и пусть. Лучше плохо потом, чем плохо сейчас. А хуже того, что от неё требовали и быть не могло.

Саша вспомнила, что ей говорила бабушка ещё час назад, даря на прощание этот апельсин:

– Ты, потерпи, внученька, ты же знаешь, что мне на операцию ложиться, а кто тебя в школу соберёт, кто накормит. Одни мы теперь с тобой на белом свете, но я тебя заберу, месяца не пройдёт.

Потерпи, моя хорошая, мама с папой смотрят на тебя с неба, надеются на тебя. Ты же кровинушка наша, чуток только потерпеть, четыре недельки. Ну, пять от силы. Операция, говорят, не такая уж сложная, но потом лежать в палате нужно. Я в больничной палате, ты в этой. Воспитательница точно уверила, что девчонки здесь хорошие, дружелюбные, скучать не будешь. Хорошо, Шурочка?

Мама умерла при её родах, отец погиб на СВО. Мачеха, формально не разводясь, сбежала с каким-то столичным хлыщом, не прожив с ними и трёх лет. Был бы папа жив... он всегда легонько щёлкал дочку по носу, когда она тёрла кулачками заплаканные глаза и приговаривал:

Ударит в барабаны
Солдатик оловянный,
Ура, ура! Вперёд, вперёд!
А не наоборот!

Саша представляла, что это она – стойкий оловянный солдатик, про которого читала ей бабушка, как она гордо вышагивает вперёд и не оглядывается на отстающих. Слёзы утихали вместе с обидой.

Но где детские обиды, а где взрослое горе. Саша привыкла к несчастью, но привыкла его разделять с единственным родным человеком – бабушкой, а тут с кем? Тут у каждого своё горе, если каждый делиться будет... Оттого и злые, как бездомные собаки. Ничего себе – дружелюбные... От такого «дружелюбия» всё снова всколыхнулось в детской душе – она вспомнила похороны отца, слова людей в камуфляже, на котором сверкали медали, десантный флаг над свежей могилой... и тут слёзы уже потекли рекой, даже вытирать их не имело никакого смысла. Оловянный солдатик не помог – всё-таки олово – металл мягкий, не свинец.

Проходившая по двору воспитательница равнодушно потрепала её по головке.

– Ну, ну, перестань. Пообвыкнешь, небось. Иди на ужин – вон в тот корпус – и не плачь – здесь такого не любят.

Это Саша уже поняла. Здесь такого не любят. И таких не любят. И никого не любят. Воспитательница не стала дальше утешать и тем более вникать в девичью душу – таких душ тут больше

ста – и проследовала дальше. Саша перестала дрожать, утёрла глаза и носик платочком, которым бабушка обтёрла апельсин и отдала вместе с ним, посмотрела в гаснущее небо, словно пытаясь запомнить его перед долгой-долгой ночью, и пошла в столовую.

Даже невесёлое лето пролетает быстрее весёлой, но холодной зимы. Саша больше не плакала. Не потому, что задевали её теперь редко – так, попробовали ещё пару раз, но хватило ледяного тона и ледяного взгляда, чтобы пробы прекратились. Только дразнили иногда издали: Шура-дура, или Шура-шкура, но вполголоса, промеж себя, не в лицо. Естественных врагов, даже из старших отрядов, у неё теперь не было, но и подруг тоже. Может, униженные раньше неё, не смогшие дать отпор, теперь испытывали к Саше что-то вроде завистливой ненависти, заменявшую бесполезную ненависть к унижавшим. Может, боялись мести старших девочек за дружбу с непокорённой. А может, оттого что у неё все-таки были родные – бабушка, которая когда-то заберёт Сашу отсюда – именно её, а не кого-нибудь из них. А им, «инкубаторским», как дразнили их иногда недалёкие воспитатели, нужно было уметь понравиться тем редким тётям и дядям, которые приезжали выбирать себе ребёнка. Это чем-то походило на выставку кошек, куда их однажды свозили на экскурсию – но даже кошки в клетках кому-то принадлежали. У них были хозяева, то есть семья. У «инкубаторских» не было никого. И каждой девочке и каждому мальчику на смотрах нужно было лезть из кожи, чтобы убрать из глаз волчий прицел, не сжимать кулачки, улыбаться во весь рот и становиться белыми и пушистыми. Но притворство слезало с детских душ быстрее, чем просроченная краска с потолков их обшарпанных комнат. И тогда, натерпевшиеся от бессмысленного и беспощадного детского бытового бунта, приёмные родители возвращали ребёнка в детдом. «Боже мой, какой это оказался ужасный ребёнок. Никакого сладу с ним. Чужая кровь, как волка ни корми...» – взрослые говорили, как по шаблону. Но в действительности, ужасными были сами неудавшиеся родители – кто-то попрекал куском хлеба, кто-то «включал золушку», которая должна была не жить, а отрабатывать жизнь в приёмной семье. Кто-то, наоборот, сюсюкал и обхаживал сверх меры, так, что от такого сладкого обращения в детских душах быстро образовывался карьерес. Чужая кровь... а вот у Саши была бабушка – родная кровь,

а, значит, она оказалась здесь случайно, временно. И потому так и осталась здесь всем чужой. Чужой, но никогда больше не плававшей.

Операция прошла не слишком удачно, понадобилась вторая и потом третья. Но обошлось, и Сашина бабушка смогла держать своё обещание. Уже выпал первый ноябрьский снег, когда бабушка, отгладив внучку по постриженным волосам и отцеловав в макушку и обе щеки, потом расписавшись, где нужно, повела её домой. Саша обернулась – с детдомом её теперь соединяла только пара следов – больших и маленьких. Когда-то с прошлым нас начинают соединять только большие следы и только потом к ним снова присоединяются детские. Так устроена жизнь.

2

Саша вернулась в школу, в свой класс, где дети ей обрадовались взаправду. Это было так здорово и приятно – возвратиться туда, где тебя помнят, прийти не на новенького. Её окружили на первой же перемене, совали конфеты и бутики – как будто Саша всё это время жила впроголодь. Такого, конечно, не было – в детдоме кормили сытно, хотя и не очень вкусно, но выразить участие по-другому дети не умели. Сашу это не смешило, скорее, приятно забавляло, но ей не хотелось, чтобы её жалели и даже просто сочувствовали. Жалость жалит сердце подчас большей оскорблений. Саша просто не хотела ни от кого ничем отличаться, а выделяться тем, за что жалеют, не хотела тем более.

- Шура, а как там училки? Лучше нашей географички?
- Шурочка, а физра там есть?
- Шурка, а правда, что там девочки в одинаковой форме все?
- А правда, что косы запрещено носить?

Саша приветливо улыбалась и отвечала на все вопросы, но коротко, чтобы сбить слишком уж повышенный интерес. На второй перемене с вопросами лезли уже меньше, к последнему уроку вопросы и вовсе иссякли и она, наконец, ощутила себя в своей тарелке.

Через месяц уже начались самые приятные хлопоты – предновогодние. В каждой российской школе проводятся утренники,

приглашается Дед Мороз, родители, кто позажиточней, покупают, а в основном – шьют чадам костюмы зайцев, пингвинов, пиратов, лисичек и снежинок. Сашина бабушка мастерила внучке костюм ёлочка из своего старого зелёного бархатного платья. Бархатная ткань советского производства была, однако, качественной, и почти не выцвела, да и платье надевалось по редким случаям – «ёлочка» выходила на славу. Саша каждый вечер крутилась вокруг швейной машинки «Чайка», подсказывая про кружева и бусины. Особенно про звезду, которую нужно было приделать к зелёной шапочке. Бабушка с притворной строгостью отгоняла внучку, чтобы не мешала, но разве девочку и кошку отгонишь надолго от того, что им интересно?

За неделю до самого весёлого праздника платье «ёлочка» было готово. Оно было украшено стеклярусом, атласными лентами, снежинками из тюля, а на голову был сшит целый колпак с зелёной мишурой, увенчанный серебристой звездой из фетра. Саша примеряла его перед зеркалом по несколько раз в день и никак не могла дожидаться утреника. Но не только, чтобы очаровать всех своим нарядом – она неосознанно ждала, что все неприятности, вся боль будет смыта новогодним весельем с её детского сердечка, что праздник отчеркнёт прошлое и всё плохое, всё тоскливое останется только в памяти, но не в душе. Однако случилось иначе.

– Теперь похлопаем Стёпе – за его костюм космонавта. Стёпа, выходи на середину, сюда, встань перед ёлкой – командовала классный руководитель – учитель географии Зинаида Эдмундовна.

«Космонавт» Стёпа, пунцовый от стеснительности, встал на указанное место.

– Стёпа – хотя не отличник, но твёрдый хорошист. Таких берут в космонавты. И за хорошую учёбу и замечательный костюм ему полагается... что? – спросила Зинаида Эдмундовна.

– Подарок! – хором откликнулся класс.

Когда Дед Мороз вынул из своего волшебного мешка упакованную коробку и отдал ещё больше загустевшему Стёпе, все дети захлопали – каждый мечтал, чтобы скорее уже вызвали его, похвалили за костюм и дали подарок.

– Что нужно сказать Деду Морозу? – строго спросила классный руководитель.

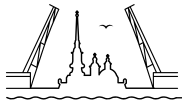
– Спасибо, – буркнул хорошист Стёпа, почти бегом ушёл за спины детей и стал сразу разворачивать коробку. Ему никто не мешал и не подсматривал – все дети смотрели на следующего счастливого, вызванного к ёлке. Саша стояла с краю, ей вдруг подумалось, что она в платье «ёлочки» лучше всех будет смотреться у живой ёлки. И ещё она хотела попросить разрешения рассказать новогодний стишок собственного сочинения:

Я бабулю так люблю,
 Не шалю и не грублю,
 И учусь серьёзно,
 И у дедушки Мороза
 И у Снегурочки
 Попросить бабулечке
 Крепкого здоровья,
 И не хмурить брови!

Ведь она была не просто Александра, а Александра Сергеевна. «Почти Пушкин» – шутил отец. Саша хотела этим стихом порадовать и поблагодарить бабушку за такое платье – самое лучшее на празднике. И бабушка у неё – самая лучшая. И папа – самый лучший. И мама, которую она видела только на фотографиях. Но осталась только бабушка, и стишок был для неё. Саша выписала строчки на листочек из тетрадки и время от времени подглядывала, чтобы не сбиться, когда её вызовут. Но вот уже осталось две девочки и один мальчишка – Макар, двоечник, а её всё не вызывали. Наконец, выкликнули двоечника – как и полагается по заслугам – последним.

– А теперь, дети, давайте позовём Снегурочку – пробасил Дед Мороз и все дети стали кричать за ним по слогам: Сне-нуроч -ка! Сне-гу-роч-ка! На третий раз дверь распахнулась и в залу вплыла не очень молодая, но очень разгневанная Снегурочка с огромными приклеенными ресницами. Взяв детей за руки, освобождённые от сданных родителям подарков, Снегурочка завела хоровод вокруг ёлки.

Саша стояла в стороне, как окаменевшая. Она не понимала, почему её не позвали, почему не похвалили платье, почему не дали сказать и не дали подарка. Она не плакала, только часто-часто мор-

гала и смотрела на хоровод счастливых детей, которым не было до неё никакого дела. Саша даже не заметила, что её бабушка разговаривает у учительского стола с географичкой и Дедом Морозом, показывая то на неё, то на ёлку.

– Чего вы хотите? – раздражённо говорила Зинаида Эдмундовна. – Все родители сдали по пятьсот рублей, кроме Вас.

– Так откуда ж мне знать, Господи? – всплеснула руками Саша бабушка. – Никто не говорил, никто не упреждал. И деткам не говорили, а то Сашенька бы обязательно мне передала.

– Конечно не говорили. Ведь это сюрприз для детей, как мы можем им про их же подарки говорить? Да ещё суммы озвучивать? Не соображаете?

– Милочка! Ну как же! А Сашенька? Вот, возьмите, сколько у меня есть, но давайте подарок подарим, ей же обида на всю жизнь! У неё отец погиб на Украине, как же можно! – бабушка стала рыться в сумке и достала старомодный кошелёк с металлической застёжкой. – Вот, двести... триста...

– Не надо, уберите, – брезгливо поморщилась Зинаида Эдмундовна. – Нужно было в школьный чат заходить, там всё было указано, а сейчас поздно уже. И Украина тут не причём.

– Куда заходить?

Зинаида Эдмундовна потеряла интерес к разговору и отошла от стола.

– Послушайте, может у Вас остался хоть какой-то подарок? – бабушка умоляюще посмотрела на Деда Мороза. Тот развёл руками и вывернул мешок – там ничего не было.

– Уважаемая, я и рад бы, но нам дают ровно столько, сколько нужно выдать. А с другой школы ничего не осталось, – развёл руками Дед Мороз. – Но погодите.

Он подошёл к классному руководителю и что-то стал шептать на ухо, приподняв ватную бороду. Зинаида Эдмундовна сначала отмахивалась, но потом, видно, уступила, вернулась к столу и достала шоколадку «Алёнка».

Когда хоровод остановился, географичка подошла к ёлке, хлопнула в ладоши и крикнула:

– А Дед Мороз у нас забыл про одну девочку. А ну, Александра, подойди сюда, ко мне.

– А она детдомовская, – крикнул кто-то из мальчиков. – Вот и забыли.

Саша посмотрела на класс, выискивая того, кто это крикнул, но не сдвинулась с места.

Пауза затягивалась. Зинаида Эдмундовна, уже без улыбки, подошла к Саше и протянула ей шоколадку.

– На, бери, свой подарок!

Саша отвернулась и пошла к выходу. Звезда на её колпаке плыла ровно, гордо и высоко. За внучкой торопилась бабушка с её пальтишком и уже не праздничной шапкой. Когда за ними закрылась дверь, Снегурочка снова взяла детей за руки и повела хоровод под «Каравай, каравай, кого хочешь выбирай», но уже в обратную сторону.

3

Михаил потянулся к маленькому барчику, сделанному им саморучно в углублении обычного шифанера, и достал початую бутылку недорогого коньяка. За эти дни он наделморозил себе на больную печень и пить бы не следовало, но завтрашний день обещал остаться незанятым, и можно было выспаться и восстановиться. Да и кто на Руси бросает пить на полбутылке?

Зато на закуску осталась целая плитка шоколада «Алёнка». Михаил зашуршал фольгой и вдруг представил себе давешнюю девчущку с серебристой звездой на смешном колпаке. Это её шоколад достался Михаилу, та злобная училка, видимо, отдала ему «Алёнку» нарочно, чтобы в жадности не упрекнули. Жадность – не жадность, а чуткости там ни на грош... Михаил покачал головой и поднёс рюмку к губам, с которых полдня нужно было отплевывать вату с дедморозовской бороды. Но не выпил... В голове завертелось что-то неуютное:

– Какая гордая девчонка, гляди, побрезговала шоколадом-то. А он вот не побрезговал. Да, чёрт возьми, какое ему дело – это же не его дочка, не его училка, и школа не его. Своей дочурке он подарил такой подарок, что прям счастье... а эта – чужая, на всех чужих детей не страдаешься. Не его и всё. Но город-то его. И тот парень, который, как он слышал, погиб на спе-

цоперации, тоже отсюда. Наверное, по частичной мобилизации взяли. Он сам по возрасту и по званию подпадал во второй ряд, но до него пока не дошло. А вот мужику этому не свезло... да... а, может, вообще доброволец. И я сейчас буду есть шоколад его дочери? Жаль, не спросил её имени-фамилии, в придачу с отчеством. А что бы ты сделал? Сбегал в магазин за отдельным подарком? Так всем не наносишься, а задним числом уже как-то не то...

Вдруг Михаил понял, что нужно делать, поставил рюмку на стол и взял вместо неё телефон

– Сёма, ты? Ты же ещё работаешь в этой конторе... организации... ну, как её... да, фонде... да, который посылки шлёт на фронт... ну да... нет, я тёплое в прошлый раз отдал, сам мёрзну... другое дело, слушай, может, поможешь одной девчонке? Там исправить надо...

Убедившись, что на том конце его поняли правильно и записали адрес школы, Михаил обменял телефон на рюмку в обратном порядке и спокойно выпил досуха, не закусывая.

Волонтёр Сёма не обманул. Связи и фонда «Посылки фронту» были налажены на всех уровнях. Недели через две об этой истории уже знали на передке под Бахмутом, где воевал и погиб Сашин отец.

– Ты помнишь Серёгу – позывной «Сталкер»? – спросил своего бойца комроты.

Боец, пропитывавший в банке с растительным маслом бинт для самодельной свечи, откликнулся не сразу.

– Помню, как не помнить. Я его доку сдавал с рук на руки, когда «птичника»* на позицию сопровождали. Туда-то нормально, а обратно – накрыло из РПГ.

– Да... – ротный выпустил сизое кольцо в закоптелый потолок, – не довезли Сталкера. Помню, он ещё приговаривал – «вперёд, вперёд, а не наоборот...» – что-то такое.

– Вот он вперёд за «птичником» и полез... за двухсотым уже... я говорил ему, дождёмся темноты, потом вытащим. Не, полез. А наоборот как раз лучше вышло бы.

Ротный помолчал, накуриваясь всласть.

* Птичник – оператор дрона.

– Тут такое дело... дочку его обидели. В школе. Волонтёры донесли.

Боец зажжёт свечу, и прикурил от неё же.

– В смысле?

– Да в прямом. Обнесли на Новый год подарком. А детям знаешь – это обида на всю жизнь.

– Кто ж спорит. И что теперь? Скоро весной запахнет.

Ротный сделал ещё затяжку и притушил окурок о ладонь.

– Олег, у тебя же отпуск не за горами?

Олег, не отрывая взгляда от жёлтого свечного огонька, пожал плечами.

– Отпуск скоро, да я на побывку к своей дочке поеду. И пацану своему. На Алтай. А Сталкер с Урала был, если не ошибаюсь.

– Не ошибаешься. С Челябинской области.

Пару бойцов из освещённого теперь угла блиндажа подошли к столу.

– Мне Сталкер раз жизнь спас – я за ним под обстрелом в нужный окопчик нырнул. А в тот, где мы полминуты назад сидели – 120-ка* прямиком прилетела.

– Я тоже в том окопчике с жизнью попрощался. Сталкер выручил, да ты сам же знаешь, Сыч!

Олег, которого назвали Сычом, закурил по новой.

– Да я так... к слову. Заеду. А что сделать нужно?

– Я бы директора школы расстрелял! – полушутя отозвался кто-то из дальнего тёмного угла.

Личный состав дружно рассмеялся. Олег завершил шутку второй половиной:

– На побывку оружие с собой не полагается. Если только из го@номета.

– Ладно. Оставим этих педа... говов жить пока, – милостиво разрешил ротный.

– Давайте, пацаны, сбросимся на такой подарок... на такой, чтобы все в классе от зависти задохнулись, – раздался тот же голос, который предложил расстрелять директора школы.

– Тогда уж и послание ей нужно записать, – предложил Олег, – дружно, вместе. Что отец, мол, герой и всё такое.

* Снаряд от мобильного 120-мм миномёта «Барс-8ММК», используемый ВСУ.

– Верно! – одобрил ротный. – Чтобы не посмели больше обижать дочь героя. Но не завидовали, а гордились.

4

Оказывается, в природе встречаются и хорошие понедельники. Саша узнала об этом, когда в конце урока географии открылась дверь, и в класс вошло четверо серьёзных мужчин. Один – самый коренастый – в камуфляже, с ровным рядом медалей на груди. Второго, в обычной толстовке, с сумкой через плечо, она не знала, третий, в строгом костюме, был, кажется из какого-то начальства, толкал речи на школьных торжественных мероприятиях. Четвёртым был директор школы, он следовал последним, пропуская остальных вперёд. Зинаида Эдмундовна свела узкие брови и поджала такие же узкие губы в презрительно-строгую гримасу, и уже открыла рот для возмущения, но, увидев, расшаркивающееся начальство, оставила строгость только в глазах.

– Здравствуйте дети, – неожиданно мягко сказал директор школы и махнул рукой встающему классу, садитесь, мол.

Ученики расселись шумнее, чем вставали и наострили уши. Сейчас должно было произойти что-то очень интересное. Макар и Стёпа вжали плечи – наверняка пришли по их душу за разбитую давеча теплицу в частном секторе.

Молчание долго не продлилось. Тот, который начальник, ужалив взглядом Зинаиду Эдмундовну, развёл руками и начал:

– Дети, вы знаете, что по Указу Президента нашей страны Владимира Владимировича Путина о мобилизации от двадцать первого сентября две тысяч двадцать второго года были мобилизованы... призваны на службу граждане России... триста тысяч человек... среди них, конечно, есть и мужчины нашей области и нашего города. Они храбро защищают нас на передней линии борьбы с новым фашизмом, который расцвёл пышным цветом на Украине. И не все возвращаются назад. Многие... некоторые падают там... пали там смертью храбрых. Это герои, которыми гордится наша область и наш регион, и наш город...

– И ваша школа! – перебил с досадой тот, который в толстовке. – И ваш класс. Потому что здесь учится дочь такого ге-

роя. Мы посылаем гуманитарку бойцам на фронт, за ленточку, на самый передок и в тыл тоже. И всех вас приглашаем к нам волонтерами. Мы – это волонтерский фонд «Посылки фронту». Но тут обратный случай. Посылка приехала с фронта. Дочери героя СВО – Александре Оловянниковой.

Все разом обернулись на замершую Сашу. Она медленно встала, и застыла у парты. Только глаза её, перебегающие с одного взрослого на другого, засинели ярче.

Коренастый откашлялся и сделал шаг вперед.

– Меня зовут Олег. Олег Иванович, фамилию не называю, позывной «Сыч». Я здесь у вас проездом в отпуск из зоны боевых действий. Мы воевали с твоим отцом, Саша. И он спас мне жизнь. И не мне одному. И вот мы на фронте узнали, что тебе на Новый год не достался подарок. По... ошибке наставников... или по другой причине... – Олег обернулся и так выразительно посмотрел на Зинаиду Эдмундовну, потом на директора, что сразу стало ясно происхождение позывного, – в общем, мы, сослуживцы и боевые товарищи твоего отца решили исправить этот... промах. Но прежде, чем вручить тебе наш фронтовой подарок, посмотри этот боевой привет от нашей роты. Сёма, подключи.

Олег дал свой мобильник, к нему подключили портативную колонку, которую Сёма вынул из заплечной сумки.

– Дети, давайте все сюда, – махнул рукой Олег.

– А как же урок? – хотела было возразить географичка, но под взглядом директора осеклась.

Детвора не заставила себя просить дважды и тесно сгрудилась вокруг Олега. Двоечник Макар даже умудрился потрогать медали. Одна Саша осталась на месте, как приколоченная к полу.

– Александра, что же ты стоишь, иди сюда, – позвал Сёма. – Вот, становись в самый центр. Это же тебе.

Дети расступились, Саша встала прямо напротив экрана телефона. Включилась запись и какие-то бородатые люди с тёплыми глазами и широкими улыбками что-то говорили, называя её по имени, уважительно поминая отца, но что конкретно – Саша не разбирала, в ушах стоял какой-то гул, словно в них заложили вату из всей бороды тогдашнего Деда Мороза. Может, это шумели одноклассники, может, прозвенел звонок, и шумела вся школа на перемене. А, может, волнительный ком встаёт не только в гор-

ле, но и в ушах. Но слова: «дорогая Сашенька» и «поздравляем» она всё-таки услышала. Как же жалко, что этого не видит и не слышит бабушка!

Подняв уже поблескивающие первой слезой огромные глаза на Олега «Сыча», Саша ждала, что нужно делать дальше.

– Вот тебе флешка, тут всё записано. Дома на компьютере посмотришь ещё раз. И бабушке покажи, – словно угадал её мысли «Сыч».

– У меня нет компьютера, – чуть слышно пролепетала Саша и удивлённо посмотрела на засмеявшихся взрослых. Что же тут может быть смешного, если у ребёнка нет того, что давно есть у всех.

– Есть, Сашенька, есть! – Сёма снял сумку с плеча и раскрыл её перед девочкой. Там через пластик поблескивал новый плоский серого металлического цвета ноутбук. Олег вынул его и положил на парту.

– Это наш тебе Новогодний подарок. Пусть в марте, зато праздник продолжается. Владей!

– Ого! – зажужжали дети. – Да это же «Макбук»! Во крутень! Дорогуший! Ну, Шурка, везучая!

Олег выпрямился, медали звякнули друг о друга, все сразу затихли.

– Везенье, дети, здесь не причём. Растите настоящими людьми, которые любят свою Родину. И малую, и большую – всю страну. Потому что лучше страны нашей не найдёшь. И потому её не победить. И всегда у вас, и ваших детей, и у детей ваших детей будут самые лучшие подарки. Честь имею!

На этих словах прозвенел звонок. Дети закружили Сашу и вместе высыпали в коридор. Мужчины тоже вышли, только директор школы задержался на полминуты. Больше для вынесения выговора не понадобилось – возражений от «классухи» не последовало.

ПОЭЗИЯ

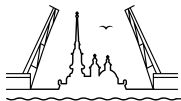
Елена КОЛЕСНИКОВА*

* * *

(Из цикла Петербургские этюды)

Вы здесь надолго, холода? –
Лишь шёпот брызг взамен ответа.
Слова – осенняя вода,
Вода сквозь зубы парапета.
Сглотнув бесцветную волну,
Река в гранитной колыбели
Всё тянет солнце в глубину,
В лицо дыша мне еле-еле...
Вдоль берегов который день,
Глазам живущих неприметна,
Гремя дождями, бродит тень
Неуспокоенного лета.

* Елена Николаевна Колесникова родилась в 1976 году в городе Кузнецке Пензенской области. Училась на музыкальном факультете Самарского Государственного Педагогического университета. Работала в школе. Автор двух стихотворных сборников: «Три ипостаси весны» (2023) и «В синем шаре хрустальном» (2024). Публиковалась в журналах: «Подъём», «Берега», «Сура», «Родная Кубань», «Нижний Новгород» др. Живёт в Воронеже.

* * *

(Из цикла Петербургские этюды)

Закатный расплзается дымок –
Темнеют неба выжженные гари,
И солнце – словно золотой кусок,
Из-под земли достали.
Понурые – от нимбов – фонари
Глядят устало в каменную реку,
И сети ставят светлые они
На блудных* человекoв.
А в небе кто-то – с чёрной головой –
На горстку звёзд променивает слиток,
И прячет торопливо под полóй
Серебряный прибыток...

* * *

Небес малокровие,
Длинный обморок тусклых берёз –
Весны предисловие,
Предначертанность будущих гроз.
В ручьях – воскресающих –
Предугаданность полой воды,
Речные ристалища
И размытость последней черты.
Рассветописания –
Вязью облачной с красной строки –
Послания тайные
Крупным почерком сильной руки.
Весны предисловие,
Предначертанность светлых дорог,
Вре́мён полнокровие –
И любви предначальный пролог,
И Слово у Бога было – Бог...

* Блудный (уст.) – заблудившийся.

ХРИСТОС

Как т́ихи – на порáх последних –
 Зачала* красноречных зорь.
 И солнцем – под конец обедни –
 На храме сукровично-бледно
 Венечный вычервлен узор.

Светло – от стихарéй** кленовых,
 Желтится порванная нежь.
 Рябинник перемаран кровью,
 И усмирён морозцем новым
 Ветрами поднятый мятеж.

В ряду берёз преозарённых –
 Из новописных образóв,
 В тени бесшéлестных агоний
 Простых сандалий затаённо
 Блестится ниточка следов...

* Зачало – фрагмент из Евангелия и Апостола на тот или иной день, читаемый на богослужении.

** Стихарь (греч. – стих, строка) – церковное облачение – длинное, с широкими рукавами.

Олег СЕЛЕДЦОВ*

МАРТОВСКИЙ ДОЖДЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

Улицу, израненную мартом,
Дождь запеленал бинтами луж,
В тучи месяц загонял с азартом,
Моросил на ушко ночи чушь.

Ночь в ответ шутить с дождём не стала.
Сам найди себе, дружок, кров.
И пошли в ночи гулять каналы,
Не найдя надёжных берегов.

Мокнут в страхе клодтовские кони,
Мокрый Пушкин кутается в ткань.
И никто, никто дождя не понял.
Только ругань, только свист и брань.

* Селедцов, Олег Валерьевич (Майкоп-Краснодар) – поэт, член Союза писателей России. Автор 27 книг стихов и прозы. Автор более 350 публикаций в журналах: «Москва», «Наш Современник», «Дружба народов», «Молодая гвардия», «Юность» и других. Заслуженный работник культуры Республики Адыгея. Награждён Орденом Преподобного Сергия Радонежского 3 степени и медалью Сергия Радонежского 1 степени. Награждён высшей наградой Союза писателей России – медалью имени Шолохова.

Сыплют с неба ледяные крошки.
 Обречён небесный потолок.
 Может, только мартовские кошки
 В этом мокром буйстве знают толк.

По проспекту кот шагает франтом:
 «Здравствуй, киска, я твой новый муж»...
 Улицу, израненную мартом,
 Пеленает дождь бинтами луж.

МУЗЫКА БЕЛОЙ НОЧИ

Вальс Растрелльевый, в портиках замерший,
 С флейтой Росси струится по Питеру.
 И Трезини пролился по клавишам,
 Шпилем небо пронзая решительно.

На соборном крыльце улыбается
 Монферран, изучающий метрику.
 И со Стасовым перекликается
 Штакеншнейдеровская эклектика.

Медный Пётр грозитя отчаянно
 Загустевшим туманами сумеркам.
 И укрылись тревоги с печальями
 В белоночной чарующей музыке.

Кони Клодта рассветом украшены.
 Скоро утро наполнится трелями.
 И последние чайки уставшие
 Тихо кружатся в вальсе Растрелльевом.

ДУХОВОЙ ОРКЕСТР

В парке возле входа духовой оркестр.
 Нет, не в наше время. В золотой застой.

Обряжался в звуки, как в фату невеста.
И душа просилась к звёздам на постой.

Чуть пьяны валторны, чуть гобой фальшивит.
Барабан в заплатках, словно инвалид.
Но исчезли в нотах люди и машины,
Растворились тучи и луна дрожит.

Старенький оркестр. Не лихой, не грозный.
Но швыряет память, как буксир в морях.
И уже полвека я гляжу на звёзды,
Там, где на постое спит душа моя.

КРЫЛАТЫЕ ЛЬВЫ

Бросает осень листья по холсту,
Смешав тоску в закате золотом.
И крылья львов на Банковском мосту
Горят осенним золотым костром.

И по каналу золото разлив,
Плескает в купол Спаса на крови.
Украшив Мойку тенью львиных грив,
Снов белоночных, вызревших в яви.

Я пью те сны, летаю и расту,
Как мальчуган, который год подряд.
И крылья львов на Банковском мосту
Теперь моими крыльями парят.

Дни коротки, закаты не правы.
День поблазнил, пропел и был таков.
Лишь отраженьем в зеркале Невы
Остался след моих крылатых львов.

КРИТИКА

Марианна ДУДАРЕВА*

АПОЛОГИЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Я лечу опять над миром сонным
По волнам небесным бытия.

Д. Мизгулин

Русская душа живёт на пороге двойного бытия (Ф. И. Тютчев), ходит по краю ойкумены (И. Ефремов), обнажая свои рубцы, которые онтологически перерастают в швы жизни = скрепы бытия (С. Кржижановский). Апология края, краевой образ русской жизни – корневой для нашего брата. Эту устремлённость «за календарь», в «иное царство» русской сказки тонко прочувствовал и изобразил в своей новой книге стихов «По кромке бытия» Дмитрий Мизгулин. Первое, а значит, программное, настраивающее,

* Дударева, Марианна Андреевна — российский учёный-литературовед, фольклорист, доктор культурологии, доктор филологических наук. Член Московской городской организации Союза писателей России, профессор кафедры общей и славянской филологии Института славянской культуры РГУ имени А. Н. Косыгина; доцент кафедры журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

стихотворение книги сразу погружает читателя в символическое пространство:

Горят в ночи рубиновые росы,
Мерцают тени голубых берёз,
Гремят в раскат чугунные колёса,
Судьба летит со свистом под откос.

Вероятно, что действие происходит на заре – росы рубиновые от рассветного луча, который прогоняет ночь. Но час перед рассветом самый загадочный, апофатический, поскольку это время переходное по своей сути – уже не ночь, но ещё и не день. Русский психолог начала XX века Л. С. Выготский, размышляя о Гамлете Шекспира, определял это время как самое пугающее и одновременно значимое в мистическом отношении: «Перед самым рассветом есть час, когда пришло уже утро, но ещё ночь. Нет ничего таинственнее и непонятнее, загадочнее и темнее этого странного перехода ночи в день». В такой период решается судьба человека. Неслучайно русские вставали рано, с зарёй или даже предупредая её восход, как пушкинская Татьяна из романа «Евгений Онегин». Так живёт и лирический герой этой современной и своевременной книги: «Встану поутру, выпью чаю, // Первую зарю повстречаю».

Однако у Д. Мизгулина в этой предрассветной гуще, пугающей звуком колёс, редкими тенями берёз, решается судьба человека, летит под откос, что называется. И, кажется, чувствуется некий пессимизм, возникающий по нарастающей в следующих стихах:

Не ворваться в безмятежные дали.
Уработали меня, укачали.

Но не так прост автор этой книги – он и сам качает читателя на волнах бытия, то погружая его в пучину вод, то поднимая на гребне волны:

Окна, словно свечи, зажигались.
И в метельной, снежной кутерьме

В поднебесье ангелы смеялись,
Словно дети, радуясь зиме.

От страстей человеческих, личной трагедии, изматывающей душу лирического героя, до ангельского поднебесья, мира горнего, распростёрся Логос Дмитрия Мизгулина – такова архитекторика его сакрального мира, такова апофатика души русского человека. Но как разрешить этот дуализм, вырваться из метельности жизни?

От бед устану,
От слёз и боли,
Я молча встану
И выйду в поле...

Конечно, здесь схвачено главное для русского человека – полная самоотдача природе, матери сырой земле, полю, равнине в нашем космосе. И поэтому сетует автор: «Голубая кружится планета, // Человек давно не смотрит ввысь». А даль, горизонтальный космос, и высь – два культурных априори русского космо-психо-логоса (понятие русского культуролога и философа Г. Д. Гачева), в котором всё спаяно: и природа, и душа, и искусство, поэзия, как высшая форма бытия для нас. И здесь мы не должны понимать поэзию логически, обвинять автора в легкомысленности, в запрокидывании головы к небу. А как ещё? Поле – отражение звёздного неба над головой, которое продолжает поражать художников слова, являясь одновременно и нравственным законом для них. Именно поэтому в стихах Д. Мизгулина много звёздных образов:

И опрокинут склочные метели
От звёзд опустошённый небосвод.
И ото сна очнувшийся Емеля
С печи в снега со щукою сойдёт.

Но что же надо русскому человеку, этому Емеле, Ивану-дураку в этом равнинном и звёздном космосе, что ищет он в метели жизни? Любимую. Вещую невесту из русской сказки:

За окном сиреневая мгла,
Мне хотелось, чтоб и ты ждала,
Позвонила в чуткой тишине:
– Где ты, милый? Скоро ли ко мне?

Но это – обманчивое ощущение рук и губ, потому что возлюбленная – идеальная, потусторонняя, из сиреневой мглы пришедшая. Мгла так же связана в русской культуре с пограничным состоянием, с вневременностью, с ощущением новой судьбы (вспомним есенинское «залегла забота в сердце мглистом...»), которую по-настоящему, по-христиански принимает лирический герой стихов Д. Мизгулина:

Приемли всё, что ниспослал Господь.
И что бы в этой жизни ни случилось,
И ясный день прими, и непогодь,
И жизнь, как бы нечаянную милость.

Хотя лирический герой, конечно, не схимник, он ищет свой путь, который начинается на земле, а заканчивается по-шопенгауэровски в надзвёздном пространстве:

Ни охнуть, ни вздохнуть –
В потоке скоростей
Разгадывая суть
Космических путей,
Взметая прах веков,
Стремимся всё успеть –
Без наших мудрых слов
Вселенной не прозреть.
В глухих стенах квартир,
Уйдя в телеэкран,
Опять спасаем мир,
Который сыт и пьян.
Который пьян и сыт,
Цветные видит сны.
И со своих орбит
Слетаем только мы.

И, сделав сказкой быль,
Мы подведём итог,
Когда осядет пыль
Просёлочных дорог.

Это центральное переломное стихотворение в онтологии Дмитрия Мизгулина. Потом вектор движения Логоса, чувства все ускоряется вверх, и в итоге мы вместе с автором и его героем где-то с немислимых высот, где нет уже боли и земных страстей, вдруг снова слышим дыхание матушки сырой земли, России:

И наступит тишина такая,
Что услышу, сердце затая,
Как, сама себя преодолая,
Дышит тяжело русская земля.

Эта книга – воплощение русскости, которая выразилась и в страданиях человека, в его жажде любви земной, и в поиске идеальной возлюбленной, алкании сердца любви божественной, и всё это слилось в образе родины, русской земли, которая для нас и есть поэзия, и есть судьба. Россия в стихах поэта носит иконический лик, вся страна с раскатами полей («и поле русское в крестах...») – большая икона, которая хранит нашего мужика, чтобы с ним не происходило.

ПРОЗА

Валерий **МИХАЙЛОВСКИЙ***

КОРОЛЬ ФУРНИТУРЫ** (нераскаянная исповедь)

Роман

IX

- Шо скажете? – спросил строго Изя.
- Шо тут скажешь, парень вёрткий, раскрутил всю партию, – ответил деловито Борис.
- Вот, – Дато достал из спортивной сумки три толстые пачки кюпюр.
- Добре, добре, шо будем делать дальше? В Киеве тихо? – Изя

* Михайловский, Валерий Леонидович – прозаик, член Союза писателей России. Автор книг «Души не-прикаянные», «Северные ветры», «Зимник», «Вах таинственный», «Всё не так», и других. Известный врач, этнограф, путешественник. Член русского Географического Общества.

** Продолжение. Начало см. журнал «Второй Петербург» № 57.

посмотрел на Дато, Бориса. За столом сидели ещё два человека крепкого телосложения, достаточно молодых, в спортивных костюмах.

– Всё тихо. Работать будем! Мы ещё и дружка его проверили. Он – из педагогического. Молодёжь перспективная, – Борис побарабанил пальцами по столу.

– А шо нервничаешь? – Изя заметил это нервное побарабанивание.

– Много по месту работают. Аркаша с комендантшей крутит свои делишки мелкие, а она баба, похоже, ненадёжная.

– Почему? – удивился Изя.

– Пьёт, как сапожник, – коротко ответил Дато, – я за ней понаблюдал. Компашка у неё не очень.

– Где ж ты святых наберёшь. Все мы компашка не очень. Хуже нас для советской власти нет. И что теперь? Главное, чтобы к ментам не привела. Она своё дело делает? – Изя встал из-за стола, прошёлся по комнате.

– Да, у неё связи большие... Она на себя ничего не берёт, она, как бы сказать вроде и не при делах, но связи есть связи.

– Ну, так что ты от неё хочешь? Она на своём месте, ей не нужно пачкаться. Новую партию будем заказывать?

– Заказывайте, – сказал Дато, – мы готовы.

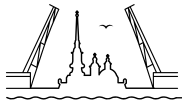
Изя подошёл к телефону, положил руку на трубку. Долго не решался поднять.

– Сколько? Насколько готовы? – наконец спросил он. Именно этот вопрос его сейчас занимал.

– Центнер потянем, – развязно ответил Дато. Его выдавал чуть заметный кавказский акцент.

– Алло! Здравствуй, дорогой, здравствуй! Мы проживаем спокойно, – после паузы ответил он в трубку, – погода хорошая, даже солнце. Овощи сдали в санаторий... Да, все. Ещё нужно. Сейчас сезон и курортников много... Пожалуй центнер – полтора персиков, синеньких тоже, пожалуй центнер, абрикосок можно подбросить и больше, сезон. Как у вас погода? Солнце, тепло? Это хорошо... Добре, добре... Да, всё так же. Тебе привет от наших, – в это время, мужчины, сидящие за столом, помахали руками.

– Пришлёт сотню-полторы костюмов, джинсы подкинет. Это хорошо, а то в прошлый раз нам не хватило, и рубашек подкинет,

Италию. Так, Рома, берёшь Гогу и Мишку и завтра в Умань. Там же в то же время. И смотри за ними, чтобы тихо, – Изя сверкнул глазами, посмотрел на Георгия и Михаила, потупивших взор. Михаил хихикнул.

– Шо ты лыбишься? Мне уже надоело вытаскивать вас из разных историй, – Борис встал, нервно забарабанил пальцами по столу, – когда уже поумнеете? – обратился он к Гоге и Мишке.

– Так мы могли бы и сами в Одессу смотаться, – сказал Гога.

– Много рассуждаешь! Это уже не твоё дело. Всё, свободны! Перевалка в Умани, – Борис зло зыркнул.

Только закрылась дверь за вышедшими товарищами в спортивных костюмах, Изя подошёл к Борису.

– Ты шо-то не договариваешь, Бора.

– При них, что ли говорить? – Борис кивнул в сторону двери, – не нравится мне Аркаша. Вроде, как он понял...

– Что понял? – насторожился Изя.

– Что товар не импортный, что здесь пошитый...

– Откуда ты берёшь такие подозрения? Он шо, тебе сам сказал?

– Он не дурак, он не скажет. Но как-то подозрительно разглядывал ярлыки, к подкладке присматривался... Что-то на лице его вроде, как мелькнуло...

– «Вроде мелькнуло», «вроде, как понял»... – Изя пристально посмотрел в лицо Борису, – присмотришь к нему. Эдуарда предупреди, чтобы не якшался с Аркашей! Чтобы их не видели вместе, – Изя прошёлся по комнате к окну, обратно к столу, похрустывая костяшками пальцев, – понаблюдай за Аркашкой. Намекни, пусть завязывает со своей мелочёвкой, а то, как бы менты на хвост не упали.

Х

Для многих обитателей небольшого городка этот день ничем не отличался от других, тянувшихся чередой друг за другом. Но для молодого человека, шагающего по пыльной улице вдоль разношёрстных заборов совсем не центральной улицы этого городка, притаившегося на берегу тихой реки, так не казалось.

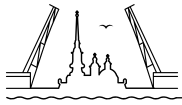
«Какой сегодня замечательный день», думал где-то вслух, а где-то просто думал молодой человек. Думы его были легки, светлы, как этот солнечный день, и предельно понятны. Обладая железной логикой, Эдик укладывал события разной давности в пшеничногривой голове в строгой последовательности, будто связывал в снопы, укладывая их в определённом порядке. И даже то, что будущий тесть – Изя не вовлекал его в опасную круговерть подпольного бизнеса, таившего немалые риски и опасности, тоже укладывалось в эту логическую цепь.

Вдруг молнией пронзило воспоминание. Возник в памяти Аркадий, которого в прошлом году прямо на его глазах скрутили какие-то люди в гражданке за мгновение до их обусловленной встречи. Больше Аркашу он не видел. Прошёл зловещим шёпотком среди студентов слух, что Аркадий повесился в камере следственного изолятора и всё – молчок. Как вовремя тогда повстречался ему Дато, как вовремя он задержал Эдуарда каким-то совсем необязательным разговором. А случайной ли была та встреча на выходе из метро. Что-то подсказывало, что его всё же ждали, чтобы задержать, не дать встретиться с Аркашей. Его берегли. Не для этого ли дня? Он горько улыбнулся.

Эдик пытался гнать эти мысли, заставлявшие его виртуально доставать звено за звеном из той цепи. И всё же, мимолётно скользнувшие в мозгу воспоминания не зацепили в этот раз сознание глубоко. Он словно не давал сознанию воли, будто стопорил его, притормаживал. Эдуарда даже передёрнуло холодком где-то под сердцем от того, что гнал он плохие мысли осознанно, боясь навлечь несчастье.

Но Аркаша лез в голову назойливо. Эдик гнал от себя навязчивые мысли, даже встряхивал исступлённо головой, будто пытался вытряхнуть их. Что хотел поведать ему Аркаша, назначив встречу в том кафе, где его взяли так неожиданно. Накануне он намекнул Эдику, что костюмы, которые ему доставал Изя, вовсе не финские, а скорее всего шитые «в каком-нибудь подвале». На этих словах Аркаша испуганно оглянулся. Эдик уловил тот испуг. Почему-то именно это выражение лица своего друга запечатлелось и навязчиво сидело в голове.

Никаких препятствий для своей женитьбы Эдик не находил. Вернее сказать, не мог найти. Он замечал за собой стран-

ные вещи, которые не должен позволять себе влюблённый человек. Он и здесь пытался применить свой склонный к анализу ум. Он пытался просчитать последствия, чего, по его представлению, не должно происходить в голове влюблённого человека. Всё говорило в пользу уже принятого решения, и данного Доре обещания. Тянуть больше нельзя, раз два сердца так тянутся друг к другу. «Закономерное развитие событий», – так думал математик Эдуард. Он любил Дору, она – его. В этой формуле любви нет неизвестных, нет никаких потаённых смыслов. Так ему казалось, в этом он был уверен. Сияло солнце, лёгкий ветерок шевелил его длинные ржаного цвета волосы, взлетающие еле заметной волной. Этот полёт он ощущал физически. Светлый модный костюм улавливаемого европейского стиля удерживал образ в рамках той благопристойности, которая заставляла считаться с собой.

Оборачивались люди, удивляясь тому обстоятельству, что вот здесь среди этого пыльного лета, по этой пыльной улице, вдоль обшарпанного забора с несметным количеством ломаных штакетов не шёл, а парил такой вот молодой человек, будто выпавший из цветной картинки какого-то дорогого капиталистического журнала. Эдик шёл по своей родной улице с букетом ярко-алых роз, которые будто плыли впереди него. Он поравнялся со своим домом с покосившимися окнами. На него он даже не взглянул. Вот и закончился родной забор с ломаными штакетинами, поворот, ещё немного и уже виден погребок, знакомая калитка... Вдруг он поймал себя на мысли, что практически не хромает, значит всё же хорошо сшили ему специальную обувь. И здесь помогли связи этого простого еврея из Хмельника, продавца керосина. Тут Эдик горько улыбнулся: «Не такой он простой – этот Израиль Ефимович».

* * *

– Израиль Ефимович, – обратился несколько театрально Эдик к отцу Доры, – я хотел с вами поговорить.

Столь официальное обращение, такой торжественный тон насторожил Изю, он посмотрел на смутившегося под пронизательным взглядом Эдика, переместил взгляд на роскошный букет цветов.

– Пойдём, поговорим, – спокойно произнёс Израиль Ефимович, я знал, что скоро это случится, – прошептал он, но Эдик этого не услышал. Израиль Ефимович ловко накиннул замок на уныло скрипнувшую дверь, щёлкнул ключом. Эдик застал его, выходящим из своего погребка. Он ждал, когда отец Доры освободится, и можно будет поговорить спокойно. Знал Эдик, что Изя не любил о деле толковать на ходу. Всё ему нужно обмозговать, взвесить, потянуть резину, как выражалась иногда его жена. Зашли в дом, Изя тщательно вымыл руки, потом ушёл в свою комнату, долго передевался. И вот он уже при полном параде – в костюме и при белой рубашке.

– Садитесь, молодой человек, – пригласил он к столу.

Тут же вошла жена, стала в дверном проёме, перекрыв его практически полностью.

– Мальчики, может шонибудь покушать? То я пончики сделаю.

– Не надо пока никаких пончиков, пообедаем позже. Нам нужно поговорить, так, что не делай этих глупых предложений, – строго сказал Израиль Ефимович, и фигура жены исчезла без слов и возражений.

Возникла пауза, Эдик не находил нужных слов.

– Шо ви, молодой человек имели мне сообщить? – участливо спросил Изя, – не жениться ли ви надумали?

– Да, – подтвердил догадку Изя Эдик, – только я не знал с чего начать.

– Ой, ви уже давно всё начали, а это просто продолжение.

– Ну, я хотел просить руки вашей дочери.

– Боже мой, уже тысячи лет люди говорят постоянно одну и ту же глупость.

– Почему же глупость? Мы любим друг друга. Мы с Дорой уже всё обсудили...

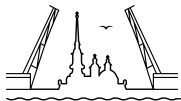
– Так я вам зачем, если всё решено? – искренне удивился Изя.

– Ну, мы же должны...

– И что я могу сделать? – перебил Эдика Изя, – ви умный молодой человек, она – красивая. Тут пахнет свадьбой, – как-то развязно сказал Изя.

– Соня! – крикнул Изя.

В этот же миг возникла мама Доры.

– Вот, Сонечка, посмотри на этого молодого человека, – Изя картинно показал рукой на Эдика, на букет цветов, лежащий на столе, – он тебе сейчас шо-то имеет сказать.

Эдик повернулся к жене Изи.

– Я прошу руки вашей дочери, – выпалил он.

– Ой! – коротко вскрикнула мама Доры.

– Дора! Где ты там? – крикнула она громко.

Так же стремительно возникла Дора.

– Шо ты на это скажешь? – спросила Дорина мама с деланной строгостью.

Дора всё поняла, да и как не понять, если вчера они всё проговорили с Эдиком.

– Мама, я согласна, мы уже всё обговорили, – она подошла к Эдуарду и обняла его по-матерински тепло и заботливо.

– Они уже всё обговорили, – наконец-то подал голос Изя, – и шо мы теперь имеем делать? – обратился он к жене.

По тону мужа, Соня поняла, что нужно соглашаться.

– А шо нам тут иметь? Надо думать, как жить дальше.

– Я присоединяюсь к твоему согласию. Шо бы ты не сказала – всё правда. Ты у меня мудрая женщина.

Изя подошёл к молодым, столкнул их головами.

– Живите в мире, – сказал он, и голос его дрогнул. – Шо ви скажете насчёт свадьбы в Одессе?

– Мы согласны, – сказали вместе Эдик и Дора, и, взявшись за руки, выскочили на улицу.

– Не смотри на меня такими обидными глазами, – сказал Изя, когда за молодятами закрылась дверь, – да я согласился, а шо я могу сделать? Да, он не наш. Но могло быть ещё хуже... Ты видела, как на неё смотрит этот Дато, этот мерзавец, этот бандит?

– А я шо? Я шо не понимаю? Эдик её не обидит, – отозвалась несмело Соня.

– Не знаю, не знаю... – задумчиво произнёс Изя, – не знаю, шо у этого молодого человека на уме, но это уже не тот мальчик в рваных калошах, это уже почти дипломированный инженер. Это уже не Эдик, это уже Эдуард! Эдуард Андреевич Моргун!

ЧАСТЬ II

ПОДЧИНЯЯСЬ ГОЛОСУ СУДЬБЫ

I

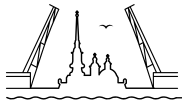
Легко порхал от сессии к сессии Эдик, будто по камушкам перебежал мелкие речушки, не намочив ноги. Также легко справился с дипломной работой, хоть и тема, по словам преподавателей, ему попалаась дремучая. Именно так охарактеризовал её профессор зав. кафедрой электричества. Но Эдик справился легко. Уже заканчивая работу над дипломной, ему позвонил бывший одноклассник Вовка Жбан, Жбановский, значит. Они часто перезванивались, встречались. А единил их общий интерес к валюте. Вовка жил в областном городе, и часто приезжал в Киев затариться валютой. У Эдуарда были свои связи. Более того, он организовал свою сеть, в которой имелись с добрый десяток бегунков, работающих на своего босса. Боссом Эдуард был разбитым и вместе с тем осторожным. За всё время учёбы в университете ни разу не прокололся. За это его уважали в кругах валютчиков. Правда, занимался он, как выражался сам Эдик, мелочью. На большой простор не выходил. И не только потому, что не хватало «тямки», но и понимал, что там и риски возрастают, там уже свои законы, там уже «серьёзные люди», без которых не обойтись, и которые обычно садят на короткий поводок. Мелкую рыбёшку «серьёзные люди» не трогали: пусть шуршат, пусть отвлекают внимание милиции, пусть путают следы. Всё это понимал и учитывал Эдик. Он любил всё просчитывать, предугадывать, и умел ждать.

Жбан без обиняков и долгих вступлений, что было для него свойственно, выпалил в телефонную трубку с привычной для него нетерпеливостью:

– Эдичка, приезжай срочно, мне нужно в Ялту смотаться, а свой военторг я не могу оставить на случайного человека. А ты справишься, я знаю.

– У меня дипломная, диплом на носу...

– Ты справишься, я же знаю. И с дипломом тоже. Если нужно, я тебе больничный организую.

– Какой больничный? – упирался Эдик, – диплом у меня. Понимаешь?

– Понимаю, но тут ты полкуска сделаешь за три недели.

– Какие три недели? У нас выпускной...

– Ничего ты не понял. Я думал ты умнее, – Жбан произнёс эту фразу с таким чувственным презрением к своему собеседнику, что Эдик даже сник. Да и полтыщи под ногами не валяются.

– В чём проблема? – спросил он, будто отступив, давая надежду Жбану.

– Я остался один. Шеф загремел в больницу: аппендицит лопнул, говорят, а это минимум на месяц, если не больше, а мне в Ялту нужно позарез. Приезжай, всё расскажу.

Любопытство, а ещё более – замаячившая возможность участвовать в простой шахматной трёхходовке с таким предсказуемым исходом, подзадорила молодого человека. И Эдик на следующий день был у Жбана. Он не любил долго рассусоливать, если светило новое дело, проклёвывалась, как сам любил гваривать, перспектива. Дора, вроде, как и не одобрила его решения, но и не предприняла каких-то решительных попыток его удержать.

Магазинчик стоял напротив контрольно-пропускного пункта, немного наискосок через дорогу, отдельным одноэтажным зданием из кирпича, побелённого извёсткой. Побелка местами облупилась, и кирпичные проплешины придавали этому зданию какой-то неухоженный вид. На эту неряшливость и обратил внимание Эдик.

– Что-то ваше заведение обветшало... не порядок.

– Руки не доходят. Собираемся делать ремонт.

– Да тут ремонту-то кот наплакал – побелить только, – Эдик окинул взглядом фасад кирпичного строения.

– Шеф и деньги уже нашёл. Шестьсот рублей готов отдать. Найдёшь людей, пусть сделают. Деньги-то он оставил, но мне пока некогда. Мне в Ялту нужно, понимаешь... Патрик меня там ждёт. К сроку не приеду – мне кирдык, – и Жбан резанул себя по горлу ребром ладони, – ты Патрика знаешь.

– Так он же, слух дошёл – на нарах.

– С такими деньгами долго не сидят. На воле уже... будь он не ладен... Так вот... с ремонтом покумекай. Я пятьсот рублей тебе оставлю...

– Вообще-то шеф шестьсот оставил, но я тебе не ремонт приехал организовывать, о деле давай, – остановил поток словесной лавы Эдик.

Его иногда раздражала излишняя словоохотливость Жбана.

– И всё же о ремонте: я шефу обещал до выписки организовывать. Солдатики раскрути...

– Не знаю, – отмахнулся Эдик, – покумекаю.

Зашли в тёмное нутро тесного магазина. Длинная стеклянная самодельная витрина разделяла торговый зал на две части. Та, что оставалась для покупателей, так называемый торговый зал, казалась большей, но то было ошибочное впечатление, ибо завитринное пространство было занято различным товаром: висевшие вряд, как на параде мундиры, фуражки на стеллажах, сапоги, ботинки, и много разной мелочи. Под стеклом витрин красовались разные погоны, звёздочки, пряжки для ремней, множество разных значков, пуговицы на разный вкус. Эдуард хорошо знал этот магазин, он тут бывал не раз, даже подменял пару раз своего друга в трудную минуту. Даже гарнизонное начальство было ему знакомо, как, впрочем, он начальству. Привозил он из столицы дефицитный товар для начальствующих особ. Обычно под заказ. Эдик, относящийся к военным с каким-то особым пиететом, был всегда пунктуален и обязателен, за что был уважаем местным военным начальством.

– Вот это всё неучтётка, – пропуская в отдельную каморку Эдика, сказал приглушённо Жбан. Всё, что отсюда продаёшь – в отдельную кассу... Держи эту каптёрку всегда закрытой. Если что, у тебя нет ключа. Вот перечень. Можешь не пересчитывать.

– Понял.

Крупные и дорогие форменные кители, дорогую обувь всё же пересчитали.

– Тут такое дело: до дембеля ещё чуть не полгода, а старослужащие уже готовятся. У нас нет значков связистов первого класса. Будут спрашивать. Я заказал, через месяц-два будут. У нас только третьего класса. Надоедят они тебе. Им всем перед дембелем первый класс дают.

– А у тебя есть значок первого класса, посмотреть? – почему-то спросил Эдик.

– Конечно, есть. Покажу... Погоны сержантские кончились. Им же всем сержантов присваивают перед дембелем, но я уже заказал... Ленты для лычек кончились... Ладно выкрутишься. Говори, что уже идут, что давно заказаны.

– Ладно, понял. Плохо работаете, товарищ Жбановский Владимир Петрович – лычками дембелей не обеспечили! – пожурил он своего друга.

– Я-то причём? У меня начальство есть.

Уже вечером Эдуард бодро шагал по пыльным улицам областного города Хмельницкого. Он остановился у переговорного пункта. Достал записную книжку, полистал её, нашёл нужный номер телефона. Зашёл в здание. Собственно этот переговорный пункт ничем не отличался от таких же пунктов во многих городах: в ряд выстроились застеклённые кабинки. Длинная очередь в окошко для заказов переговоров, спующие взад-вперёд абоненты, ждущие своей очереди в стеклянную кабинку, время от времени громыхающий голос где-то с высоты, приглашающий дождавшихся счастливых на переговоры. Эдуард добрался до заветного окошка.

– Мне в Винницу по номеру телефона....

Эдуард прислонился к холодной стене. А вот и называют его порядковый номер:

– Заказ номер 337, ваша кабина номер три!

Эдик зашёл в кабинку, снял трубку и сразу услышал голос друга.

– Это я – Эдик!..

...

– Долго морочить тебе голову не буду. Помнится, ты хотел по весям, по областям проехать. Я сейчас в Хмельницком.

...

– Хата есть. Ты мне купи в местном военторге лычки для сержантских погон метров двадцать и значков связистов первого класса. Первого! Штук сто.

...

Конечно срочно. Когда? Послезавтра? ... Нет, жду завтра.

...

– Бери тачку. Я оплачу. Всё. Жду. У меня остановишься.

И лычки, и значки, заказанные Эдиком, и так востребованные местными вояками, были доставлены в срок уже на следующий день.

А уже следующим утром его у военторга ждала кучка солдат-срочников. Рядом с ними нервно курил краснощёкий старшина.

– Привет. Товарищ старшина, – шутливо произнёс Эдик.

– Привет, – ответил сипло старшина, подав дрожащую руку.

Его опухшие глаза вопрошали не тянуть kota за хвост, его глаза выразительно просили помощи.

– Здоровьишко подводит? Вчера, вижу, ты всё же добавил.

– Добавил, – тихо вымолвил старшина, – не тяни kota за хвост, что не видишь, что человек помирает? Вот твои гаврики, – кивнул старшина на четвёрку солдат, кутивших в стороне. На обед их отпустишь. Завтра они тоже в твоём распоряжении.

– За два дня не успеем: сам посмотри, сколько тут работы. Это же всё нужно отскрести, потом местами оштукатурить, побелить...

– Ладно, и послезавтра они твои, – старшина оборвал поток этой ненужной ему сейчас информации.

Прапорщик соорудил такие скорбные глаза, так жалостливо глянул, скособочив лицо, что даже самый жестокий инквизитор средневековья дрогнул бы. Эдуард достал из кармана пятёрку и протянул страдальцу так, чтобы не было видно солдатам.

– Мало, там ещё капитан...

– Держи, – Эдуард сунул в дрожащую ладонь ещё одну бумажку, – капитану привет.

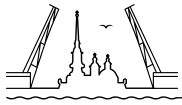
Старшина спешно потрусил по дороге, удаляясь по тенистой аллее на встречу с мечтой сегодняшнего утра.

– Ну, что, дорогие мои друзья! – весело воскликнул Эдик, – давайте-ка ударим по мороженому, и за работу! Красоту будем наводить, а то даже как-то неприлично. Военторг, всё же! Кто сбегает за мороженым?

– Я! – сделал картинно шаг навстречу один из солдат.

– Держи! – Эдуард сунул ему в руку два рубля.

Эдик знал, как расположить к себе этих солдатушек, отданных ему в распоряжение на три дня, чтобы работали добросовестно, но и, чтобы по злобе потом не болтали лишнего.

II

В оговоренное время Жбан не появился. Не появился он и на следующий день и на третий – тоже. Никаких известий от него Эдик не получал. Сроки поджимали: нужно ехать в Киев. Обещал же сразу после майских праздников, а уже двенадцатое. Разыскать «шефа» военторга Грыню Панасюка не составило никакого труда. Его тут каждая собака знает. Открыл дверь сам «шеф» в домашнем халате, в растоптанных тапочках.

– О, Эдик! – заходи, а у меня гости.

Эдик зашёл в коридор. Ему была видна кухня. На табуретках сидели два человека: один в военной форме майора и человек в гражданке при галстукe и в белоснежной рубашке. Костюм, правда, уж очень допотопный, как заметил Эдик.

– Мне некогда, – сказал он приглушённо, тут такое дело...

– Шо-то случилось, Эдик? – спросил Грыня на одесский манер.

– Случилось. Жбана нет. Я ж вместо него, пока ты тут болеешь.

– Знаю, он меня поставил в известность.

– Так он ещё три дня назад должен был приехать: десятого не приехал, вчера тоже, а сегодня уже двенадцатое...

– А куда он?.. – растерянно спросил Грыня, а сам прямо съёжился. И Эдуарду показалось, что «шеф», что-то знает.

– В Ялту собирался, на встречу с Патриком...

– Ёкарный бабай! Ох-ох-ох. Ох, Жбаня, Жбаня, говорил я ему не якшайся с этим барыгой.

– Что делать будем? Мне уже пора в Киев. У меня курсовая, у меня диплом...

– Понимаю, Эдик, понимаю... Даёшь сообразить.

– А я думал ты в больнице.

– Да было дело: аппендицит вырезали. Написали по блату, что осложнённый, что лопнул, продлили больничный, вот – отдыхаю... Хирург, человек свой... Ох, Жбаня, Жбаня, – повторил он с каким-то прискорбием.

– Мужики! – крикнул он на кухню, – вы тут продолжайте, а у меня дела...

– Недолго там! – командным голосом крикнул майор.

Переоделся шеф по-военному – быстро.

– Пойдём, Эдик, приму дела... А ты езжай в свой Киев. Тебя там жена молодая ждёт. Слышал, слышал, что женился. А мы разберёмся тут.

При упоминании жены, сердце Эдика будто скакнуло, растеклось теплом в груди. Сегодня звонил ей, сказал, что Жбан пропал, что задерживается неизвестно на сколько.

Подходя к военторгу, и увидев белизной сияющее отремонтированное здание своей каптёрки, Грыня картинно хлопнув в ладоши, воскликнул:

– Вот это красота! И чья работа?

– Это прапорщик Карпенко солдат пригнал. Ну, я тут подсуетился. Ты же сам оставил Жбану на ремонт шестьсот рублей.

– Тыщу.

– Вот жлоб! – вырвалось у Эдика.

– И тебя надрал! Натура у него такая. С Патриком снюхался. Больших денег захотелось. Ох, ох, Жбаня, Жбаня, предупреждал же его: большие деньги всегда кровью пахнут.

Грыня ещё что-то причитал, обходя здание военторга по периметру. Эдик не всё слышал. Долетали отдельные слова «связался дурак», «он не прощает», «деньги на дороге не валяются».

Вдруг к ним подошла женщина средних лет, в косынке «на глаза». Лицо её было встревожено. Грыня узнал её.

– Не пришёл Володя? – спросил Грыня с опережением.

– Нет его... уже четвёртый день пошёл, как должен был приехать из Киева. И не звонит... – она промокнула увлажнившиеся глаза.

– Из Киева? – спросил удивлённо Грыня.

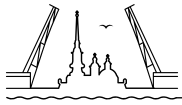
– Из Киева... а почему ты спрашиваешь?

– Ну да, из Киева. Я тут в больнице лежал. Мне почему-то показалось, что в Ялту... Ну да, из Киева, – стал путаться Грыня, не зная, как себя повести.

– Так он в Ялту ездил? – спросила женщина.

– Я толком и не знаю, я же в больнице...

Эдик понял, что это мама Жбана. Он вдруг ощутил к этой охваченной смятенным беспокойством женщине искреннее сострадание. Тревожное предчувствие холодком подкралось к сердцу. Он часто замигал глазами.

– Может, вы что-нибудь знаете? – обратилась она к Эдику.

– Я ничего не знаю. Я тоже его жду...

Тут мама Жбана заревела громко со страшными всхлипами – рыданиями, как обычно ревут над покойниками. Она закрыла лицо руками.

– Где ты, сына, где ты-ы-ы?! Никто ничего не знает!!! – закричала она и побрела, шатаясь по тенистой каштановой аллее, набирающей цвет.

– Ёкарный бабай! Дело плохо, – резюмировал Грыня скорбно, – я же предупреждал... И шо мне теперь делать? В Ялту ехать? Патрика искать? Так он и меня на перо посадит. Шо ж я Патрика не знаю? Век бы его не видать. Ты знаешь Патрика? – вдруг спросил Грыня, глянув в глаза Эдуарду.

– Нет. Я даже не слышал ничего о Патрике, – соврал Эдик.

– Ну, вот и ладно. А я чуть не влип. Хорошо, что вовремя сорвался с крючка. Он мою харю запомнил. Мне ему на глаза попадать нельзя, – Грыня вскинул вдруг голову, будто что-то сообразил, – а может, ты смотаешься? Разузнаешь...

– Нет уж, уволь. У меня диплом... Я и так тут задержался.

– Да жена молодая ждёт... – хихикнул Грыня.

– И жена, представь себе, ждёт. Давай ближе к делу, – Эдуард таким образом подвёл черту.

– Ну, пойдём, обскажешь, чем ты тут занимался. Ремонт. Вижу. Сделал, молоток.

Они зашли в открывшуюся дверь военторга.

Уже через полчаса Эдуард шёл в тени цветущих каштанов в сторону автовокзала. На переговорный пункт решил не заходить. Билетов на ближайшее время не было, и он взял на последний рейс, уходящий в два часа ночи. Эдик знал ресторан недалеко от автовокзала, в котором не раз бывал с Жбаном. Столик он выбрал тот, за которым последний раз сидели с другом. Он заказал бутылку вина.

Мысли плутали между Жбаном и Дорой. Почему-то лезли в голову слова Грыни: «может, ты смотаешься. Разузнаешь...». Доре не позвонил. Ну, что ж пусть это будет для неё сюрпризом, хотя сам он, как математик, никаких сюрпризов не любил в силу их непредсказуемости. Мысленно Эдик корил себя за то, что поленился зайти в переговорный пункт, не поставил в известность

о своём приезде Дору, она-то знает после утреннего разговора, что Жбан потерялся, и как минимум на два-три дня он задерживается. Да, ещё утром Эдуард планировал дождаться друга, но после встречи с Грыней понял, что надежды на возвращение Жбана осталось мало. Он глотнул вина. Долго смотрел отрешённым взглядом в никуда.

Он вдруг явственно ощутил тепло Доры, её нежную, гладкую кожу, её прикосновение. Сердце сжалось, и томительная сладость разлилась, будоража молодое тело.

О дипломе, о делах институтских не думалось. Там всё было ясно, конкретно и понятно, как в простой математической задачке, имеющей только одно и уже известное решение.

III

Автобус на киевский автовокзал заползал медленно, неторопливо, вальяжно покачиваясь на неровностях. Остановившись, он громко фыркнул тормозами и заглох. Проснулся Эдик от наступившей тишины. Уже рассветало. Где-то в чаще парка слышались залиvistые голоса просыпавшихся птиц. К автобусу вразвалку, покручивая в руках ключами от машины, подошли таксисты, наперебой предлагая свои услуги, но Эдуард отказался от возможности подъехать к дому с комфортом. Он решил прогуляться пешком.

Мысли ворочались в ещё не разогретой голове медленно. Дора, конечно же, явилась легко, нежностью своею окутав Эдика, и он невольно ускорил шаг, отметив про себя, что практически не хромает, и что больной ноге в этой обуви удобно. И тут уже ему пришло на ум, что не зря он долго тренировался ходить плавно, без привыкшихся с детства подскоков. Он не хотел выделяться среди толпы. У него не должно быть внешних особенностей, могущих привлечь внимание. Его практический ум просчитывал пользу от такой слитности с массой. Не зря он заказывал ортопедическую обувь в Виннице, у лучшего, как ему рекомендовал Борис, мастера.

Вспомнилось, как, приехав на вторую примерку, Зиновий Ильич спросил без обиняков:

– Слушайте. Эдуард, вы могли бы мне достать монтану. Только натуральную. Я мог бы заказать Боре. Но он мне впарит жмеринскую или бердичевскую. Я его знаю. А вы серьёзный человек. Вам я верю.

– Монтану оригинальную достать можно, но она дорогая...

– Я у вас что, цену спрашиваю? – перебил Зиновий Ильич сердито.

Он вообще показался Эдуарду человеком сухим, хоть и ворчливым, немногословным. «Пройдитесь... повернитесь... сядьте сюда... дайте ногу... придёте через неделю». На вопрос «во сколько?», ответил раздражённо, глянув на часы:

– Через неделю: в следующую среду, в двенадцать.

Он даже демонстративно сунул под нос Эдуарду часы: стрелки как раз склеились в верхнем положении.

Потом, когда всё же монтана была доставлена, Зиновий Ильич вывернул джинсы наизнанку и долго под лупой рассматривал швы, потом также тщательно исследовал нашитый кожаный лоскут с логотипом.

– Сколько?

– Двести пятьдесят.

– Пятьдесят себе? – спросил он равнодушно и как-то обыденно.

Эдик помнит, как обдало его жаром, ибо мастер не ошибся. Лысый, но молодящийся человек достал деньги, будто уже припасённые, из-под клеёчатого передника и грязного подола некогда белого халата. В разжатой ладони лежало ровно двести пятьдесят рублей. Эдуард сразу смекнул, что эту сумму мастер заложит в свой шедевр ортопедического искусства. Так и случилось: цена ботинок, сшитых безупречно, куснула.

Теперь Эдику тот эпизод показался забавным. В кармане лежала тысяча рублей, заработанных в военторге, и те пятьдесят – показались мелочью. Эдик заметил, как шаг его замедлился. Он снова вернулся к разговору с Грыней. «Может, действительно, смотаться в Ялту?» – мелькнуло в голове. Он даже припомнил знакомого человека, живущего в Ялте. И тут же отказался от мысли воспользоваться его помощью. «Если поеду, то никто знать не должен».

Снова явилась Дора. Ей тоже не скажу. Нужно придумать версию. Он знал, что Дора собиралась в Одессу. Вот и хорошо. Он останется в Киеве под каким-то предлогом. Шаг его ускорился. А вот и знакомый двор. Эдик присел на скамейку, спрятавшуюся в кустах жёлтой акации. Он сорвал жёлтый цветок, поднёс к носу, вдохнул сладковатый аромат. Вдруг его взгляд остановился на «Волге» кофейного цвета, припаркованной у самого подъезда. Уж очень знакомой показалась ему эта машина. Он поднялся со скамейки, шагнул в сторону машины, чтобы рассмотреть номер. И тут его нутро обожгло кипятком, в висках шумно прокатилась штормовая волна. Это была машина Дато. Эдик потёр виски взмокшими ладонями. Как? Не может быть! Это случайное совпадение, – хотел он себя успокоить. Какое-то время он сидел не двигаясь. Потом он поднял глаза и увидел, как в окне его квартиры штора раздвинулась. Не могла Дора в шесть утра встать просто так для того, чтобы раздёрнуть штору. Он слишком хорошо её знал. Взгляд Эдика переместился на входную дверь. И, вот дверь резко отворилась, и Дато широким энергичным шагом подошёл к машине. Эдик нырнул в зелень куста. Перед тем как сесть в «Волгу», вышедший из подъезда мужчина посмотрел в то же окно, в которое минуту назад пялился Эдик, небрежно махнул рукой. Ему ответила Дора таким же коротким небрежным, и, как показалось Эдику, привычным взмахом.

IV

Куда несут ноги прибитого тяжёлыми обстоятельствами человека? Это есть неразгаданная тайна, ибо у каждого она своя. Ноги Эдуарда принесли в парк, где он долго сидел неподвижно, словно холодная безжизненная мумия, уставившись в туманную даль. Он не смог бы ответить на вопрос, сколько он так сидел. Он очнулся от озноба, от возникшей дрожи во всём теле, вызванной утренней прохладой.

Эдик вдруг вскочил на ноги и направился к студенческому общежитию. Привычно взбежав по ступенькам, он вошёл в коридор, направился в административную часть, отгороженную стеклянной дверью с надписью «Посторонним вход воспре-

щён». Из-за искомой двери со строгой табличкой «Комендант» доносился разговор на повышенных тонах. Вдруг дверь распахнулась, и оттуда выскочил молодой человек с красным и потным лицом.

Эдуард зашёл в прокуренный насквозь довольно просторный кабинет. Он ещё и рот не успел открыть, как Клара Карповна удивлённо воскликнула:

– Ты, что ли, Эдик!?

– Здравствуйте, Клара Карповна. Мне нужно, как бы сказать... – Эдуард замялся, несколько смутившись.

Клеопатра мгновенно с ног до головы пробежала взглядом по растерянному посетителю.

– Место нужно в общежитии? Что, прошла любовь? – грубо рубанула Клеопатра.

– Можно сказать и так...

– Не ты первый, не ты – последний. Есть у меня вариант. Комнатка освободилась. Одно поселю по старой дружбе. Ну рассказывай, – пробасила Клеопатра, прикурив папиросу, – если куришь, возьми, она подвинула пачку «Казбека» ближе к Эдику.

– Не курю.

– Хвалю и поддерживаю. Ничего, не переживай: помирись – помирись.

– Нет, – твёрдо сказал Эдик, – там всё кончено. Мне бы до конца... Диплом сдам, а там что-нибудь придумаю.

– Да не суетись ты, сколь нужно столь и живи, не жалко. Впереди лето, а к осени или падишах умрёт или осёл сдохнет, – и комендантша заржала лошадиным манером так громко, что Эдик даже опешил. И тут только уловил сладковатый запах недавно употреблённого элитного алкоголя.

– Коньячком балуетесь, – уже освоился Эдуард в знакомом кабинете.

– Будешь? – в упор спросила Клеопатра.

– Буду.

– Закрой дверь, а то шляются тут разные...

Эдуард повернул старинный запор на такой же допотопной двери, подошёл к окну. Отклонив тяжёлую штору, наполовину почти закрывавшую окно, посмотрел вправо, влево. На стоянке

одинокое стояла всё та же «Волга». «Да что же это за наваждение» – глухо произнёс он, стиснув кулаки.

– Шо ты там балакаешь? – развязно спросила, наблюдавшая за Эдиком комендантша, – ишь ты осторожничаешь. Да не бойся ты, тут лишние не шастают, – она подошла к окну с начатой бутылкой коньяку.

– Какая-то машина... Раньше я её тут не видел.

– Ой-ой-ой, не видел он. Это же этого бандюгана, Дато.

– Не знаю.

– Отстал ты, оказывается. Да он тут постоянно околачивается. У него тут любовь. Хотя какая у него может быть любовь. Козёл он, вот кто. С ментами снюхался. Они же меня и предупредили.

Эдик зачем-то отметил про себя, что хорошо, а даже может быть удобно стоит машина, вплотную прислонившись к густым кустам передним капотом. Комендантша налила коньяку в большие гранёные стаканы чуть не по полстакана, подвинула Эдику. Тот сделал шаг от окна к столу, взял стакан, глухо стукнул по протянутому Клеопатрой гранчаку, и выпил залпом.

– Видно совсем у тебя хреново, раз залпом такой коньяк хлещешь. Помягче нужно, – не водяра же. Не бери в голову, Эдик, может ещё склеится: молодые бранятся, только тешатся.

– Ничего не склеится. Не придумали ещё такого клея. Там – всё – бесповоротно и окончательно, – задумчиво закончил Эдик.

Он взял со стола конфету, развернул, сунул целиком в рот.

– Время покажет, – изрекла осторожно мудрая Клеопатра.

– Покажите мне мою комнату. Тоскливо мне просто до невозможности. Хочется просто побыть одному.

– Пойдём, Эдик. Понимаю тебя, ох, как понимаю.

Они вышли из кабинета.

Эдуард долго лежал на кровати и тщательно обдумывал созревший план. Днём его сморил сон, и он крепко и долго спал, а лишь проснувшись, вскочил и быстро вышел из общежития. Обошёл вокруг здания, очутившись во дворе, безошибочно вышел к автомобильной стоянке, на которой по-прежнему сиротливо уткнувшись капотом в кусты, стояла «Волга». Очевидно, хозяин машины прятал её в тени. Утром действительно густые кусты хоть наполовину, но всё же укрывали от солнца.

А уже в густых сумерках, стоя у самого угла здания, Эдуард наблюдал, как полыхает ненавистная машина; как бегают вокруг Дато, хватаясь за лысеющую голову; как с большим опозданием приехала, заглушая всю округу сиреной, пожарная машина; как поливая и так уже затухающее пламя, пожарники много и бестолково бегали вокруг догорающего железа.

V

– Доче, – а шо ты одна? – спросил Дору отец, когда она вышла из вагона.

– Эдика нет, он не звонит уже две недели, он исчез. Я боюсь, – вымолвила она дрожащими губами и заплакала.

– Шо, значит исчез? И чего боишься?

– Боюсь, что не вернётся?

– Что значит, не вернётся?

Она заплакала, громко всхлипывая.

– Ты что-то не договариваешь, или я чего-то не понимаю?

Дочь молча плакала, её плечи вздрагивали, она то и дело промокала глаза платочком.

– Бора, – садясь в машину, – сказал взволновано Изя, – может ты мне что-то знаешь? Эдуард исчез. Как исчез? Куда исчез? Это же не иголка на сене. Человек так просто не исчезает. И давно? Ты говоришь, две недели не звонил? – обратился он уже к дочери, сидевшей на заднем сидении.

– Да, папа, уже две недели не звонит...

– Это серьёзное заявление. Бора, ты потом никуда не уезжай, нам нужно поговорить.

– Я понимаю...

– Ты понимаешь... а я вот ничего не понимаю: Эдуард исчез, Дато исчез. Боятся на глазах показаться. Машина у него вспыхнула. Он мне всю работу сорвал. Шо-то много на маленьком пятачке шуму происходит. Это что, такая случайность, или тут какая-то собака зарыта? Я вас от этих случайностей отвикну! – Изя погрозил пальцем в сторону Бориса и Доры.

– Ты звонила, что он в Хмельницкий уехал, так он уже после Хмельницкого исчез?

– Он не приехал оттуда. Позвонил, что задержится...
 – Ну, не на две недели! К кому он там ездил?
 – Сказал к Жбану в военторг.
 – Кто такой Жбан? Причём тут военторг?
 – Товарищ его, он его позвал подменить на время в воен-
 торге.

– Фамилия имя отчество Жбана, – строго спросил Изя.
 – Жбан... может это фамилия, не знаю – Володя Жбан.
 – Шо ты, Бора за это скажешь?
 – Да, что тут сказать... В Хмельницком стоит кадрирован-
 ная часть. Прямо в центре города. Магазинчик этот, ну, военторг
 я знаю, заходил. Там Грыня одессит работает, но Жбана я не знаю.
 – Надо ехать, Бора, надо ехать в этот военторг.
 – Завтра...
 – Сёдня, Бора. Тут шо-то не так.
 – Сёдня, так сёдня.
 – А когда звонил тебе Эдик последний раз? – спросил Изя
 у Доры, задрав клочкастую бороду на плечо.

– Ровно две недели назад.
 – Так... и «Волга» у Дато сгорела тоже где-то две недели на-
 зад. Нет, я ни на шо не намекаю, но – факты...
 – Ты, Дора много молчишь, ты шо-то не договариваешь.
 Я тебя знаю. Я и Дато знаю...

Дора вдруг заревела.

– Ты меня не бери на слёзы. Я уже трошки пожил на этом
 свете, и могу кое-что предполагать. Молодой муж в трёх случаях
 не приходит домой: умер, ушёл к другой, и третий, – если жена,
 извините, сблядовала...

Изя повернулся, посмотрел в глаза дочери.

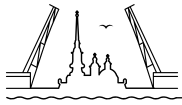
– Я, я н-нет... почему ты так смотришь? Ты, что подумал,
 папа?.. – испуганно спросила Дора, и лицо её вспыхнуло ярким
 румянцем.

– Ничего я не подумал. Не в том возрасте, чтобы думать...
 Я знаю. Выражение в глазах говорит больше, чем талмуд.

– Не надо в Хмельницкий. Нет там его, он – в Киеве, – повер-
 нулся Изя к Борису.

– Не надо, так не надо.

– Он уже не вернётся. Он такой человек.

– Да, Эдик человек серьёзный, – согласился Борис.

– Это – голова. Таких мало. Я имел его в виду на большое дело, – тихо, только для Бориса, сказал Изя.

– Завтра же – в Одессу, – повернулся он к Доре, – будешь жить в нашей квартире.

– Ты так говоришь, как будто навсегда...

– Да, доче – в Одессу навсегда! – перебил Дору отец.

– Папа, я хочу в Киеве-е-е-е! Что там делать в этой дыре, в этой Одессе? – заревела Дора.

– Это Одесса дыра? Знаешь, шо? Не имей на меня такую дерзость! Вытри эти слёзы из крокодила. Маме будешь реветь, в её тряпочку. Одесса уже для неё дыра! Ты мне за Одессу не смей так говорить! – разнервничался Изя. Его глаза увлажнились, и он промокнул платочком тощую слезу.

«Москвич», скрипнув коротко тормозами, остановился у калитки. Изя ещё только подъезжая к своему дому, заметил несколько человек, толпящихся возле погребка с надписью «Керосин».

– Иди домой, доче, расскажи маме. Всё расскажи! А у меня – работа, люди ждут.

Дора вышла из машины, открыла калитку, навстречу уже выкатилась её мама, всплеснув руками, что-то произнесла, обняла дочь, но в машине их не было слышно.

– Бора, ты мне из-под земли достань этого Дато, и пусть немедленно едет за товаром. Он знает, куда и сколько. Да и ты тоже знаешь. И пусть я не слышу эти глупые намёки, что машины нет, что она у него вспыхнула. Мне это не интересно слушать. Не нужно нервировать мою седую голову. Пусть на такси едет, сам пусть платит, но к сроку, чтобы товар был на месте! Там ждут серьёзные люди. Это первое, а вот и второе: он так в Ялту рвался...

– Ну да, пока Патрик сидел, он там с Бакланом замутил. Я так понял, что там, что-то серьёзное наклюнулось. Ялта – дело перспективное.

– Так пусть едет, пусть раскручивает с Бакланом... Пусть договаривается.

– А Патрик?

– Ну, сам заварил кашу-малашу, пусть сам и расхлёбывает. Я шо ли заставлял его кидать Патрика? Пусть встречается, пусть заглаживает. Мне Патрику кое-что передать нужно.

– Круто, ты, дядюшка, завернул. Прямо в пасть тигру толкаешь...

– А шо мне делать, Бора? Мне нужно, чтобы хоть месяц этот придурок был занят делом, чтобы... не видеть его морды паскудной... хоть месяц.

– А лучше никогда не видеть?

– Да, таки лучше было бы так, но то уже не наше дело, я на него руки пачкать не буду. Ну, я пошёл, люди ждут.

Изя вышел из машины, громко хлопнул дверкой и, не оборачиваясь, как человек, принявший окончательное решение, направился к погребку, перебирая в руках связку ключей.

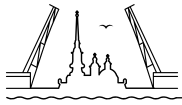
VI

Получив свободный красный диплом, Эдуард не спешил устраиваться на какое-либо предприятие электроприборов, чтобы потом каждое утро бежать на работу в проектное бюро, к примеру, или непосредственно в цех по изготовлению этих самых приборов, чтобы, протолкавшись там целый день к вечеру возвращаться в свою комнату в общежитии. Ему не глянулась такая перспектива ещё на практике. Работа от звонка и до звонка за сотню-полторы рубликов не прельщала молодого специалиста.

– На электромеханический пойдёшь? – спросила как-то Клеопатра, зазвав Эдика в свой кабинет.

– Никуда не хочу устраиваться, и на электромеханический тоже, – ответил Эдик, – зачем вызывали? – спросил он, таким образом как бы закруглил тему устройства на завод.

При каждой встрече с комендантшей молодой человек испытывал непонятное чувство не то тревоги, не то опасения, что вдруг Клеопатра направит разговор к сгоревшей внезапно машине Дато. И он не мог предугадать степень своей наигранности в ответе, ибо пришлось бы играть хладнокровие. Более всего он боялся, что вдруг вспыхнет лицом, как иногда случалось в минуты отвратительных непредвиденностей, когда терялся, когда приходилось лгать. Но Клара Карповна никогда даже словом не обмолвилась, что свидетельствовало по понятиям Эдуарда или о крайней деликатности Клеопатры, в чём она не была замечена, или – неорди-

нарной мудрости. Он понимал, что мудрая Клеопатра давно уже связала все ниточки, и, конечно догадывалась.

– Смотри, доиграешься: за тунейдство привлекут, – Клеопатра прикурила папиросу, – как пить дать привлекут, счас начнут интересоваться. Не ухмыляйся, – заметив улыбку молодого специалиста, ответила она спокойно, – оно тебе надо? – пробасила вопрос комендантша после долгой затыжки.

– Не надо, – согласился Эдик, – а что вы предлагаете? Не просто так же вызвали.

– Не просто так. Если за неделю ты свои семейные дела не уладил, то, думаю дело там – швах. И это надолго

– Навсегда, – перебил Клеопатру Эдик.

– Тем более. Мне хороший электрик позарез нужен – это, во-первых. А во-вторых, я тебя держать в общаге до бесконечности не могу, а вот, как сотрудника – хоть до скончания века!

– А я даже две минуты думать не буду. Я согласен. Но у меня тоже будет условие...

– Да знаю я твоё условие, – перебила Клеопатра грубовато, – мне тут отсиживать часы не нужно. Мне нужно проводку кое-где поменять, мне нужно, чтобы электричество в общаге было в порядке. Когда ты это будешь делать, меня не интересует. Мне важен конечный результат: электричество в общаге должно быть в полном порядке. Понимаешь?

– Да как не понять. Меня устраивает такая работа. Кстати работа по специальности.

– Только ставка у меня не ахти какая – сто двадцать рублей.

– А меня деньги не интересуют. Будет свободное время – заработаю. Вы же благодетельница моя, вы – просто кудесница, волшебница, вы... – Эдик подошёл к комендантше, взял за плечи, пытаясь приобнять.

– Ой, ой, ой! Не надо этого пижонства, Эдик, соблюдай субординацию, – снисходительно-шутливым тоном перебила своего будущего сотрудника Клеопатра, отпрянув, – ну, тогда по рукам? – голос её стал твёрдым и решительным. Клара Карповна протянула свою не по-женски крупную ладонь, по-мужски пожала крепко. Она привычно извлекла из тумбочки письменного стола недопитую бутылку коньяку, налила в стаканы.

– Ну, давай, электрик мой, поднимем бокалы. Работы по-первости будет много. Думаю, сработаемся.

– Сработаемся. Я не подведу.

– Ну, так пиши заявление, – сипло после выпитого алкоголя сказала Клара Карповна. Она подвинула Эдуарду чистый лист бумаги и ручку, – завтра на работу. Раскачиваться некогда, я уже сказала – работы много. Кстати, у тебя будет своя каптёрка и склад в подвале. Васька там обустроил всё: и диван и холодильник... Вот только зря он пить стал, баб водить... Терпеть не могу пьянства на работе. И не надо лыбиться. На время посмотри: рабочий день уже закончился. Видишь, – комендантша сунула под нос Эдику часы. Они показывали семнадцать тридцать, – пей, давай – тару задерживаешь, а раньше за задержку тары расстреливали, – комендантша хохотнула

Эдик отодвинул написанное заявление, поднял стакан с недопитым золотистым напитком.

В комнату коротко трёхударно постучались. Эдуард это отметил. Клеопатра замерла, вперив строгий взгляд в дверь. Прозвучало такое же трио.

– Это Машка, – Клара Карповна открыла дверь. В проёме возникла молодая женщина с длинными волнистыми каштановыми волосами. Сразу бросилась в глаза схожесть с Клеопатрой. Такие же крупные черты лица, только более сглаженные, более женственные. И крупный закруглённый нос с выемкой у ноздрей, и большие синие глаза, и даже крупноватый подбородок, несколько всё же лишённый той угловатости, которая придавала лицу Клеопатры мужской суровости, делали лицо Машки выразительным и даже симпатичным.

– Познакомься, – Клеопатра повела рукой от Эдуарда к Машке, – это моя дочь. Кстати, окончила наш институт. Работает парикмахершей. В Доме Услуг. Весь Киев у неё обслуживается. Самые элегантные дамы Киева...

– Эдуард, Эдик... – подал руку вновь испечённый электрик.

– Мария, Маша, – звонко произнесла вошедшая дочь Клеопатры, улыбнувшись.

– У неё тоже в личных делах не клеится...

– Ну, мама! – перебила Маша.

– Что мама, что мама! – пробасила недовольно Клеопатра.

– Клара Карповна, что ж вы так...
– А потому, что мать слушать нужно...
– Полноте, Клара Карповна, полноте, – наигранно и как-то артистично продекламировал Эдуард. И Маша это оценила, она благодарно посмотрела на него.

– Ты долго... – хотела спросить Маша.
– Я готова, мы уже всё порешали, да, Эдуард Андреевич? Так, что сей момент.

Клеопатра ловко смела крошки со стола, быстро спрятала стаканы и недопитую бутылку в стол. Выходя из кабинета, Эдик и Маша столкнулись в дверном проёме. Возникла неловкость, но Эдуард элегантно потеснился, как бы вытянувшись в струнку и, прижавшись к косяку, пропустил даму вперёд, не забыв при этом окинуть взглядом точёную фигуру молодой женщины со спины.

Уже лёжа в своей комнатке на широкой двуспальной кровати и, уставившись в высокий потолок с одинокой дешёвой люстрой, Эдуард удивлялся тому, что сложилось всё, как нельзя лучше: он обрёл работу, и таким образом вливался в армию трудящихся, а с другой стороны – свободный график позволял ему вести тот образ жизни, который уже сложился за годы учёбы. В несколько туманном сознании возникла добродушная улыбка, приветливый взгляд Маши, сменившийся натянутой усмешкой, подчёркнутой неодобрительным кивком подбородка в тот момент, когда Клеопатра убирала стаканы, прятала бутылку и смахивала со стола крошки. «А Маша хороша наша», – срифмовал он, уходя в глубокий сон. Он уже знал, что обязательно разыщет Марию и пригласит на первое свидание.

Новый переносной радиоприёмник – радиола «ВЭФ», расположившийся на полу у свисающей плетью руки, тихо шурша и побулькивая радиоволнами, не чисто напевал какую-то меланхоличную мелодию.

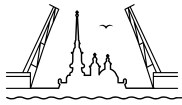
VII

Страшась изоблечить свою хромоту, Эдик подходил к Марии медленно, пытаясь ставить больную ногу без обычного акцента. Мария стояла под раскидистым каштаном, развернувшись

полубоком. Она будто не замечала Эдика. Но то было не что иное, как невольное воплощение кротости и достоинства, не позволявшее рассматривать приближающегося мужчину прямо, открыто, заинтересованным взглядом. Она какой-то глубокой женской интуицией почувствовала, что Эдуард рассматривает её. Она боковым зрением заметила, что в руке, приближающийся мужчина держит цветок. И вот она вдруг поднимает на него глаза. Он широко улыбается, протягивает пылающую огнём розу. Такого чувства глубокого потрясения, внутреннего взрыва радости она не испытывала никогда. Случилось это так естественно и просто, что она не отпрянула, когда Эдуард обнял её тепло, коснулся губами щеки. Сначала ей показалось это чрезмерным и даже неуместным на первом свидании, а ещё более того в первую минуту его, но вдруг вспыхнувшее чувство протеста улетучилось легко, как облачко в летний погожий день.

Эдуард и сам не ожидал от себя такой смелости, но, пытаясь преодолеть чувство смущённости и даже робости, которое раньше он не испытывал, приобнял Машу. Ведь в отношениях с Дорой он имел как бы априори может неочевидное, но всё же то маленькое преимущество, которое зародилось ещё в школьные годы – это безупречное знание математики, которое так ценилось не только Дорой, но и всю семью.

Они заняли столик у самого окна на веранде кафешки, примостившейся в тени исполинских каштанов. Первоначальное чувство сконфуженности и некоторой неловкости улетучилось, и Мария смотрела на мужчину, сидевшего напротив если не влюблёнными, то уж точно благодарными глазами. После своего скандального развода постоянно вспоминалась эта кошмарная и суматошная история её неудачного брака. Бывший муж, возмнивший себя чуть ли не вершителем судеб, почти каждодневно напивавшийся до утраты человеческого облика, устраивал скандалы, обвиняя всех вокруг, всё человечество в невежественности, некомпетентности, и, в конце концов – славословил корыстолюбие, как совершенно естественное для любого умного человека свойство, позволявшее индивидууму вознестись над «честными меланхоликами». Он возводил в ранг боголюдей – особей с плутоватыми махинаторскими наклонностями, а честных людей обзывал людьми с ограниченными умственными способностями,

чистоплюями-меланхоликами. Эта его теория, высказанная тысячи раз в состоянии полного неадеквата, раздражала не только Марию, но и отца и маму, и всех, кто вынужден был выслушивать этот нездоровый бред. Но, главное – это, просто невыносимые сцены ревности. «Патологическая ревность на фоне хронического алкоголизма», – такой вердикт выдал знакомый отцу доктор. На вопрос, что делать, доктор без заминки уверенно произнёс: «Тикать! И чем быстрее, тем лучше. Немедленно! Это не лечится. Такие люди опасны».

Мария пристально вглядывалась в лицо Эдика, пока тот задумчиво рассматривал меню. «А вдруг и он?» В душе похолодело от этой мысли. Вдруг Эдуард встретился глазами с Марией и улыбнулся чистой и открытой улыбкой. «Нет, нет он не такой».

– Что будешь, Машенька? – спросил Эдуард почти по-деловому.

– Кофе, а потом мороженное. Да, и сок апельсиновый пусть сразу подадут, – ответила она тоже кратко и конкретно, что Эдуарду понравилось: он любил точность, конкретность и предсказуемость.

Ей пришлось по душе обращение «Машенька». Так к ней обращался обычно отец. Мама частенько звала её грубовато Машкой, что вызывало внутренний протест, но она никогда не жаловалась, понимая, что мама так кличет, конечно же, любя.

Она не испытывала перед Эдиком никакого страха от того, что могут открыться какие-то постыдные страницы прошлого. Их – этих страниц просто-напросто не было в её судьбе. Бывший муж? Так это он такой, а не она. Она не может быть в ответе за неродного человека. Не она же воспитала его таким безумцем. Но и открываться перед Эдиком сейчас она считала преждевременным. Придёт время...

Эдуард тоже не испытывал никакого желание ворошить страницы своей короткой семейной жизни сегодня, разумно полагая, что для этого будет более подходящее время.

Поэтому разговор само собой нашёл свое русло, а вывело это русло на морскую тему. Эдуард оговорился, что возможно поедет этим летом в Ялту, что раньше никогда не бывал на море. А Мария тут же подхватила тему, и поведала своему собеседнику, что Ялта – это любимый город не только её, но и мамы и папы.

Оказалось, что в Ялте живёт её дядя Кирилл Карпович – брат мамы – они близняшки. Конечно же каждое лето она с родителями отдыхала в Крыму, конечно же она обожает своего дядюшку, набережную Ялты с её пальмами и чудными кафешками, мороженым, и тёплым морем.

И вот, когда уже расплатились по счёту, а оплатил счёт, естественно Эдик. Он не дал ей возможности проявить хоть какую-то инициативу, обставив так элегантно, что Мария ничего не заметила. Она смотрела на Эдика, подбирая слова для прощальной сцены, когда его рука легла на её руку мягко, и это совсем не смутило её, не смешало, а наоборот разлилось благодарным теплом в груди. Она не одёрнула руку.

– Маша, выходи за меня замуж, – сказал он просто, и получилось это так же естественно и легко, будто продолжился разговор на тему отдыха на море.

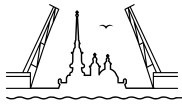
Предложение было сделано с одной стороны искренне, от сердца, а с другой стороны, в некотором роде – неожиданно, и прозвучало как-то уж совсем по-деловому. Так показалось Марии. Она, озадаченная и несколько сконфуженная, поставлена была в такое положение, когда слишком быстрый ответ мог быть воспринят, как легкомысленность в столь деликатном вопросе, а с другой стороны, нельзя было оставлять своего визави без надежды. Чтобы разрядить обстановку, она, взяв паузу, произнесла тихо, но уверенно.

– Предложение интересное. А знаешь, Эдик, я обязуюсь это предложение рассмотреть самым внимательным образом. Есть над чем подумать, – хотя ответ её был подан в несколько шутовском тоне, было понятно, что этот тон был продиктован самим Эдиком. И он это уловил, улыбнулся

– А что тут думать? – искренне спросил он.

– А ты полагаешь, что это такое простое банальное предложение, над которым не стоит даже подумать? – тон оставался игривым, что не давало повода к подозрению на хоть малейшую неблагоприятность или небрежность.

Он всё понимал: и душевное состояние Марии, и неожиданность предложения в первое свидание, но всё же хотелось конкретики.

– Извини, Машенька, может, тебе показалось моё предложение слишком поспешным или легкомысленным, но я совершенно искренне...

– Нет, нет, – перебила его Маша, – я не могу уличить тебя в неискренности или легкомыслии, я же чувствую, что ты от всего сердца... женщины чувствуют... но это неожиданно. Понимаешь? Это очень неожиданно. Я даже не знаю, как себя вести, – она опустила увлажнившиеся глаза.

– Ещё раз прости меня, – Эдуард двумя руками держал руку Маши, – давай договоримся: ты подумай, я подумаю, хотя мною решение уже принято, и через неделю встречаемся здесь же в такое же время, – продолжил Эдик.

– А ты настойчив. Мне это нравится. Только вот эта деловитость... в таком деликатном вопросе... Может, сначала о любви...

– Машенька, – перебил её Эдик, – любовь уже зарождается... нет, нет, я не то – она уже возникла, во всяком случае, в моём сердце. Притом сразу, в первую же встречу... в кабинете... Я не знаю как ты, а я...

– Ничего больше не говори... Выходит, что ты уже почти влюблён, – Маша посмотрела на Эдика, кокетливо наклонив голову, – ну что ж, я тоже почти... Вот мы и квиты. Ну что ж, через неделю? Хорошо.

– Давай раньше... Мне будет сложно вытерпеть целую неделю, – Эдуард посмотрел в глаза Марии.

– Нет уж – терпи! – засмеялась она.

Он помог ей встать из-за стола, обнял, поцеловал в щеку.

«Молодец, Эдик, целоваться в губы в первое свидание – это моветон» – подумала Мария, широко улыбнулась и прильнула к Эдику, обняв тепло, как обнимают самых близких.

Эдуард несколько смутился, и произнёс то, что пришло на ум:

– Прости, если я был в чём-то груб или неучтив, а, может, как ты сказала, слишком деловит. Это не от отсутствия чувства, право, я испытываю к тебе самые тёплые чувства. Но я так устроен, я – математик, я больше физик, чем лирик. Я надеюсь, что у нас всё впереди, Машенька, и я смогу сделать нашу жизнь счастливой.

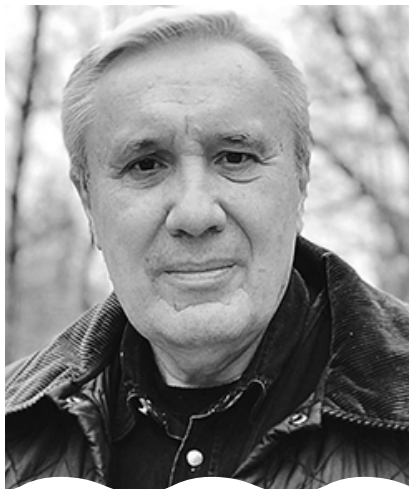
– Дай-то Бог!

Мария позволила Эдуарду проводить её только до ближайшего метро. Она, уже сидя в вагоне, почти не замечая суеты во-

круг, мысленно возвращалась к встрече с этим мужчиной, так внезапно врывавшимся в её жизнь. Ей нравился этот блондин с растопыренными ушами, которые его не безобразили, а наоборот придавали какого-то шарма. Люди с большими ушами долго живут, почему-то пришла на ум эта кем-то случайно обронённая мысль. Ничего не слышала она о том, а могут ли люди с большими ушами сделать жизнь своей половинки счастливой. Она даже улыбнулась такому легкомысленному вопросу. Настораживала только неприкрытая, временами кажущаяся напористой деловитость. Его признание в том, что это продиктовано таким складом ума, в какой-то мере объясняло рациональность в его поведении, но глубоко в душе Мария боялась другого, а может это банальная расчётливость, зиждущаяся на корысти. Но тут же она будто ощутила вновь его тёплое объятие, его руку на своей руке, и сомнения развеялись, как сигаретный дым в ветреную погоду.

А Эдик, проводив Марию к ближайшему метро, вернулся в кафе, в котором ещё витало невидимое облачко блаженства и благодати, подаренной молодому человеку благосклонной судьбой, устроившей сегодня это чудное свидание с чудесной женщиной. Именно так думал Эдик, ожидая заказанный коньяк. Да, припомнился Эдуарду тот осуждающий взгляд Марии, когда её мать убирала стаканы со стола. Бывает иногда так, что такого, казалось бы, еле уловимого скользкого взгляда довольно для того, чтобы сделать достаточно определённые выводы. Вот именно поэтому Эдуард не стал заказывать при Марии даже шампанского. А теперь переполняемое чувство благодарности к судьбе, укладывалось в его мозгу, привыкшему к конкретности и математическому расчёту совершенно незнакомыми формулами. Коньяк, словно магический катализатор, подсоблял укладывать эти формулы в достаточно определённые и предсказуемые ряды. Будущее выстраивалось само собой, притом так зримо, ярко и благоприятно, что доходило чуть не до восторженности. Эдик, потягивая коньяк улыбался, погружаясь всё глубже и глубже в свои сладкие грёзы, в которых конечно же хватило места не только Маше, но и теще – Кларе Карповне, и тестю – Михаилу Осиповичу, о котором Мария вкратце успела поведать Эдику, и любимому Машей дяде, живущему в тёплой Ялте.

Продолжение следует

ПОЭЗИЯ

Андрей **ШАЦКОВ***

НАД РУСЬЮ ОСЕНЬ

Любимая, в твоих родных глазах
Я вновь обрёл всё то, что знал дотолё:
Широкое нетоптанное поле,
Кресты церквушек, стены в образах
И сенокос, что в росах, как в слезах,
И ветер, что свистит о славной доле.

Так что ещё сказать тебе одной?
Какие прошептать с любовью сказки?
О том, как ярче вспыхивают краски
Осенних рощ под алою луной.
Но кони ржут за сизой пленой.
И закружились сабли в дикой пляске.

* Шацков, Андрей Владиславович родился в 1952 году в Москве. Автор пятнадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ и многих литературных премий. Главный редактор альманаха «День поэзии — XXI век». Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры. Проживает в Москве и в Рузе.

Земля была распластана щитом,
 А рыжий лес звенел листвы кольчугой,
 И князь, прощаясь с верною подругой,
 В броне застыв на берегу крутом,
 Всё забывал и помнил лишь о том:
 Костёр любви горит под листьев
 вьюгой.

Была ладонь шершава и груба,
 Когда её девичьи руки жали.
 Лишь жемчугами две слезы дрожали.
 А князь шептал: «Прощай, моя судьба!
 Упершись в небо, голосит труба,
 И в бой зовут веков былых скрижали».

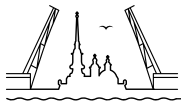
ВРЕМЯ ВЫШЛО

Время – вышло. Хлопнув дверью, вышло,
 На пороге пальцем помяня.
 Грустью глаз нижегородских – вишня,
 Проводи в далёкий путь меня.

Ты прости, прощай – грядут морозы.
 Вороньём на Русь слетелась мгла...
 Далёки июньские стрекозы.
 Яуза от стужи замерла.

Всё в былом, и ничего не надо?
 Память половицей не скрипит?
 Низкая железная ограда.
 В ожиданье сына мама спит.

А в стране, что залегла по пояс
 В зимние, холодные снега,
 Ты живи, ничем не беспокоясь.
 Лишь живи – и вся тут недолга!

* * *

В тугую воронку пространство заверчено.
Опять колобродят февральские снега.
Ты спишь до весны, улыбаясь доверчиво.
Так спят подо льдом величавые реки.

Наверное, ты не была недотрогой,
Но смотришь в глаза горделиво и прямо...
В окне семенит тишина над дорогою.
И холод сочится в скрипучую раму.

С небесною тайной случайно повенчаны,
Не веря, что встреча – начало разлуки.
Поэты приходят на Сретенье – к женщине –
И тянут к теплу онемевшие руки.

А то, что пребудет за позднею встречей,
Библейские притчи укроют туманом...
И каждый судьбы своей станет Предтечею,
В душе оставаясь обычным Иваном!

И вешней истомы сумятица нервная
Срывается первой капелью со стрёхи...
Поэты вернутся к любимым на Вербное,
Когда ото сна просыпаются реки!

О ВЕЧНОСТИ

А вечность течёт и уходит в песок –
Прибрежный песок камышовой протоки.
И с устьем сольётся далёкий исток
Той жизни, чей Богом отмеренный срок,
Позволил родить эти грустные строки.
Они загорчат у тебя на губах,
Когда их прочесть попытаешься тихо.
Они – упорхнут перепёлкой в хлебах,

Узорами лягут на ворот рубах,
 Их осенью в землю стряхнёт облепиха.
 Бог милостив, ты не приходишь во сны.
 И имя твоё перестало «святиться».
 Лишь память осталась от давней весны,
 И держит на кончике острой блесны,
 Как щуку, что вышла из льдов –
 нереститься.

Кончается путь, и кончается лес.
 Гудит электричка у края погоста*.
 И ангелы машут призывно с небес.
 Из горней обители райских чудес.
 А может быть, это почудилось просто.
 И сын возвращается вечной зимой,
 Полночную дверь, открывая без стука.
 Мы были когда-то единой семьёй,
 Теперь он кружит горюном над землёй
 И плачет слезой нерождённого внука!

* * *

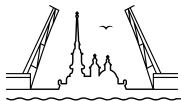
Бродит волчицею серою
 Оттепель –
 в ночь, за окном...
 В чём твоя вера? –
 Не верую
 В мать, уснувшую сном
 Вечным,
 среди мая цветения,
 После недели Страстной.
 Ждать ли твоё воскресение?
 Будешь ли снова со мной?
 Звёзд слюдяное сияние
 Тает на снежной меже...
 Как обрести покаяние,

* Ваганьковское кладбище, своей тыльной стороной выходит к Белорусской ж.д. у станции «Беговая».

Бревенчатых изб намело...
 И снова смыкаются годы,
 Как створки ворот за спиной...
 Выходишь – иные погоды,
 И ветер, и воздух иной.
 Тому миновало полвека...
 Но только опять и опять
 В озябшей душе человека
 С поленьями сани скрипят.
 И бабушка крестится снова,
 Встречая под вечер обоз –
 Предтечу Спасенья печного
 В рождественский лютый мороз!

* * *

Где коршуны размером с журавля,
 А журавли – крылатей серафимов:
 Гранит и хвоя, севера земля.
 Да три столба подпоркой небу – дымов.
 А до Чудского будет сорок вёрст.
 До заповедной Луги – двадцать с гаком.
 И на юру кладбищенский погост
 Трёхперстьем храма, запечатан знаком...
 Пока гудит Россия, как вокзал,
 И брань на шее виснет, как верига,
 Я эту землю в узелок связал
 И крест не бросил в реку, как расстрига.
 Чтоб не разбилась лодка бытия,
 Чтоб не прервалась связь отца и сына,
 Родной стезёй, по грани остря,
 Вернись в края, где мира сердцевина.
 Где по минутам слажен день да век
 И нет конца утиному угодию...
 И поплывёт деревня, как ковчег,
 По хлынувшему ливнем половодью!

МАРТ

Брызжет даль белизною и паром.
Свежий воздух пьянит, как первач.
По поляне блестящим гусаром
Проскакал одуревший косач.
Громким писком шальные синицы
Нас приветствуют в чащах сосны.
Мы на лыжах стоим – у границы.
У границы зимы и весны!
И в капельном, разбуженном шуме
В синеве высоко-высоко
Облаков боевые ушкуи
Мчат под звонкие гусли Садко...
Незабвенные детские были.
Заповедного счастья миры...
Что ж вы голову так забелили,
Сорок зазимков, с этой поры?
Где вы, тонкие пальчики – спички,
Растопившие лёд без следа?..
Но несутся, звеня, электрички
В те родные места и года:
Где жилось с ощущеньем азарта,
Где дышалось легко на бегу
В первых днях долгожданного марта,
По последней лыжне на снегу!

КРИТИКА

Александр
БЕЗЗУБЦЕВ-КОНДАКОВ*

ИГРА ХОДАСЕВИЧА

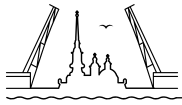
Эссе

Игру нельзя отрицать. Можно отрицать почти все абстрактные понятия: право, красоту, истину, добро, дух, Бога. Можно отрицать серьёзность. Игру – нельзя.

Й. Хейзинга. Homo ludens

В переписке Владислава Ходасевича с писателем Б. Садовским можно найти след одного неосуществлённого поэтом замысла: «Затеял я нечто... – весьма меланхолично писал Ходасевич, – оно может принести... печальную славу черносотенца, вроде Вашей. Сообщу Вам по секрету тему: принц Гамлет и император Павел. Я о Павле читал порядочно, и он меня привлекает очень. О нём психологически наврано... Потомки произвели его в идиоты и из-

* Беззубцев-Кондаков, Александр Евгеньевич (1980–2014) – прозаик, критик, литературовед, историк, редактор. Член Союза писателей России, секретарь Правления. Общественный деятель. Автор 13 книг прозы, в том числе романа, публицистики.

верги». Ходасевич был увлечён исторической темой, но чем больше он размышлял о будущем произведении, тем дальше уходил от «гамлетизма», он стремился теперь к отдельной книге о Павле, уже не в связи с его сходством с Гамлетом. Поэт признавался, что увидел императора Павла столь нетрадиционно, что за сие сочинение «историки меня съедят». Грандиозность плана покоряла воображение. Уже был готов план будущей книги. А Ходасевич... прервал работу на полуслове и более не возвращался к ней. Конечно, охлаждение к историческому труду объясняется не страхом приобрести «печальную славу черносотенца», о которой говорил Ходасевич в письме Садовскому, тут есть иные причины. Имея обширные познания в эпохе Павла, Ходасевич, безусловно, мог написать что-нибудь историко-биографическое, если уж ни от вдохновения, то хотя бы для денег, в них-то у него была большая нужда. Но ему легче было вовсе расстаться с мечтой своей, чем написать хотя бы строчку без душевного горения и творческого восторга – даже если речь шла не о поэзии, а об историческом сочинении. Но вопрос о том, почему труд остался незаконченным, перетекает в другой, ещё более значительный – это вопрос об отношении поэта Ходасевича к прозе. Вот свидетельство редактора «Современных записок» Марка Вишняка: «Начав в «великой тайне» от всех писать «нечто прозаическое», он кончил тем, что уничтожил написанное». Манила и привлекала Ходасевича проза, но, едва начав, едва прикоснувшись, в каком-то суеверном и почти мистическом страхе оставлял написанное, а то и уничтожал рукописи. Ходасевич столько сил отдал исследованию жизни императора Павла, стал прекрасно ориентироваться в его эпохе, накопил материал, но охладил к своей работе... Он, написав несколько умных, точных статей о Пушкине, стремился создать биографию поэта, предварительная подписка на которую уже была объявлена, – но так и ни начал эту ожидаемую многими книгу.

Не станем сейчас останавливаться на доказательстве того, что Владислав Ходасевич состоялся-таки как прозаик – об этом можно судить со всей определённой, прочтя его мемуарные очерки, в которых столько остроумия, образности, метафоричности и лаконизма.

Незадолго до смерти Ходасевич рассказал о своей готовности написать для «Современных записок» статью «Игроки в ли-

тературе и в жизни»... Но и это сочинение осталось ненаписанным! А между тем, есть все основания утверждать, что материал для статьи об игроках накапливался в сознании поэта не один год, он много думал о своей будущей статье, да и сама жизнь постоянно подбрасывала ему новые наблюдения и размышления, связанные с игрой.

Нидерландский философ, историк и теоретик культуры Йохан Хёйзинга в книге «Homo ludens» рассмотрел историю поэзии как одно из проявлений игровой деятельности человека, поскольку поэзия всегда «стоит по ту сторону серьёзного – у первоисточков, к которым так близки дети, животные, дикари и ясновидцы» [Хёйзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 139.] Поэтому, именно поэту, стоящему «по ту сторону серьёзного», должна быть понятна сущность игры как явления, предшествовавшего человеческому разуму, культуре и цивилизации, ведь, как отмечал Хёйзинга «игра старше культуры». [Там же. С. 10]. Поэт – он всегда в одном лице: и ребёнок, и ясновидец, и дикарь, из века в век продолжающий жить в архаическом мире неразгаданных символов.

* * *

Владислав Ходасевич был страстный игрок. Это обстоятельство следует учитывать не только его биографам, но и исследователям его поэтического наследия. Можно лишь сожалеть, что Ходасевич так и не создал обещанную статью об игроках в русской литературе. «Некогда, – писал Ходасевич в статье, посвящённой московскому литературно-художественному кружку, – страсть к игре владела многими русскими писателями, в том числе не только выдающимися, но и великими. Достаточно вспомнить Пушкина, Достоевского, Толстого, Державина, Некрасова. Последние два в известные периоды своей жизни были даже профессиональными игроками. Наружной полиции Пушкин знаком был именно в качестве «известного банкомета»...К моему времени эта традиция прервалась». Между тем обращение к мистике игры стало частным в творчестве Ходасевича. Даже если бегло просмотреть его мемуарные и литературно-критические работы, нельзя не заметить, что склонность или же несклонность к азартным играм

того или иного писателя, поэта помогают Ходасевичу лучше раскрыть его характер. Игра – это своего рода «лакмусовая бумага», которая выявляет некоторые особые черты личности. Вот ряд примеров.

Ходасевич о Державине: «Карты занимали Державина сильно... Сперва играл робко и понемногу, но потом, разумеется, втянулся. Новичкам обычно везёт, но с Державиным случилось иначе. С каждой игрой дела его становились трудней, но был он упрям, горяч и не знал поговорок: играй, да не отыгрывайся».

Ходасевич о Брюсове: «В азартные игры Брюсов играл очень... не то чтобы робко, но тупо, бедно, обнаруживая отсутствие фантазии, неумение угадывать, нечуткость к тому иррациональному элементу, которым игрок в азартные игры должен научиться управлять... Перед духами игры Брюсов пасовал. Её мистика была ему недоступна, как всякая мистика. В его игре не было вдохновения. Он всегда проигрывал и сердился, – ни за проигрыш денег, а именно за то, что ходил, как в лесу, там, где другие что-то умели видеть».

Ходасевич о Горьком: «...происходило, собственно, шлёпанье картами, потому что об игре Горький не имел и не мог иметь никакого понятия: он был начисто лишён комбинаторских способностей и карточной памяти. Беря или чаще отдавая тринадцатую взятку, он иногда угрюмо и робко спрашивал: «Позвольте, а что были козыри?»»

И, наконец, Ходасевич о самом себе:

Я с Музою не игрывал уж год,
С колодою рука дружней, чем с лирой...

И:

Играю в карты, пью вино,
С людьми живу – и лба не хмурю...

Удивительные наблюдения! То, что другому могло бы показаться незначительным, для Ходасевича становится принципиально важным, характерным в изображении Державина, Брюсова и Горького. Какой исследователь-биограф, даже из числа самых до-

тошных, задался бы целью описать и объяснить отношение Максима Горького к картам – так, как сделал это Ходасевич, проживший с Горьким несколько месяцев на вилле в Сорренто и имевший возможность наблюдать писателя в домашней, раскрепощённой обстановке?.. Ходасевич придал портрету Горького неожиданные и живые черты. Он имел все основания утверждать, что «за картами люди познаются очень хорошо, во всяком случае, не хуже, чем по почерку. Самая манера вести игру, даже сдавать, брать карты со стола, весь стиль игры – всё это искущённому взгляду говорит очень многое о партнёре». Ходасевич, несомненно, являлся обладателем такого «искущённого взгляда».

В мемуарном очерке о московском литературно-художественном кружке Ходасевич также останавливается на теме игры. Бегло упомянут здесь Михаил Арцыбашев, автор скандального «Санина», – играющий в бильярд. Из повествования Ходасевича следует, что игорная деятельность оставалась преобладающей в жизни кружка. «Как ни было это конфузно, – рассказывает Ходасевич, – Кружок жил и мог жить только картами... После половины второго ночи за пребывание в игорной зале взимался прогрессивный налог, так называемый «штраф», начинавшийся с тридцати копеек и к пяти часам утра достигавший тридцати с чем-то рублей с персоны. Штрафами Кружок существовал и даже богател».

Именно страстью к игре, наверное, объясняется один факт биографии поэта, относящийся к 1936 году. На литературном вечере, проходившем в парижском зале общества русских эмигрантов, Ходасевич, выступавший вместе с читавшим свои рассказы Владимиром Набоковым, представил публике биографический очерк «Жизнь Василия Травникова», посвящённый поэту начала девятнадцатого века, «русскому Гомеру», умершему тридцати пяти лет, писавшему достаточно профессиональные стихи. Ходасевич сообщил слушателям, что очерк написан на основании выписок из никому ранее неизвестного архива. Слушая читаемые Ходасевичем стихи поэта XIX века, просвещённое общество испытывало и смущение, и удивление, ведь Ходасевич открыл бесценный архив, он говорил, несомненно, о крупнейшем поэте, имя которого все узнали только лишь в этот вечер и прежде ничего не знали о Травникове. Среди слушателей был и Г. Адамович, писавший вскоре после выступления Ходасевича: «Несомненно, Трав-

ников был одарёнейшим поэтом, новатором, учителем... Надо думать, что теперь историки нашей литературы приложат все усилия, чтобы разыскать, изучить и обнародовать рукописи этого необыкновенного человека». На статью Ходасевича появился ряд рецензий. И неудивителен этот энтузиазм, ведь Ходасевич сделал сенсационное открытие!

Никто не мог и вообразить, что никакого Василия Травникова не было на свете. Его биографию выдумал сам Ходасевич. Мистификация удалась, Ходасевич мог быть доволен своей игрой. То был блеф, саркастический смешок Ходасевича над теми, кто поверил в существование «одарёнейшего поэта, новатора, учителя» Травникова. Да, тут дал себя знать азарт игрока!

* * *

Но было и ещё что-то кроме вызова «духов игры». Некоторые исследователи творчества Ходасевича проводят параллели между Травниковым и другом юности поэта Самуилом Викторовичем Киссиным-Муни (1885–1916). Основания для этого сближения действительно имеются. Киссин, известный среди современников под псевдонимом Муни, не оставил в литературе следа и интересен, пожалуй, лишь тем, что сильно повлиял на юного Владислава Ходасевича, будучи личностью оригинальной и яркой. Ходасевич и Муни были почти неразлучны, они создали вокруг себя «символический быт», то есть символизм сделался для них образом мысли и жизни, тем магическим кристаллом, в котором весь окружающий мир выглядел перевёрнуто, зловеще, отражённый в неожиданных гранях магического кристалла.

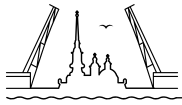
В 1922 году Ходасевич напишет такие строки:

Счастлив, кто падает вниз головой:
Мир для него хоть на миг – а иной.

Но Муни и Владислав вовсе не испытывали счастья от того, что увидели перевёрнутый мир. Всякое событие реальной жизни становилось символом, предвестием чего-то рокового и вселенского. Для обоих такое существование в расшатанном и задыхающемся мире стало, в конце концов, мучительным. Но ведь не толь-

ко в их «символическом быте», вообще в доживающей последние годы Российской империи всё стало путаться и трещать по швам, всюду занимались «кручением столов», спиритизмом, поиском наслаждения в игре, а пока ты занят игрой, будущее не кажется таким чудовищным.

История литературы знает великое множество примеров, когда те или иные произведения приписывались несуществующим авторам. Классический случай подобной мистификации – это, конечно, Козьма Прутков, чьи создатели, А. К. Толстой и братья Жемчужниковы, приписали вымышленному поэту не только литературные произведения, но и биографию, создан был даже портрет Пруткова. Показателем успеха мистификации было то, что подпись Пруткова стала появляться под сочинениями, которые уже не принадлежали перу Толстого и Жемчужниковых. Есть и множество других, менее известных примеров. Профессор Берингтон в 1737 г. мистифицировал некоего Гауденцио ди-Лукка, который якобы сочинил труд о неизвестной африканской стране, чья цивилизация являлась одной из самых древних на планете. Просветитель Шарль Луи Монтескье в 1729 г. опубликовал перевод некой греческой поэмы, написанной в стиле Сафо, будто бы сочинённой безвестным поэтом, а на самом деле принадлежавшей перу самого философа. Дени Дидро был, как известно, подлинным автором романа «Монахиня», мнимого автора которого, монахиню Сюзанну, выдумал он сам. Горэс Уолпол издал в 1764 г. «готический роман» «Замок Отранто», якобы являющийся переводом итальянского манускрипта каноника церкви св. Николая в Отранто Онуфрио Муральто. Исследователь литературных мистификаций Евгений Ланн рассматривал творчество мистификаторов в контексте психологии игры, обнаруживая «психологический параллелизм между мистификатором и актёром». «Мистификатор и актёр, – отмечал Е. Ланн, – должны добиваться одного и того же эффекта – принудить каждого верить в то, что реально они существуют только в образе «изображаемых» ими лиц. На участке мистификации мы наблюдаем театрализацию литературы». [Е. Ланн. Литературная мистификация. М. – Л., 1930. С. 209]. Таким образом, писатель-мистификатор играет как бы двойную роль, он создаёт героя, играющего роль автора, и собственно героя литературного произведения, в этом отношении мистификация является слож-

нейшей смысловой игрой, где человек должен полностью отрешиться от своего «я» и раствориться в другом.

Позднее Ходасевич, в молодости близко знавший Андрея Белого и Валерия Брюсова, называл себя «последним представителем символизма». Ходасевич и Муни старались расшифровать игру символов и знаков, овладеть их таинственным языком, не понимая, что все предвестья и виденья были лишь порождением их фантазии, чистым вымыслом. Они, разумеется, не отдавали себе отчёта в том, что их «символический быт» воспроизводил ту роль поэзии, которую играла она в архаическом сакральном быте, являясь в глубокой древности, как писал Хейзинга, «культом, праздничным увеселением, коллективной игрой». [Хейзинга Й. Указ. соч. С. 140] С двумя юными символистами произошло нечто подобное тому, что описано в «Бесах» Достоевского: «Один седой бурбон-капитан сидел, сидел, всё молчал, ни слова не говорил, вдруг остановился среди комнаты и, знаете, громко так, как бы сам с собой: «Если бога нет, то какой же я после этого капитан?» Взял фуражку, развёл руки и вышел». Среди всех заблуждений человечества одно из самых опасных – это убеждённость в том, что в жизни всё относительно. Начиная сомневаться в существовании Бога, уже трудно быть уверенным в явлениях меньших, и, наконец, – «какой же я после этого капитан?», какой же я человек?.. Муни точно так же стал сомневаться в собственном существовании. «Видишь ли, – говорил он Ходасевичу, – меня, в сущности, нет, как ты знаешь. Но нельзя, чтобы это знали другие, а то сам понимаешь, какие пойдут неприятности». Да, вот такие чудовищные шутки играл «символический быт»... Ну а если «меня нет», то «я» могу воплотиться, чтобы стать заметным для других. Владислав Ходасевич вспоминал: «Муни сам вздумал довоплотиться в особого человека, Александра Александровича Беклемишева... Месяца три Муни не был похож на себя, иначе ходил, говорил, одевался, изменил голос и сами мысли... Александр Беклемишев был человек, отказавшийся от всего, что было связано с памятью о Муни...» Киссин-Муни сотворил Беклемишева, как Ходасевич – Василия Травникова, и, хотя к 1936 году «символический быт» для Ходасевича остался в далёком прошлом, он вновь вернулся к эфемерности, относительно бытия, говоря языком научного сочинения о человеке, которого никогда не было. Беклемишев

и Травников – фантомы «символического быта»... И Травников мог сказать о себе те же слова, что говорил перевоплотившийся Муни: «меня, в сущности, нет...» Исследователями было установлено, что одно из стихотворений, которое цитировал Ходасевич как написанное Травниковым, сочинено было Самуилом Викторовичем Киссиным, и звучало так:

О, сердце, колос пыльный!
К земле, костями обильной,
Ты клонишься, дремля.

Современники не догадались о прозрачности Муни, как не сразу уразумели эфемерность Василия Травникова. «Двойное существование, конечно, не облегчало жизнь... – пишет Ходаевеич, – а усложняло её в геометрической прогрессии. Создавалось множество каких-то совсем уж невероятных положений. Наши «смыслы» становились уже не двойными, а четверными, восьмерными и т. д. Мы не могли никого видеть и ничего делать». Но Муни и Ходасевичу, страстным игрокам, хотелось поиграть с тенями, вызвать духов, с которыми они, «маленькие ученики плохих магов», не умели обращаться. Тогда, в 1908 году, когда Муни «довоплотился», эту игру в двойственность прервал, как более разумный и осторожный, Владислав Ходасевич. В противном случае всё это кончилось бы для обоих сумасшествием, они и так были доведены до нервного перенапряжения. Беклемишев исчез, но Травников остался, потому что, в отличие от своего несчастного друга, Владиславу Ходасевичу хватило хладнокровия и таланта для того, чтобы заставить окружающих поверить в существование никогда не приходившего в этот мир человека. Выходит, та давняя игра «символического быта» много дала поэту, тогда он, казалось, стоял на пороге тайны, иррационального прозрения. Хотя, разумеется, за это прозрение пришлось бы заплатить очень дорого – отдать свой рассудок в жертву. Ведь то был бунт против реальности, от которой отгородились эти «маленькие ученики», один из коих через несколько лет покончил с собой, выстрелив из револьвера в висок.

ПОЭЗИЯ

Михаил ФЕДОСЕЕНКОВ*

* * *

Вода тончайшей плёнкой обтянула
Сходящееся темя камня.
И глубиной из-под него взглянула
Не напрямик, а обтекаемо.

Разумно пошептав на перекате,
Она пошла далече немо.
Ракушек незадачливый искатель
Смутил ногой босою небо.

Впадает в сон обманутое время,
Его кувшинкою качает;
И размышляет каменное темя
О перевёрнутости чаек.

* Михаил Федосеенков родился в 1957 г. в Кемерово. Живёт и работает в Тюмени с 1984 г. Автор 27 сборников поэзии. Лауреат нескольких литературных премий. Публиковался в журналах «Наш Современник», «Огни Кузбасса», «День Поэзии», «Бийский вестник», «Эринтур» и др. Известен также как художник и музыкант.

АВТОБИОГРАФИЯ

С появлением на свет
 Я постиг её. Она проста.
 Лишь не было слов, чтоб выразить её.
 Состарившись в их мучительных поисках,
 Я умер.

* * *

Страсти мастерски седлая,
 Речь берёт он в оборот...
 Кто таков он? Русь Святая –
 Поэтический народ.

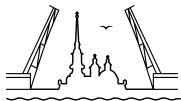
Назначенью не переча,
 Постигая Божью суть,
 Сквозь эпох противоречья
 В бездне он торит свой путь.

* * *

Высоки сугробов склоны,
 Тротуара узок ход.
 Министерство обороны
 Дремлет в будке, пар идёт.

Дом родной, застава детства,
 Дым печной растёт сосной.
 Розовеет по соседству
 Лес берёзовый, сквозной.

Выбегаю на просёлочек
 Из калитки я своей –
 Звонко мир, искрист и колоко,
 Свят всей Джомолунгмой дней!

* * *

Последний день зимы.
Душа ликует детски.
Весна свихнёт умы,
Но никуда не деться.
Раскрепостится взгляд,
И полетят улыбки.
Ловить их кто-то рад
И совершать ошибки.

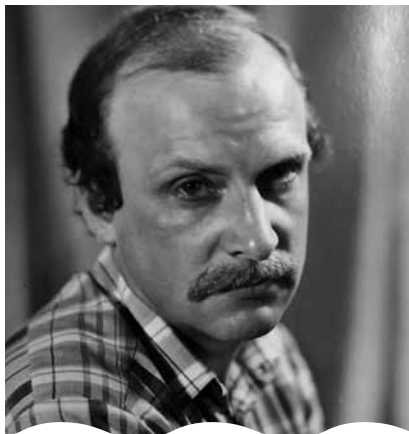
ЗАВТРА

Вдаль идет пилигрим,
Вьются пряди седые.
По молитвам своим
Чинят благо святые.

Рожью песни звучат,
Чащей – хрусткие ветки,
В звонких смехах девчат –
Их грядущие детки.

Расцветают сады
И цветы полевые.
А на небе следы
Заросли пулевые.

Василий **КОВПЕР***

* * *

Печаль моя рассыпана листвой,
Шумят дожди унылого набата.
Как грустно мне осеннею порой
Брести по бездорожью в час заката.

Брести и видеть, как мужик у воза
Пыхтит волом, ругаясь в бога-мать,
Как в хворостах измазанные козы,
Зубами чешут божью благодать,

Как по отаве около болота,
Коровы семят в село гуртом,
И мокрого лохматого барбоса,
Плетущегося рядом с пастухом,

И сенные стога среди поляны,
С притугами из ивовых ветвей,

* Ковпер, Василий Михайлович – поэт, Санкт-Петербург.

И просеки поросшие бурьяном, –
Разбитые копытами коней.

Мне близко всё: рассветные туманы,
Дубрав молчанье, хмурые поля,
И прошлого хранители – курганы.
Ведь это всё – есть Родина моя.

Наступит ночь. В глазах моих печальных
Затихнет свет задумчивого дня.
И этот край лесов, холмов овальных,
Ещё дороже станет для меня.

* * *

Тихо и пусто
 в лачуге моей.
Мышь не шуршит,
 не пищит у дверей.

Ветер в окошко
 тайком
 не стучит.

Пёс на цепи
 не скулит,
 не ворчит.

Вымерло будто всё в мире земном.
Ночь.
 Даль полей околдована сном.
Звёзды застыли в глубинах небес.
Мглою опутан таинственный лес.

Только в душе моей
 сверходинокой,
Стонут песками пустыни Востока.

Вьюжных просторов режут ураганы,
В сердце вскрывая незримые раны.

Нет мне покоя
 В безмолвной ночи,
Кто-то возвышенно-громко
 молчит,

В мыслях всплывает: Ты,
 брат,
 ни один.

В мире теней,
 ты, огня
 господин.

Тихо и пусто
 в лачуге моей.
В печке мерцают
 сто тысяч огней.
Прыгают искры от тлеющих дров, –
Спутников тёмных
 и
 светлых.
 миров.

1986–2022 г.

* * *

Я жду в напряжении грома,
Небес грозового разряда.
А громоотвод мой изломан.
А тучи,
 а тучи уж рядом.

А тучи,
 лохматые тучи
Так низко зависли над крышей.

И сила
их
грозная
пучит.
И гул нарастающий слышен.

И клонятся вербы от ветра.
Шуршат почерневшей листвою.
И псы за околицей где-то,
Скулят на стихию и воют.
Закрты на крюк ставни окон.
В избе бабка молится Богу.
Внезапно,
снующим потоком,
С высот хлынул дождь на дорогу.

И в самое то же мгновенье,
С неистойвой вспышкой и всплеском,
Ударила молния в землю
За кладбищем, у перелеска.

И вздрогнули, враз, в окнах стёкла,
Издав звук надтреснуто-хрусткий.
И свод всколыхнулся.
С Востока,
по стокам –
Пошли очищения сгустки...

Село затаилось.
Повсюду
Бродила гроза.
Неспроста –
Застой порождает Иуду.
Движенье рождает – Христа.

26 ноября 1986 г.

ПРОЗА

Николай ТРОПНИКОВ*

ИЛИОТРОПИОН**

«...растение подсолнечник представляет своего рода чудо в природе: оно постоянно обращено головой своей к солнцу и вместе с ним обращается от востока до запада, даже в дни облачные; ночью же... совокупляет оно свои цветочные лепестки воедино и закрывает их».

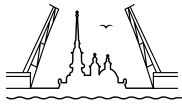
Плиний Старший

Вырос подсолнух в дальнем углу участка, на меже картофельного загона из неизвестно кем оброненного семени. Вырос как-то совершенно незаметно и только после того, как достиг размеров почти человеческого роста, будто вдруг решил явиться. Открыла его девочка-дашница:

– Это кто? Откуда он взялся?.. Я же всё лето ходила мимо купаться, даже ромашки срывала, а его не видела. Нет, правда, – подтвердила она и замолчала удивлённо.

* Тропников, Николай Иванович – прозаик, сценарист. Работал на киностудии «Леннаучфильм» (1973–2000) – администратором, директором съёмочной группы, ассистентом режиссёра. Член Союза писателей России.

** Илиотропион – подсолнечник (с греческого).

Видно было, что она знала это растение, знала, как оно называется, и поразило её что-то другое...

Явлению подсолнуха я и сам удивился не меньше, потому что увидел его тоже впервые – невероятно, но я так и не мог вспомнить момента, когда он попадался бы на глаза маленьким. Впрочем, мне иногда кажется, что и сам я тоже не родился, а как-то вдруг однажды вырос тёмной ночью, продавив головой землю, как гриб под ёлкой, и утром предстал уже взрослым...

К концу июля подсолнечник стоял среди трав великаном, великодушно склонив голову, всегда будто тоскующий о чём-то, одинокий и немой, как иностранец, не понимающий языка чужой страны.

Иногда же он напоминал углубившегося в молитву монаха, и я наблюдал за ним только издали, чего-то стесняясь, и никогда не прикасался... Север не место для теплолюбивого растения, и, мне казалось, иногда, что я слышу, как он что-то шепчет, двигаясь за солнцем. Когда оно поднималось над косогором и жарко светило ему в лицо, подсолнух поворачивал навстречу увесистый початок, величиной с тарелку, и сиял в благодушном забытии. На ночь же он будто угасал. И так всё лето...

А лето оборвалось как-то вдруг, словно его отстригли... Утром одного из сентябрьских дней оно ещё напоминало о пляжной беспечности июля с ещё едва замечаемой тоской, а уже к вечеру того же дня воздух начал быстро леденеть, становясь плотным и осязаемым. Бесшумно ушли облака, ушли сами, без ветра, как бы посторонившись, улеглись вокруг горизонта и замерли, подёрнувшись лилово-чернильным цветом. Только в центре небосвода осталась от них мелкая рябь, похожая на снежные хлопья, в которой колюче зажглись редкие звёзды. К полуночи убралась и рябь, словно вымерзла в холодном свечении, стекавшем с полной луны. Ночь остекленела, погрузившись в сияющее безмолвие. Вокруг всё потеряло объёмы: и дома, и сарайчики, и деревья, и поле за речкой, заросшей ольховым кустарником – всё превратилось в силуэты, будто призраки...

Утром крепкий заморозок сразу же забрался под телогрейку. Земля подстыла, покрывшись мохнатым инеем, из которого влажное солнце высекало искры, взлетающие в воздух, словно из костра. И слышался кругом, будто капустный хруст...

Переполненные ощущением незнакомой морозной чистоты, удивлённо-испуганно притаились яблоньки-перволетки, ещё подвязанные белыми тесёмками к колышкам, но уже похожие на крепко сложившихся подростков...

Подсолнух, будто нависнув над пропастью, падал. Недозревший початок надломил верхушку стебля и смотрел в землю. Обмороженные листья, словно обмякшие уши слона, свесились вдоль толстого стебля, и вяло покачивались от почти неосязаемого колебания воздуха... Подсолнух стоял, шатаясь, напрягая все силы, чтобы не упасть, и, приходя в сознание, будто уговаривал себя: «Надо устоять!»

У подножья его поблёскивала мелкая, ещё зелёная травка, умывшаяся растаявшим инеем, как дождиком, и опять помолодевшая. Рядом на пустом картофельном загоне светились цветочками кустики сурепки, ромашек... Подсолнух шатало...

Ночь наступила опять лунная...

Утром с восходом солнца снова всё сияло, и я, уже боясь взглянуть в сторону межи, чувствовал, что там что-то рухнуло. Рухнуло ночью, как дерево в лесу; в воздухе будто зияла дыра, а вокруг ещё до сих пор слышался грохот падения...

Сломавшись почти у самого корня, подсолнух лежал среди травы, уткнувшись в неё лицом, словно улетевший куда-то и уже равнодушный и к солнцу, и к отогревавшейся земле...

ОДИН

...Появление старика я ощутил раньше, чем увидел его, занятый просматриванием записей в дорожном блокноте.... Ощутил интуитивно, по изменившемуся поведению толпы, вывалившейся на привокзальную площадь по прибытии очередного поезда дальнего следования: толпа, будто вдруг раздражённо, заворчала: «Ну, что ты тут путаешься под ногами! Видишь, все бегут, торопятся все!» И раздражение это сопровождалось, кажется, и молчаливой бранью, и обзлёнными взглядами в спину...

Старик чувствовал это, пытался уступить дорогу, когда обгонявшие цеплялись за мешок, висевший в его руке. Он переключал его в другую руку и виновато усмехался, но продолжал шагать неторопливо самостоятельно, не сбиваясь на общую суету, так что позади его невольно образовался узкий коридорчик, словно борозда за плугом...

Он был высокого роста, сухощавый, ссутулившийся, в сером выцветшем, как фуфайка, восточном халате и в чалме. Судя по узкому разрезу глаз на выжженном солнцем лице, старик был то ли пастухом-кочевником, то ли земледельцем. Шёл он, старчески щурясь, и что-то искал взглядом по сторонам...

Наконец остановился перед маленьким газоном, покрытым жёлтой травкой, сухой, как лишайники... Остановился в нерешительности, посмотрел на пыльные кирзовые сапоги и, когда по газону протопала кучка юнцов с оравшим магнитофоном, тоже шагнул на травку...

Опустив на землю мешок, он оглядел небо, наглухо задёрнутое безликой мутью, за которой будто вовсе не было солнца, и, развязав мешок, вынул из него пол-литровую бутылку.

Пробка была свёрнута из газетной бумаги, он вынул её зубами, полил на руки, отёр лицо, постелил вынутый из того же мешка домотканый коврик, похожий на половичок в северных избах, и опустился на колени... Подняв голову лицом вверх, старик скользнул по лицу ладонями и замер, едва заметно шевеля губами. Потом уткнулся лицом в землю...

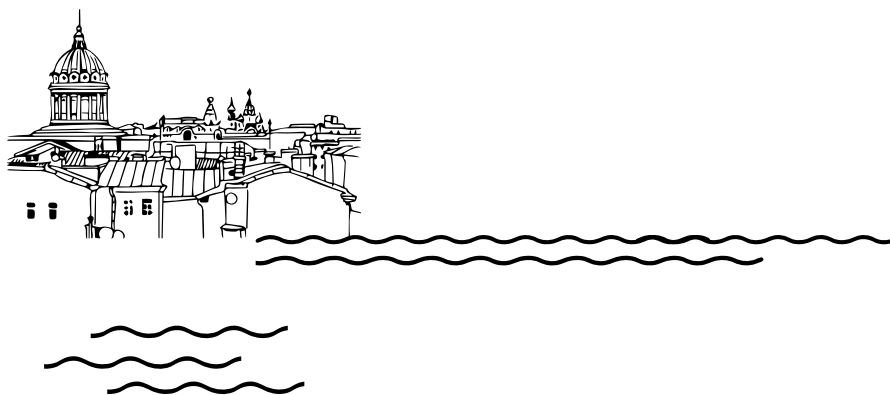
Вокруг старика установилась какая-то особая плотность воз-

духа, и об него будто спотыкались ещё на расстоянии. На мгновение в людях словно просыпалось воспоминание о чём-то первоначальном, с пробуждением которого они не могли справиться быстро, на ходу и, спотыкаясь, в недоумении оббегали старика, переглядывались между собой, выдавливая на лицах то снисходительную ухмылку, то презрение, и уходили, выказывая друг другу и чувство превосходства, и сожаление, и озадаченность..

Старик молился отрешённо и напоминал камень, выступавший из воды. Площадь постепенно пустела, придавленная липкой мглой, павшей на астраханскую степь, и выглядела изнемогающей от духоты, как перед обмороком. Лишь около вокзального здания продолжали роиться кучки цыган, мелких жуликов, бездельников и одиноких пассажиров, вроде меня, ожидавших своего поезда; валялись обрывки бумажек, окурки, раздавленные бумажные стаканчики с подтёками растаявшего мороженого, да ещё продолжал висеть в воздухе разноязыкий гвалт и мелкая пыльца, не успевшая опуститься на асфальт, по которому будто только что прогнали стадо баранов...

И, казалось мне, что откуда-то издалека доносились вязнущие в барханах звуки верблюжьего каравана, взлаивание сторожевых овчарок и стонающий голос муэдзина...

Потом объявили посадку на поезд Астрахань – Москва...

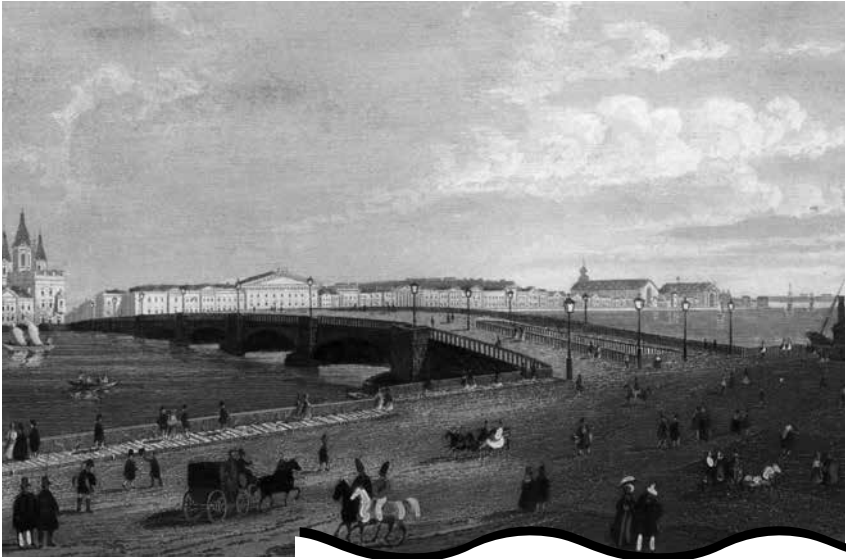
КУЛЬТУРАДаниил **МАРКИН**

ИСТОРИЯ БЛАГОВЕЩЕНСКОГО, ЛИТЕЙНОГО И ТРОИЦКОГО МОСТОВ: НЕОЖИДАННЫЕ ДЕТАЛИ

Несмотря на наличие множества выдающихся архитектурных памятников, главной «визитной карточкой» Санкт-Петербурга являются его разводные мосты. Их поднятые вверх крылья напоминают о том, что город на Неве был основан в первую очередь для морской торговли. Мосты разводят по ночам и лишь в период навигации – обычно с начала апреля по конец ноября.

Всего разводных мостов в Санкт-Петербурге восемнадцать. Двенадцать из них в период навигации разводятся постоянно: девять через Большую Неву – Литейный, Троицкий, Дворцовый, Благовещенский, Биржевой, Тучков, Володарский, Большеохтинский и мост Александра Невского, а также три через Большую Неву – Кантемировский, Гренадерский и Сампсониевский. Три моста через Большую Невку разводят по предварительным заявкам – Ушаковский, Каменноостровский и 3-й Елагин. Еще три моста – 1-й Инженерный и 2-й Садовый (через Мойку) и Старо-Калинкин (через Фонтанку) имеют исторический разводной механизм, но не разводятся. Эти мосты давно перестроены под постоянные пролеты. Разводные элементы в них сохранились только как архитектурная деталь.

Всегда ли крылья петербургских разводных мостов поднимались вверх для пропуска судов? Большинство людей считает, что да. На самом деле это не так. Три первых постоянных (то есть

Благовещенский мост

не наплавных, а установленных на опорах, погруженных в грунт) моста через Неву имели разводную часть, которая поворачивалась не в вертикальной, а в горизонтальной плоскости. Иначе говоря, они были не подъемными, как сейчас, а поворотными.

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ МОСТ

Первым постоянным мостом на Неве стал Благовещенский, длина которого составила 298 метров. Впоследствии он был переименован в Николаевский, затем в мост Лейтенанта Шмидта, а потом обратно в Благовещенский. Движение по нему было торжественно открыто в конце ноября 1850 года. Его разводная часть располагалась у правого берега Невы, со стороны Васильевского острова. Она имела длину около 21,3 м и состояла из двух отдельных крыльев, расположенных под небольшим углом друг к другу. Каждое крыло представляло собой сквозную ферму с чугунными раскосами, железными поясами и стяжками. Механизм работал так: крылья разворачивались вбок в горизонтальной плоскости, освобождая фарватер для проводки судов, после чего сводились

вместе, чтобы обеспечить проезд наземного транспорта и проход пешеходов.

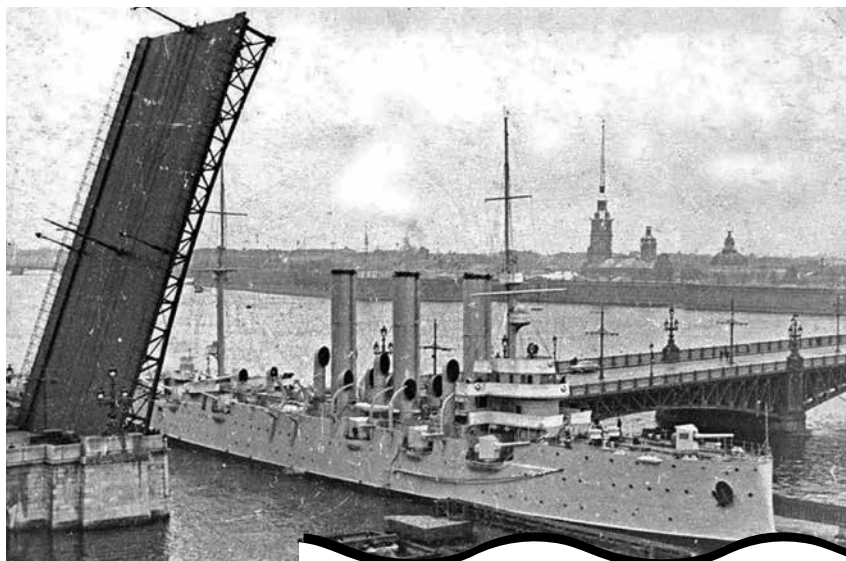
Почему была выбрана именно поворотная, а не подъемная схема? Она была сравнительно более простой и требовала меньше энергии для разводки моста. В отличие от современного подъемного пролета Благовещенского моста, поворотные створки теоретически можно было вращать даже вручную. Хотя на практике к этому способу не прибегали. Для вращения створок использовались паровые машины, размещенные на берегу. От них через систему зубчатых передач и тяг усилие передавалось на поворотные оси крыльев. При этом каждое крыло имело собственный привод.

Крылья разворачивались вокруг вертикальных шарниров подобно открывающимся дверям-створкам. Для этого использовались зубчатые сектора (рейки), закрепленные на основаниях крыльев, а также приводные шестерни, вращаемые через редукторы. Синхронизация двух крыльев обеспечивалась механической связью между приводами, чтобы разведение происходило равномерно и без перекосов. Полный разворот крыльев занимал около 40 минут.

ЛИТЕЙНЫЙ МОСТ

Вторым был построен Литейный мост. Он располагался ближе всего к месту исторической паромной переправы через Неву на пути из России в Швецию – с древности на левом берегу заканчивалась Новгородская дорога, а на правом начиналась дорога на Выборг. Первый наплавной мост, опорами которого служили плоскодонные баржи, был возведен здесь в 1786 году. Он находился в створе Воскресенского проспекта (ныне это проспект Чернышевского).

Наплавной мост непосредственно в створе Литейного проспекта впервые построили в 1849 году. В апреле 1865 года он был снесен бурным ледоходом, что послужило поводом для сооружения постоянного моста, который решили назвать Литейным. Его строительство завершилось в сентябре 1879 года. Длина моста составила более 400 метров – на сотню метров больше, чем у Благовещенского. Однако, благодаря повышению прочности стали,

Троицкий мост

инженерам удалось ограничиться пятью пролетами, не считая разводного, тогда как у предшественника их было семь.

Конструкция разводного пролета Литейного моста тоже отличалась. Вместо двух, тут было всего одно крыло, расположенное у левого берега и отводившееся против часовой стрелки. Вращающийся в горизонтальной плоскости пролет состоял из восьми ферм раскосной системы, соединенных поперечными балками и диагональными связями. Он уравнивался системой противовесов. Вращение пролета происходило с использованием водяной турбины.

ТРОИЦКИЙ МОСТ

Третий постоянный мост через Неву – Троицкий – был построен к 200-летию юбилею Санкт-Петербурга. Движение по нему началось 17 мая 1903 года. Как и в случае с Литейным мостом, разводной пролет был расположен у левого берега. Он также был однокрылым, но ось вращения находилась не на конце, примыкающем к берегу, а в центре. Пролет представлял собой

двухконсольную уравновешенную металлическую ферму, которая опиралась на цилиндрическую опору. В разведенном положении ферма поворачивалась на 90 градусов в горизонтальной плоскости и одним из концов опиралась на специальный дополнительный упор, находившийся выше по течению. После поворота образовывалось два судоходных прохода шириной 22,8 метра каждый. Вращение пролета производилось с помощью электрического привода.

ПОЧЕМУ КРЫЛЬЯ МОСТОВ ВЗМЫЛИ ВВЕРХ?

В результате развития Волго-Балтийского водного пути возникла необходимость обеспечить навигацию по Неве крупных судов. Ширина проходов, образуемых разводными пролетами Благовещенского, Литейного и Троицкого мостов, не отвечала новым требованиям. Поэтому было решено заменить поворотные конструкции на подъемные, позволявшие за счет применения современной гидравлики обеспечить почти двукратное увеличение ширины проходов. Первым реконструировали Благовещенский мост. Это успели сделать до начала Великой Отечественной войны – работы были завершены в 1938 году. Разводной пролет переместился от правого берега в центр, в наиболее глубокое место русла реки. Вместо поворотной системы была создана раскрывающаяся система с двумя крыльями, и мост Лейтенанта Шмидта (тогда он носил это имя) приобрел знакомый всем нам вид.

На Литейном и Троицком мостах разводные пролеты сделали однокрыльями, оставив их у левого берега. Движение по обоим реконструированным мостам было открыто в ноябре 1967 года, почти шестьдесят лет назад. Поэтому сейчас уже мало кто помнит, что когда-то крылья трех первых постоянных мостов на Неве двигались вдоль водной глади, а не поднимались над рекой.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Рената ПЛАТЭ*

СТОЯЛА КУПЧИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ...

Там, где причудливые вехи
Мороз скрывает за окном,
Стояла Купчинская церковь
На возвышенье небольшом...

В 1906 году на землях деревни Купчино, практически рядом с ней, появилась церковь, освящённая во имя преподобного Герасима. Церковь была деревянная, на каменном фундаменте, построенная в великолепном неорусском стиле. Её алтарь, как и полагается по церковному канону, был обращён на восток. А главный фасад церкви, ступени и крыльцо, располагались со стороны запада, то есть со стороны Царскосельской железной дороги. По этой первой в России железной дороге, построенной ещё в 1837 году,

* Платэ, Рената Зафаржановна – специалист отдела развития и культурно-выставочной деятельности ЦБС Фрунзенского района, куратор музея Купчино.

мимо деревни Купчино в Царское село проезжали поезда, проходил и специальный Императорский поезд. Вполне возможно, что члены августейшей семьи, как и все проезжавшие пассажиры этого направления, любовались деревенскими пейзажами Купчино, а с 1906 года и высоким деревянным храмом с величественной открытой колокольней и чудесными куполами-луковками, увенчанными православными крестами.

О своей церкви жители деревни Купчино мечтали давно. Небольшая Троицкая часовня, которая находилась рядом с мостом через Волковку и старым Купчинским кладбищем не вмещала всех желающих. Долгие годы купчинцы были прихожанами Чесменской церкви, расположенной гораздо западнее деревни Купчино, утраченной ныне Преображенской церкви за Московской заставой и храмов Волковского православного кладбища.

С чего же началась история строительства Купчинской церкви? Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга сохранил достаточно объёмное дело с документами 1901 года*, где засвидетельствовано решение сельского схода деревни Купчино о необходимости строительства приходской церкви. Среди первых документов этого дела находится письмо от представителей сельской общины деревни Купчино, адресованное тогдашнему выдающемуся проповеднику и гласному Петербургской городской Думы – Философу Николаевичу Орнатскому**. Письмо содержало в себе просьбу помочь в организационных вопросах строительства церкви. Там же было написано и о том, что строительный материал для церкви («всё, потребное на постройку церкви количество кирпича») готовы выделить Александр Максимович Кирсанов – владелец Кирпичного завода в Купчино и его товарищ Дмитрий Матвеевич Рассадин. И вот уже в документе от 3 января 1902 года этого же дела появляется план местности для строительства церкви и первое название будущего храма.

Дословно описание участка земли для строительства церкви в Санкт-Петербургском уезде при деревне Купчино было сформулировано так: «по левую сторону Царскосельской железной дороги от Санкт-Петербурга <на месте участка> пожертвованного

* ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 93. Д. №2.

** Ф. Н. Орнатский (1860–1918) – протоиерей Русской православной церкви, был расстрелян. В ходе красного террора, причислен к лику святых в 2000 году.

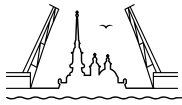

*Церковь во имя преподобного Герасима.
Фото 1927–1930 гг. с сайта Kupzilla.ru*

крестьянами той деревни под постройку церкви во имя святого Николая Чудотворца и Покрова Пресвятой Богородицы имеется две десятины удобной земли». Впоследствии, в документах, касающихся будущей церкви, этот план будет уже отчерчен более профессионально и грамотно архитектором Василием Сарандинаки и подписан как «Генеральный план участка земли при деревне Купчино, отведённого для постройки церкви во имя Преподобного Герасима»*.

С чем же связано изменение выбора святого, во имя которого будет освящена Купчинская церковь? Ответ на этот вопрос можно найти в следующем письме архивных документов. Дело всё в том, что для строительства задуманной церкви не хватало средств. К тому же, она планировалась каменной, что означало по тем временам – дорогой. В 1904 году известным петербургским архитектором Германом Давидовичем Гриммом уже был выполнен её проект. Но воплотить этот замысел не удалось. Тогда-то

* ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 27. Д № 273.

и пришло решение о строительстве деревянной церкви, и в дополнение к средствам, вырученным купчинцами за продажу части своей земли, отчуждённой на строительство Императорского пути (ещё одной железнодорожной ветки, идущей параллельно Царскосельской железной дороге), на возведение церкви появился ещё один жертвователь – купец первой гильдии Иван Дмитриевич Шустров. В своём письме председателю комиссии по постройке церкви Философу Николаевичу Орнатскому он сообщил, что «согласен пожертвовать в память дядюшки Шустрова Герасима Фёдоровича 10 тысяч рублей серебром с тем, чтобы деревянная церковь была освящена во имя преподобного Герасима». Также Иван Дмитриевич Шустров просил вечного поминовения недавно усопшего родственника. Все эти условия были приняты, проект утверждён. В этих документах впервые и появилось известное многим жителям современного района Купчино упоминание преподобного Герасима, в честь которого 1 ноября 1906 года была освящена вскоре построенная деревянная церковь.

Достаточно интересным вопросом на сегодняшний день является вопрос об архитекторах этой церкви. Во многих источниках указывается, что создание храма осуществлялось по проекту архитектора Ивана Тимофеевича Соколова, а общее техническое руководство строительством было возложено на гражданского инженера и архитектора Василия Васильевича Сарандинаки. Подпись инженера-архитектора В. В. Сарандинаки присутствует в протоколе заседания строительного отделения на страницах плана местности и церкви с сопутствующими словами «с подлинником верно», что соответствует заявленному. А вот подписи Ивана Тимофеевича Соколова на документах, связанных с Купчинской церковью не обнаруживается нигде. Впервые изучением этого вопроса занялся историк и краевед Кирилл Гришин, к сожалению, безвременно ушедший от нас в марте 2025 года. Ему удалось установить, что дворянин, действительный статский советник Василий Васильевич Сарандинаки и Иван Тимофеевич Соколов служили в одном Артиллерийском ведомстве. Но Иван Тимофеевич Соколов в этом ведомстве был казначеем, имея чин надворного советника. Является ли И. Т. Соколов архитектором Купчинской церкви? На данный момент, этот вопрос является предметом дальнейших исследований.

Что же касается преподобного Герасима, во имя которого была освящена Купчинская церковь, то для нас важно отметить – этому святому на Руси поклонялись издавна. Даже советские литературоведы не могли отрицать, что имя главного героя рассказа Ивана Сергеевича Тургенева «Муму» Герасима – связано со святым, который покровительствует всем нашим братьям меньшим. Описанию жизни преподобного Герасима посвящён и один из рассказов Николая Лескова, им же был сделан литературный пересказ жития святого. К слову сказать, оба эти писателя похоронены на земле Фрунзенского района, – на «Литераторских мостках» Волкова кладбища. Относительно же более ранних источников, то сведения о жизни преподобного Герасима известны из житий Евфимия Великого и Кириака Отшельника, а также из книги «Луг духовный», которая была написана византийским монахом Иоанном Мосхом. Согласно древним преданиям преподобный Герасим Иорданский родился в исторической области Ликия в Малой Азии. Ещё в юности, а время его жизни – это V век, он решил посвятить себя служению Богу. Оставив благополучную жизнь, он стал монахом и на правом берегу реки Иордан основал монастырь. Будучи уже старцем, Герасим не побоялся подойти к львёнку, который мучился от того, что занозил лапу. Ранагноилась, и старец излечил больного. В благодарность львёнок неотлучно находился при Герасиме и умер в день его кончины. Соответственно этому житию святой Герасим считается покровителем животных, на иконах принято его изображение с львёнком.

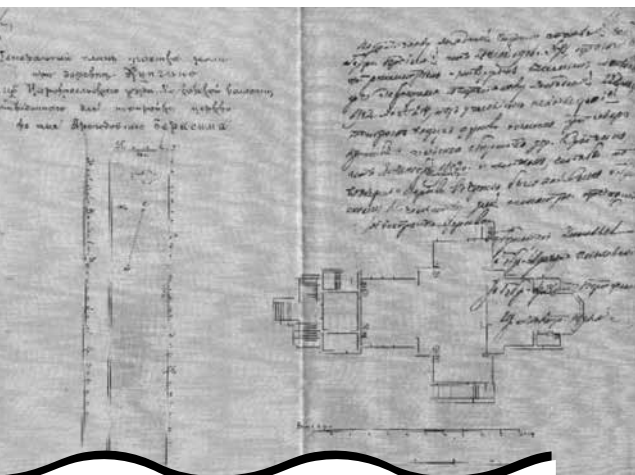
Десять лет назад, в 2015 году в Санкт-Петербургской епархии возникла идея возрождения церкви. Храм планируется построить по его первому проекту, выполненному архитектором Германом Давидовичем Гриммом. Он будет возведён недалеко от того места, где стояла деревянная Купчинская церковь. Сейчас на этом месте находится временный храм Герасима Иорданского.

Место, где находилась Купчинская церковь, было чётко обозначено на многих картах и схемах Санкт-Петербурга, да и осталось в памяти старожилов. Согласно современной топонимике церковь стояла там, где сейчас улица Димитрова упирается в Белградскую.

Что же касается истории этой церкви, то она интересна и уникальна. Купчинцы её очень любили, соблюдали все православные

обычай, по воскресным дням посещали занятия по Закону Божию. Был в церкви и свой хор. Этому свидетельствуют не только воспоминания местных жителей, но сохранившиеся в историческом архиве Санкт-Петербурга «Клировые ведомости» – внутрицерковные документы о службе лиц духовного сословия. Важным и наиболее информативным для нас является то, что сохранились

План участка земли и церкви, выполненный архитектором В. В. Сарандиначи. ЦГИА СПб. Ф.256. Оп.27. Д.73.

Проект церкви в деревне Купчино академика архитектуры Г. Д. Гримма. Коллекция музея Академии художеств.

клировые ведомости 1918 и 1919 годов, засвидетельствовавшие записи о продолжении действия церкви в послереволюционное время*. Особенно трогательными являются слова о прихожанах церкви, появившиеся в клировой ведомости 1919 года: «Волны революционного движения нисколько не ухудшили религиозно-нравственной жизни пасомых (в данном контексте – прихожан, прим. автора статьи), напротив, прихожане стали проявлять живое участие в отстаивании попираемых прав и законов нравственности религии». Все эти записи были сделаны священником церкви Михаилом Романским.

* ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Далее, все цитаты приведены из этого документа.

Таковы бесценные документы ушедшей эпохи. На смену священнику Михаилу Романскому в 1926 году пришёл священник Николай Васильевич Розов, а его сын – Николай Николаевич Розов, впоследствии видный учёный и исследователь, будучи ещё подростком, звонил в колокола Купчинской церкви. Николаю Васильевичу Розову суждено было стать жертвой сталинского террора, и его имя в наши дни канонизировано. Сама же церковь преподобного Герасима в Купчино была разобрана во время Великой Отечественной войны. Её место до сих пор овеяно особой красотой и благостью.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Нина СИМОНОВА*

ВТОРОЙ ДИРЕКТОР ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ-КОЛОНИИ «КРАСНЫЕ ЗОРИ»**

Николай Степанович Лесков родился в 1907 году в деревне Проказово Бологовского района Калининской области*** (бывшей Тверской губернии).

Имя Николая Степановича тесно связано с историей школы-колонии «Красные Зори» и судьбами её воспитанников. Его назначили на место директора в краснозорьскую школу после ареста И. В. Ионина. «Репрессии, разгулявшиеся по всей стране, не обошли и «Красные Зори»****. В ночь на 17 сентября 1937 года

* Симонова, Нина Ивановна – публицист, краевед, педагог-библиотекарь, педагог дополнительного образования.

** Лесков Николай Степанович (1907–1941).

*** Память народа 1941–1945: [Электронный ресурс]. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie77867382/ (дата обращения 13.08.2025).

**** Бубликова, Г. Г., Голышев. П. В. Повесть о «Красных Зорях». Документальный рассказ об уникальном детском учреждении, существовавшем в Стрельне Ленинградской области в 1919–1941 годах. – Санкт-Петербург: [Б.и.], 1996. – С.125.

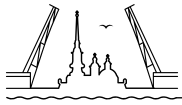
на территорию школы въехали машины, которые в народе называли «Чёрные вороны»». Сотрудники НКВД по списку арестовали педагогов и сотрудников школы, объявив их «врагами народа»; в их число попал Ионин Игнатий Вячеславович, первый директор школы-колонии и Агропедтехникума «Красные Зори». «Некоторое время школа представляла собой неуправляемый корабль: нарушились учебный процесс и дисциплина, а учителя и воспитанники не могли поверить в случившееся»*. Все надеялись, что произошла ошибка и там, наверху – разберутся и выпустят. Но все надежды и ожидания были напрасны. «До весны 1938 года И. В. Ионин находился в «Крестах», потом его отправили в Среднюю Азию»**.

В конце 1937 года назначили нового директора, но в коллективе, пережившем такое потрясение, не сразу был наведён порядок. И лишь когда к руководству школой пришёл бывший инспектор Ленинградского ГОРОНО Николай Степанович Лесков, которого хорошо знал и уважал Ионин, жизнь детей стала постепенно налаживаться. Будучи руководителем в отделе народного образования, Н. С. Лесков знал и поддерживал все новаторские педагогические практики первого директора школы-колонии «Красные Зори», высоко ценил И. В. Ионина за его профессионализм, смелые педагогические решения, отношение к детям и педагогам. Новая система в педагогике Ионина была хорошо понятна детям, которые получали на базе школы отличные знания, жизненный опыт, профессию и совсем неслучайно, целая плеяда краснозорьцев связала свою дальнейшую жизнь с детьми и педагогикой. Николай Степанович Лесков оценивал новаторство Ионина положительно, понимая, что «дети – чистые души» и продолжил работу первого директора, став вторым директором школы-колонии «Красные Зори», и краснозорьцам было с кого брать пример!

Игнатий Вячеславович Ионин был очень рад такому назначению и писал из тюрьмы, что он очень любит всех и рад, что «Красные зори» продолжают существовать. В сторону Лескова, в одном из писем, Ионин восклицал: «Вот это настоящий директор! С ним «Красные Зори» не погаснут». В своей оценке Игнатий Вячеславо-

* Там же.

** Симонова, Н. И. «Красные Зори» – школа труда, жизни и радости / гл. ред. В. А. Рыбакова, ред. М. С. Инге-Вечтомова. – 2-е изд. доп. и испр. – Санкт-Петербург: Издательская программа «АПИ», 2022. – С.16.

вич не ошибся. Лесков понимал, что новаторская система Ионина отлично работает на практике, и выращивает новое поколение педагогических кадров. «Игнатий Вячеславович Ионин умер в лагерной больнице под Ташкентом 19 февраля 1939 года»*. Ионина Игнатия Вячеславовича реабилитируют только в 1990 году за отсутствием состава преступления.

«Почти три предвоенных года школу возглавлял Лесков Николай Степанович. Высокого роста, неторопливый, подтянутый. Строгость и требовательность в нём сочетались с душевностью» – скромная характеристика в неопубликованной книге старого краснозорьца Сергея Константиновича Иванова. Новому директору пришлось налаживать приходившее в упадок хозяйство, укреплять дисциплину и взаимоотношения между воспитанниками. «Высокий, статный, широкоплечий, спокойный и неторопливый тридцатидвухлетний Лесков был прямой противоположностью невысокому, но очень подвижному Ионину»**. В своих воспоминаниях воспитанники школы-колонии «Красные Зори» отмечали, что Николай Степанович всегда был аккуратен одет и «его голубые пронизательные глаза с нависшими тёмными густыми бровями придавали лицу суровое выражение, но это за внешней суровостью скрывалась душевная доброта»***. Лесков очень быстро освоился с положением дел в школе и заслужил доверие у педагогов и воспитанников. Николай Степанович Лесков, второй директор школы сумел сохранить краснозорьский дух и продолжить традиции школы-колонии «Красные Зори», опираясь на богатый опыт краснозорьцев.

Важнейшее значение директор придавал учебному процессу и всегда присутствовал на уроках молодых преподавателей, давая им профессиональные советы, ведь педагогический коллектив пополнялся «кадровыми» учителями, выпускниками ленинградских вузов. Также как Ионин, он уделял большое внимание и эстетическому воспитанию учащихся. Он всегда присутствовал на школьных вечерах и оказывал всевозможную помощь в их ор-

* Симонова, Н. И. «Красные Зори» – школа труда, жизни и радости/ гл. ред. В. А. Рыбакова, ред. М. С. Инге-Вечтомова. – 2-е изд. доп. и испр. – Санкт-Петербург: Издательская программа «АПИ», 2022. – С.16.

** Бубликова, Г. Г., Голышев. П. В. Повесть о «Красных Зорях». Документальный рассказ об уникальном детском учреждении, существовавшем в Стрельне Ленинградской области в 1919–1941 годах. – Санкт-Петербург: [Б.и.], 1996. – С.125.

*** Там же.

ганизации. Сам Николай Степанович очень любил музыку и хорошо пел. «Его баритон приятно звучал на школьных концертах. Он признавался, что мечтал поступить в Консерваторию, но «Красные Зори» победили. Он верил в великую силу музыки и приглашал из Ленинграда в учреждение для преподавания и руководства кружками музыкантов-профессионалов»*. Благодаря работе с профессиональными педагогами в школе-колонии заметно улучшились и стали массовыми концерты художественной самодеятельности. А ещё, как и при Ионине, ребята трудились на своих полях, дежурили каждый в своей отрасли: на пасеке, в рыбоводном кабинете, на метеостанции, в животноводстве.

Игнатий Вячеславович Ионин

«Лесков работал, как Ионин, не жалея своего времени. Он тоже успевал бывать везде. Ему в основном удалось сплотить кадровых краснозорьских учителей и пришедших молодых выпускников институтов в единый коллектив»**.

После 1936 года контингент прибывающих в школу-колонию кардинально изменился. В «Красные Зори» поступали ребята, успешно окончившие седьмой класс, с положительной характеристикой, и только по направлению ГОРОНО. Среди них было много способных и даже талантливых детей: музыкантов, художников, певцов, математиков и шахматистов.

Перед Великой Отечественной войной на бывшей Михайловской даче действовал образцовый педагогический комплекс,

* Бубликова, Г. Г., Голышев, П. В. Повесть о «Красных Зорях». Документальный рассказ об уникальном детском учреждении, существовавшем в Стрельне Ленинградской области в 1919–1941 годах. – Санкт-Петербург: [Б.и.], 1996. – С. 125.

** Иванов С. К. Были такие «Красные Зори»: [Из опыта работы детской трудовой школы-колонии], 1978. – С. 186 (не опубликовано).

где удивительно умно были организованы учёба и трудовое воспитание детей. Директор Николай Степанович Лесков и его коллеги поддерживали творчество детей, активное их участие в художественной самостоятельности и спорте. Очень многие краснозорьцы хорошо учились, занимались музыкой, играли в театральных постановках. «Старшим воспитанникам была предоставлена полная свобода: они ездили в Петергоф, посещали в Ленинграде кино, музеи, театры, бывали у родных. Педагоги верили в своих воспитанников и не боялись «как бы чего не вышло!»*». Воспитанники ценили доверие и заботу своих педагогов, ни в коем случае не нарушали порядок, заведённый ещё первым директором И. В. Иониным и продолжающим его поддерживать Лесковым.

Незаметно подошёл 1941-й год. Всё изменилось. Не состоялся выпускной вечер. Директор школы Николай Степанович Лесков собрал старшеклассников в одном из классов и сообщил всем о военной обстановке: уже больше суток шла война, райком комсомола прислал направления: одно на строительство секретного военного объекта № 1807 на Карельском перешейке, а другое – рыть окопы в Ропше и Новом Петергофе. Комсорг Валя Кузьмина по списку распределила ребят на работы с 24 июня. На следующий день начались многочисленные проводы на фронт. Некоторые ребята получили повестки, другие сами поехали поступать в военное училище. Уходили в армию и народное ополчение учителя. «Одним из первых ушёл на фронт директор школы с 1938 по 1941 годы Николай Степанович Лесков, он погибнет в боях, защищая Ленинград на Невской Дубровке»**. С первых дней войны Лесков запишется добровольцем в Ленинградскую армию народного ополчения. По архивным документам в деле за № 1895 говорится, что Лесков Николай Степанович, 1907 года рождения зачислен в ЛАНО Куйбышевским РВК, дата призыва 1941 год, воинское звание – старший политрук военной разведоты 80-й стрелковой дивизии.

Ленинградская армия народного ополчения (с 4 июля 1941 г. ЛАНО), формировалась с 30 июня 1941 года на основании решения Ленинградского горкома ВКП(б) и постановления Военного совета

* Бубликова, Г. Г., Голышев, П. В. Повесть о «Красных Зорях». Документальный рассказ об уникальном детском учреждении, существовавшем в Стрельне Ленинградской области в 1919–1941 годах. – Санкт-Петербург: [Б.и.], 1996. – С.125.

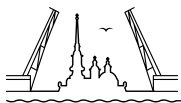
** Симонова, Н. И. «Красные Зори» – школа труда, жизни и радости / гл. ред. В. А. Рыбакова, ред. М. С. Ингевчотова. – 2-е изд. доп. и испр. – Санкт-Петербург: Издательская программа «АПИ», 2022. – С.47.

Северного фронта от 27 июня 1941 года. Известно, что были образованы Военный совет и штаб армии, которые возглавили работу по формированию ополченских соединений и частей, непосредственным созданием и оснащением которых занимались районные комиссии во главе с секретарями райкомов партии, в материально-техническом обеспечении участвовали многие промышленные предприятия Ленинграда. Общая численность армии народного ополчения составила свыше 135 тыс. человек. «Дивизии комплектовались по территориально-производственному принципу, применительно к организационной структуре, принятой в Красной армии. Большинство дивизий состояло из 3 стрелковых и 1 артиллерийского полков, ряда отдельных батальонов и рот. Кадровых командиров было мало. Большая часть личного состава в военном отношении была совершенно не обучена или прошла лишь курс допризывной подготовки. Дивизии имели значительный некомплект станковых пулемётов, отсутствовали противотанковая артиллерия и зенитные средства. Времени на боевое сколачивание подразделений не было. В боях на дальних и ближних подступах к Ленинграду соединения армии народного ополчения понесли тяжёлые потери. И в этих исключительно трудных условиях войны ополченцы показали образцы мужества, стойкости и сыграли огромную роль в защите Ленинграда в первые месяцы войны»*. «Народное ополчение, родившееся в тяжёлые для страны первые дни войны, было одной из наиболее массовых форм участия трудящихся в вооружённой борьбе с немецкими захватчиками, важным боевым резервом Красной Армии. По велению сердца сотни тысяч добровольцев взяли в руки оружие, чтобы помочь кадровым войскам остановить врага»**.

До конца октября 80-я стрелковая дивизия вела оборонительные бои в районе Слуцка, затем была переброшена к Невскому плацдарму и в составе 8-й армии Ленинградского фронта вела наступление в направлении Синявино навстречу войскам 54-й армии. После 10-дневных упорных боёв она успеха не имела и вынуждена была перейти к обороне.

* Память народа 1941–1945: [Электронный ресурс]. –URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie77867382/ (дата обращения 13.08.2025).

** Крюковских, А. П. Создание Ленинградской армии народного ополчения// В годы суровых испытаний. – Ленинград: Лениздат, 1985.

С 25 ноября подполковник П. Ф. Брыгин был назначен командиром 80-й стрелковой дивизией, входившей в состав 54-й армии Ленинградского фронта. Участвовал с ней в Тихвинской наступательной операции. «Перед дивизией стояла задача со сто-

роны Ладожского озера ударить по противнику в направлении Сосновец – Бугры, захватить рабочие посёлки № 1 и 2 и наступать в направлении Синявинских высот. В ночь на 26 ноября она приступила к выполнению поставленной задачи. Её части с опозданием на пять часов вышли к берегу Ладожского озера, не ориентируясь в обстановке и не зная расположения позиций противника. Затем они без артиллерийской поддержки начали атаку на вражеские укрепления и в двух километрах от берега попали под прицельный огонь врага. Понеся большие потери, 28 ноября дивизия была выведена из боя и сосредоточена в районе Бугры. После пополнения с 3 декабря она в составе ударной группы армии вместе

с 311-й стрелковой дивизией и 6-й бригадой морской пехоты перешла в наступление из района Войбокало в южном направлении. В ходе его она блокировала опорные пункты противника в Опсала, Овдокало, Тобино, Падрилла и совхозе «Красный Октябрь», затем заняла деревни Большую и Малую Влои. К 28–29 декабря её части с боями вышли к ж. д. Кириши – Мга и перерезали её в районе ст. Жарок, после чего заняли оборону вдоль дороги*. Бойцы 80 стрелковой дивизии сражались в составе действующей армии с 25.09.1941 до конца войны.

Николай Лесков погибнет в боях, защищая Ленинград в нескольких километрах от Невской Дубровки. В Приказе об исключении из списков есть запись: «старший политрук Лесков Николай Степанович – военный комиссар разведывательной роты 80 стрелковой дивизии погиб 06.12.1941 года, о чём сообщено его жене Лесковой Н. В., проживающей по адресу: г. Ленинград, Свечной переулок 7, кв.11»**.

А архивных описях постоянного хранения фонда 7384 ЦГА СПб Городского совета Народных Депутатов Санкт-Петербурга. 1917–1993 гг. хранится Акт вручения медали «За оборону Ленинграда» в нём – запись, что Лесков Николай Степанович награждён медалью «За оборону Ленинграда». Медаль вместе с удостоверением вручена его жене Русаковой Нине Васильевне, проживающей по адресу: г. Ленинград, Свечной пер.7, кв.11 (Л-31468, пр.№212 от 01.09.1943 года по ЛГВК)***.

Похоронен Николай Степанович Лесков «в братской могиле в двух километрах от деревни Падрилла, Мгинского района Ленинградской области»****. Память о последнем директоре школы-колонии «Красные Зори» хранят краснозорьцы в своих воспоминаниях, а в музее школы-интерната «Красные Зори» бережно хранится его фотография среди коллектива выпускников 10 класса 1939 года.

Вечная память педагогу и бойцу, отдавшего свою жизнь за детей и Ленинград!

* Память народа 1941–1945: [Электронный ресурс]. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie77867382/ (дата обращения 13.08.2025).

** ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12220, Д. 7. Приказ об исключении из списков.

*** ЦГА СПб. Ф.7384. Оп. 38. Д.983. Акты вручения медали «За оборону Ленинграда».

****ЦАМО. Ф. 58, Оп. 977525, Д. 306. Донесение о безвозвратных потерях.

ПЕРЕВОДЫ

2026
ГОД ЕДИНСТВА
НАРОДОВ РОССИИ

Елена СЕМЕНЧЕНКО*

ЛЮДИ И ДУХИ СВЯЩЕННОГО АГАНА**

(легенда)

Когда-то давным-давно, так давно, что даже самые старые деревья не были свидетелями, в самой вершине реки Аган небольшое озерко было. В тех местах Великан-богатырь поселился. Кому добрым, кому злым казался. Людей не обижал Великан-богатырь, но воды много пил, и чтобы вода из озера не убегала в реку, перегородил он ручей у самого озера. Озеро сначала заполнилось водой, стало полноводным. Редкие рыбаки-охотники, забредшие в такую глухомань, видели Великана-богатыря, лежащего на берегу озера, пьющего жадно студёную озёрную воду. Слухи об этом Великане-богатыре до самого устья Агана дошли. Пил воду леже-

* Елена Николаевна Семенченко окончила Тюменскую академию культуры и искусства по специальности «Менеджмент», работала главным хранителем, затем руководителем в муниципальном казенном учреждении Этнографический парк-музей села Варьёган Нижневартовского района.

** Записала легенду со слов Зои Николаевны Айпиной и перевела с хантыйского, Семенченко Елена Николаевна, 25 июня 2006 года на стойбище Лейковский яр. Художественная обработка Михайловского В. Л.

бока день и ночь, и весной и летом и осенью. Только на зиму засыпал он тяжёлым сном, как медведь. Может ему медведь младшим братом был? Того никто не знает.

Сколько лет, осеней и вёсен пил воду Великан-богатырь неведомо, только со временем обмелело озеро, высохло. Люди, звери остались без воды, и это озеро впоследствии получило название Озеро живота Великана-богатыря.

Где-то в среднем течении реки Аган с тех давних времён жили почитаемые главные покровители людей, живущих на берегах реки Аган, святые духи: хозяйка реки Аган – Аганская богиня и её муж – «Урманый старик», и по сей день они там живут.

Богиня Агана говорит своему мужу:

– Вунт-Ики, у тебя есть лук и стрелы, отправляйся в верховья реки, посмотри, что там происходит. Почему воды в реке не стало?

И вот Урманый старик отправился в путь – смотреть, почему река не течёт.

Трудный путь выдался, ни рыбы не поймать, ни жажду водой не утолить. Семь дней и ночей шёл и ещё столько. Прибыв в верховье реки, Урманый старик видит, что Великан-богатырь всю воду выпил, живот от воды у него так раздулся, что перекрыл русло реки, и поэтому вода в реку не течёт.

– Отпусти воду на волю! – кричит Урманый старик.

Не слышит Великан-богатырь – уснул.

Собрал силы Вунт-Ики крикнул, что есть мочи:

– Отпусти воду на волю!!!

Только эхом отбились его слова от высокого крутого берега. Третий раз крикнул старик. Не слышит Великан-богатырь. Крепко уснул.

Достал тогда Вунт-Ики самую острую стрелу, стал натягивать свой лук. Тянул-тянул и наконец, выпустил стрелу. Стрела летела-звенела и пронзила живот Великана-богатыря. Потекли сначала струйки, словно косички, потом в ручьи превратились, а затем полноводной рекой обернулись, и потекла освобождённая вода пересохшим руслом вниз к людям. Течёт река, бежит река-Аган...

Рыбы стали в реке водиться: большие щуки зубастые, язи жирные, налимы ленивые. Разные рыбы появились. Олени, лоси

радуются – воды в реке много, можно жажду утолить в самую жару, от гнуса спрятаться, в воду погрузившись. Утки, гуси стали по берегам гнездиться. Всем хорошо стало. Люди тоже богов своих благодарят.

Но другая беда пришла: Аган разлился, что берегов не стало видно. Много воды прибыло, не уходит вода. Не знают люди, от чего это происходит. Затопила вода старицы, к домам в высоких гривах подходить стала.

Смельчаки вернулись из дальнего похода – от устья реки. Сказывают, что плотину большую каменную «Каменный запор, железный запор» соорудили семь духов. Может на людей обиделись по какой-то причине.

Снова совет держат Святые Духи Агана Ахэн-Ими и Вунт-Ики.

– Теперь ты, Ахэн-Ими продолжи, я в прошлый раз на вершине реки пустил воду, твоя очередь показать свою силу там, в нижнем течении – в устье, – говорит Урманый старик.

Превратилась Богиня реки Аган в лягушку, поплыла вниз по течению. Долго плыла. Семь дней и семь ночей прошло. Подплыла к плотине – каменному запору, железному запору, повернулась на спину против течения и стала бить задними лапами по каменному запору. В кровь разбила лапы, устала, но работу не бросала. Снова и снова толкает она камни. Крепкая кольчужная шкура потерлась, но выдержала. Пробила запор-плотину, хлынула вода вниз водопадом.

Испугались семь духов, помчались вниз по сухому руслу, обгоняя ветер. Впереди воды бегут. Устали, сели отдохнуть. На том месте сосна выросла с семью стволами. Может, и по сей день она стоит. Нам это не ведомо.

Отдохнули духи, набрались силы, дальше бегут. Воду обогнали, быстро бегут, быстрее ветра мчат их быстрые ноги. Но устали духи и сели отдохнуть. В том месте семь родников образовалось с чистой холодной водой.

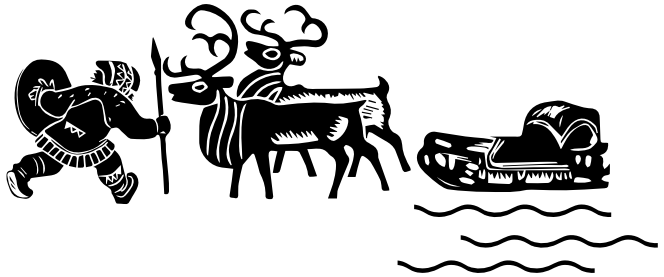
Напугала Хозяйка Агана семерых духов, увидели они накатывающую волну, дальше побежали, не заметили, как перемахнули через широкий бор, урий миновали. Так добежали они до озера. Нырнули они с одного берега безымянного озера, а вынырнули на другом берегу. «Сыс! Сыс! Сыс!», – запричитали

духи – «Долгое! Долгое! Долгое!». Так и стали называть озеро: «Сыс-Лор».

А семь духов побежали дальше. По земле бежали, по воде плыли, через болота тяжело пробирались, и добежали они до большого озера. Нырнули с ходу и начали выкрикивать: «Йим! Йим! Йим! – «Свят! Свят! Свят!». Пришлось озеро духам по душе. Живут, говорят люди, и по сей день они в этом озере. Имн-Лор – назвали его люди – Святое озеро. Это священное озеро считается домом семи духов и с той поры существует.

А Хозяйка Агана, да муж её Урманый старик хранят с тех пор людей, проживающих на берегах Агана и Священного озера.

2007

СОБЫТИЯ

«С ЛЕНИНГРАДОМ, В КОТОРОМ РОДИЛСЯ И РОС...»

31 января 2026 года в библиотеке № 5 Василеостровского района успешно прошёл финал Восьмого Межрегионального поэтического конкурса «Читаем Андрея Романова». Весь конкурс традиционно состоялся по инициативе Валентины Рыбаковой – супруги, хранителя архива поэта Андрея Романова (1945–2014), редактора основанного им литературного журнала «Второй Петербург». Этапы, очные встречи с конкурсантами, чтения, как правило, проходят в январе в школах Санкт-Петербурга и Ленинградской области, ПМК «Ленинградец», а итоговый финал – в той библиотеке, с которой много лет сотрудничал Андрей Романов, организовавший там яркие и содержательные Дни поэзии.

Поэтому нынешнее мероприятие вновь провела сотрудник библиотеки Светлана Этигон, знавшая поэта в те благостные времена. Вместе с Валентиной Рыбаковой и педагогом-организатором «Школы-интерната «Красные Зори»» Ниной Симоновой они распределили награды согласно предварительному голосованию членов жюри. Торжественный вечер поэзии Андрея Романова сочетал выступления лучших чтецов из разных школ, которые смогли приехать в этот морозный зимний день в библиотеку. Другие выступления были показаны в записи на большом экране, а также прокомментированы педагогами, которые терпеливо

Бюст Романова работы Анатолия Марьяновича Блонского, члена Союза художников и ленинградского скульптора.

работают с учащимися на протяжении многих лет. Достигнутые результаты, по мнению Валентины Рыбаковой, обнадеживающие и радостные. Выбирая совершенно разные стихи Андрея Романова, коллективы учеников и наставников стараются раскрыть смысл, заложенный в этих произведениях, а тематика самая разнообразная: блокада, послевоенный Ленинград, художественная школа, где учился поэт, трудная жизнь на Лиговке, авторский новаторский космизм и многое, многое другое. И, конечно, ни-

как невозможно без основополагающей темы Андрея Романова – любви! Вероятно, его удивительные романтические стихи будут востребованы абсолютно всеми поколениями, ведь нет на свете людей, не испытывавших светлых чувств глубокой привязанности к тому или иному человеку...

На вечере выступили: педагог-организатор «Школы-интерната «Красные Зори»» Юлия Гулева, учитель истории и обществознания Елена Коровченко, педагог Ропшинской школы Юлия Балужева и другие. Воспоминаниями о поэте Андрее Романове поделились: писатель, кинодокументалист Николай Тропников, поэты Кирилл Козлов и Екатерина Акимова. Единодушно было отмечено бескорыстное служение Романова Ленинградской и Санкт-Петербургской литературе, перечислены его многочисленные общественные проекты, упомянута активная работа с молодёжью. Помимо изданных книг поэта на столе стоял бюст Андрея Романова, выполненный скульптором Анатолием Блонским.

Писатели Валерий Михайловский и Ирина Кузина в своих завершающих выступлениях оценили созданную на конкурсе атмосферу благожелательности, стремление выразить поэтическим языком Андрея Романова петербургские настроения и оттенки, присутствующие в каждом из нас.

Дочь поэта, певица Екатерина Романова порадовала нас новой музыкальной премьерой, проникновенным исполнением Оратории ИЛИЯ для оркестра, хора и солиста Мендельсона.

Неофициальную часть мероприятия также стоит назвать успешной – состоялось перекрестное дарение книг, дальнейшее обсуждение творчества и предстоящих планов на 2026 год.

Кирилл Козлов

ВСЕЛЕННАЯ ПОЭЗИИ АНДРЕЯ РОМАНОВА СУЩЕСТВУЕТ

*Педагоги Школы-интернат «Красные зори»
и В. А. Рыбакова. (А. В. Воронова,
Ю. А. Гулева, Е. А. Коровченко, С. И. Портнова).*

31 января в Библиотеке № 5 состоялся Финал Восьмого Межрегионального поэтического конкурса «Читаем Андрея Романова».

Открыла праздник Светлана Этигон, прочитав любимое стихотворение поэта и первое слово, представила Валентине Александровне Рыбаковой. Кому, как не супруге поэта говорить о нём: о его творчестве, о тысячи его стихов, которые она собрала и опубликовала в сборниках. О том, что Андрей Владимирович Романов был общественным деятелем и человеком «слова и дела», был первым главным редактором литературно-публицистического журнала «Второй Петербург», который отметил своё 30-летие в прошлом году, издавал литературный сборник «Медвежьи песни», альманах «День поэзии» – популяризировал творчество отечественных писателей и поэтов. «Успевал везде, когда только стихи писал?» – вспоминала она.

Андрей Романов стихи писал, их сегодня читают, погружаясь в прошлый век, осмысливая сюжеты жизни поэта, художника, че-

ловека. Восьмой год проходит конкурс в память о поэте и география её участников только расширяется.

Сегодня мы услышали лучшие выступления воспитанников ГБОУ ЛО «Школа-интернат «Красные Зори»», учащихся МОУ «Ропшинская школа» и ПМК «Ленинградец».

Гран-при – самую высшую награду конкурса и специальный приз жюри получили Беляков Руслан («Школа-интернат «Красные Зори»») и Баринаова Маргарита (МОУ «Ропшинская школа»). Медали за 1, 2 и 3 места на конкурс и угощение (фирменные пряники) предоставили депутаты МО пос. Стрельна. Все участники конкурса были отмечены, и каждый получил заслуженную награду:

1 место с медалью

Кира Кузнецова (МОУ «Ропшинская школа»);
Игорь Лимарев (ГБОУ ЛО «Школа-интернат
«Красные Зори»»).

2 место с медалью

Кирилл Фёдоров (ГБОУ ЛО «Школа-интернат
«Красные Зори»»);
Юлия Широбокова (ПМК «Ленинградец»).

3 место с медалью

Анара Абдырахманова (ГБОУ ЛО «Школа-интернат
«Красные Зори»»);
София Самыловская (ПМК «Ленинградец»).

Представители жюри конкурса отметили высокий уровень заинтересованности чтецов поэзией Андрея Романова и серьёзную подготовку к конкурсу, выразив педагогам слова признательности и благодарности.

Познакомиться с творческими выступлениями участников конкурса можно в группе <https://vk.com/2peterburg?from=groups>

1. *Адриан Фёдоров (ПМК).*
2. *Нина Симонова, Юлия Гулева, Светлана Этигон.*
3. *Юлия Балужева, Маргарита Батуринец.*
4. *Валерий Михайловский и Руслан Беяков.*
5. *Татьяна Валиева, Валентина Рыбакова, Нина Симонова.*
6. *Екатерина Романова – дочь поэта.*
7. *Кирилл Козлов – поэт.*
8. *Николай Тропников – прозаик.*
9. *Ирина Кузина – журналист.*

УДК829

ББК84 (2Рос=Рус)6-5

В 87

ВТОРОЙ ПЕТЕРБУРГ – № 1 (59)/2026

Литературно-художественный и публицистический журнал

Современная проза, поэзия, критика и литературоведение
писателей Санкт-Петербурга и России.

Данное периодическое печатное издание не является коммерческим, в нём допускается свободное использование произведения без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора, произведение которого используется.

Свидетельство о регистрации журнала:
ПИ № ТУ 78-00325 от 15 июня 2009 года.
Учредители: Романов А. В., Рыбакова В. А.
Некоммерческое благотворительное издание
при поддержке литературного фонда «Дорога жизни».
Свидетельство Минюста РФ от 26.01.2009 г.
и Свидетельство ФНС серии 78 № 007099221 от 19.01.2009 г.

Адрес редакции:
190103, СПб, Рижский пр. д. 34, оф. 3.
E-mail: ligovka1945@yandex.ru.
<http://vk.com/2Peterburg>
www.vtoroyepeterburg.ru

© Коллектив авторов. 2026
© Евменова А. А., вёрстка, дизайн
© Евменовы Анатолий, Галина обложка

ISBN

Подписано к печати 2.03.2026. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная,
гарнитура «PT Serif». Печ. л. 14,5. Тираж 100
Заказ .

Отпечатано в типографии «Эталон»
Санкт-Петербург, ул. Трефолева д. 2 литера АУ
Телефон: 8 (812) 241-17-79